

Аз

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГАСТОН
ЛЕРУ

Призрак Оперы
Тайна
Желтой комнаты

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Гастон Леру

**Призрак Оперы. Тайна
Желтой комнаты**

«Азбука-Аттикус»

1907, 1910

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леру Г.

Призрак Оперы. Тайна Желтой комнаты / Г. Леру — «Азбука-Аттикус», 1907, 1910 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-23061-3

Гастон Леру – классик детективного и мистического романа. Вот уже более века по его книгам снимаются фильмы и сериалы, ставятся спектакли и мюзиклы. Особенно прославился в этом плане один из самых известных французских романов всех времен – «Призрак Оперы». Эта захватывающая готическая история о загадочном существе, обитающем в подземельях знаменитой Парижской оперы, до сих пор способна держать в напряжении читателя от первой до последней страницы. В настоящее издание, помимо «Призрака Оперы», вошли первые, и самые известные, романы о приключениях репортера Жозефа Рультабийля: «Тайна Желтой комнаты» (Джон Диксон Карр считал «Тайну…» лучшей историей о преступлении в герметично замкнутом пространстве) и «Духи дамы в черном». Также в книгу включена никогда не переводившаяся на русский язык дополнительная глава к «Призраку Оперы», входившая в первую редакцию романа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23061-3

© Леру Г., 1907, 1910
© Азбука-Аттикус, 1907, 1910

Содержание

Призрак Оперы	7
Предисловие,	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3,	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	46
Глава 8,	48
Глава 9	58
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	73
Глава 13	79
Глава 14	92
Глава 15	99
Глава 16	103
Глава 17	105
Глава 18	112
Глава 19	115
Глава 20	119
Глава 21	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Гастон Леру

Призрак Оперы. Тайна Желтой комнаты

© Д. А. Мудролюбова, перевод, 2020

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2023

© Г. А. Соловьева, перевод, статья, комментарии, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Призрак Оперы

*Моему старшему брату Жозефу, который, не будучи призраком,
был тем не менее, как и Эрик, Ангелом Музыки*

Предисловие, в котором автор этого загадочного произведения рассказывает читателю о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Это вовсе не было воображением артистов, суеверием директоров или нелепым созданием возбужденного воображения девиц из кордебалета, их матушек, билетерш, гардеробщиц и консьержки, как считалось долгое время.

Да, он существовал как человек из плоти и крови, хотя и принявший вид настоящего призрака, то есть тени.

С того самого дня, как я начал наводить справки в архивах Национальной академии музыки, меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с Призраком Оперы, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом дополняют и объясняют друг друга. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и даже сейчас в самом фойе балета можно встретить почтенных стариков, чьи слова нельзя поставить под сомнение, которые помнят – как будто речь идет о вчерашнем дне – непонятные и трагические обстоятельства похищения Кристины Даэ, исчезновения виконта де Шаньи и смерти его старшего брата графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу озера, скрытого в подземельях Оперы со стороны улицы Скриба! Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими ужасными событиями овеванный мистическими легендами образ Призрака Оперы.

Истина долго проникала в мое сознание, смущенное расследованием, которое то и дело натывалось на события, казавшиеся на первый взгляд сверхъестественными, и я не раз собирался забросить это изнуряющее преследование неясного, неуловимого образа. Наконец появились первые доказательства, что предчувствия меня не обманули, и усилия мои были вознаграждены, когда я убедился, что Призрак Оперы – нечто большее, чем бесплотная тень.

В тот день я много часов провел над «Воспоминаниями директора Оперы», весьма поверхностного произведения этого скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках Призрака и как мог насмеялся над ним, хотя в то время сам был первой жертвой странной финансовой операции, связанной с магическим конвертом.

Разочаровавшись, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на лестничной площадке с бойким и кокетливым старичком, которому он весело меня представил. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и сколь безуспешно я пытаюсь отыскать судебного следователя по громкому делу Шаньи господина Фора. Никто не знал, что с ним стало и жив ли он вообще; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить места в канцелярии Оперы. Этот старичок и был господин Фор собственной персоной. Я провел с ним добрую часть вечера, и он рассказал мне все о деле Шаньи, как он тогда его понял. За неимением других доказательств он

сделал заключение о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой являлась Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что было потом с Кристиной и с виконтом. И разумеется, когда я завел разговор о Призраке, он только рассмеялся. Он тоже слышал о странных явлениях, которые, казалось, подтверждали слухи о таинственном существе, будто бы избравшем местом жительства один из самых таинственных уголков Оперы; знал он и историю с конвертом, но не находил в этом ничего, что могло бы привлечь внимание судьи, которому поручено вести дело Шаньи. Он лишь несколько мгновений слушал показания свидетеля, утверждавшего, что видел Призрака. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Следовательно принял его за странного типа, страдающего галлюцинациями.

Как вы можете себе представить, меня чрезвычайно заинтересовал этот Перс, и я во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля, если еще не было поздно. Мне повезло: я нашел его в квартирке на улице Риволи, он не покидал ее с тех самых пор и умер там же пять месяцев спустя после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с искренностью ребенка поведал мне все, что знал о Призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности удивительные письма Кристины Даэ – письма, столь ярко осветившие ее ужасающую судьбу, – я не мог более сомневаться! Нет! Призрак не был мифом!

Мне возражали, что письма эти могли быть вовсе не подлинными, а полностью сочиненными человеком, чье воображение вдохновлялось, без сомнения, самыми пленительными сказками; однако, к счастью, мне удалось раздобыть образец почерка Кристины, после чего я провел сравнительное исследование, рассеявшее все мои сомнения.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и определил его как честного человека, не способного выстроить хитроумный замысел, который мог бы ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, в той или иной мере связанные с делом Шаньи, а также друзья этой семьи. Я представил им имеющиеся доказательства и поделился рассуждениями, к которым они отнеслись весьма благосклонно; и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.

«Сударь!

Я не могу побудить Вас опубликовать результаты Вашего расследования. Я прекрасно помню, как за несколько недель до исчезновения выдающейся певицы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в фойе балета много говорили о Призраке, и разговоры эти прекратились только после закрытия дела, занимавшего тогда всех. Однако, если существование Призрака может объяснить эту драму, в чем я убедился после встречи с Вами, я прошу Вас: займитесь этим Призраком. Каким бы загадочным он ни казался, все-таки он более объясним, нежели та темная и неприглядная история о том, как злонамеренные люди рассорили двух братьев, всю жизнь обожавших друг друга, так что те не общались до самой смерти...

Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой досье, я вновь появился в обширных владениях Призрака, в громадном сооружении, которое он превратил в свою империю; и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что я обнаружил, прекрасно подтверждало свидетельства Перса, и наконец венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных с помощью фонографа голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и сразу у меня появилось доказательство, что то был труп Призрака Оперы! Я представил это доказа-

тельство администратору, а газеты пусть себе болтают, что в подземельях нашли жертву Коммуны.

Несчастные, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, похоронены вовсе не с этой стороны. Я мог бы показать, где покоятся их скелеты – совсем в другом месте, далеко от этого огромного склепа, где во время осады хранились запасы провизии.

О них я узнал именно тогда, когда разыскивал останки Призрака Оперы, я бы ни за что не нашел их, если бы не небывалый случай захоронения «живых голосов».

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним следует поступить, а пока пора заканчивать это весьма необходимое предисловие и поблагодарить господина комиссара полиции Мифруа (дело об исчезновении Кристины Даэ вначале находилось в его ведении), господина бывшего секретаря Реми, господина бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриэля и в особенности мадам баронессу де Кастеллю-Барбезак (некогда ее называли «малышкой Мэг», и она, кстати, вовсе не стыдится этого), самую прелестную звездочку нашего очаровательного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жири, покойной смотрительницы ложи Призрака. Все эти слишком скромные свидетели очень мне помогли; именно благодаря им я смогу вновь пережить вместе с читателем минуты неомраченной любви и мгновения ужаса во всех подробностях.

Я был бы неблагодарным, если бы не выразил, перед тем как приступить к изложению этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая столь любезно помогала моим исследованиям, в частности господину Мессаже, очень симпатичному администратору Габриону и весьма любезному архитектору, заботящемуся о сохранении этого сооружения (он не задумываясь одолжил мне рукописи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно). Наконец, мне остается публично признать благородство моего друга и бывшего коллеги господина Ж. Л. Кроза, предоставившего в мое распоряжение свою восхитительную театральную библиотеку и одолжившего уникальные издания, которыми он очень дорожил.

Глава 1

Призрак?..

В тот вечер, когда подавшие в отставку директора Оперы господ Дебьен и Полиньи устраивали банкет по случаю своего ухода, в гримерную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетело полдюжины девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно кричали.

Сорелли, собиравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести в фойе перед господами Дебьеном и Полиньи, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, сгрудившуюся в дверях. Она повернулась к своим подругам и осведомилась о причине столь бурного волнения. Малышка Жамм – носик во вкусе Гревэна, глаза-незабудки, щечки цвета розы, лилейная шейка – сумела вымолвить в ответ только два слова трепещущим от ужаса голосом:

– Это призрак! – и тут же повернула ключ в двери.

Гримерная Сорелли была обставлена по-официальному элегантно и банально: вся меблировка состояла из дивана, туалетного столика и шкафов. На стенах висело несколько гравюр – память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле-Пелетье, портреты Вестриса, Гарделя, Дюпора, Биготтини. Но эта комната казалась девчонкам из кордебалета просто дворцом, ведь те размещались в общих гримерных, где они пели, препирались друг с другом, поколачивали парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной; услышав восклицание малышки Жамм, она вздрогнула и проговорила:

– Дурочка!

И поскольку она больше других верила в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли срочно захотела узнать подробности.

– Так вы его видели? – спросила она.

– Вот так же близко, как вас! – простонала малышка Жамм и, не чуя под собой ног, безвольно опустилась на стул.

– Если это и правда он, то он просто уродина! – подхватила малышка Жири, хрупкое создание – смуглая кожа да кости! – с глазами-черносливинами, иссиня-черными волосами.

– О да! – хором выдохнули балерины.

Они затараторили, перебивая друг друга. Призрак явился им в образе господина в черном, который откуда ни возьмись возник перед ними в коридоре. Его появление было столь внезапным, что впору поверить, будто он вышел из стены.

– Да ну вас, – бросила одна из них, сумевшая сохранить самообладание. – Всюду вам мерещится призрак.

Действительно, вот уже несколько месяцев в Опере только и судачили что о призраке в черном фраке, который как тень фланировал по всем этажам огромного здания; он ни к кому не обращался, и с ним никто не смел заговорить; завидев человека, он мгновенно исчезал неизвестно куда и каким образом. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. Сначала все только смеялись над этим привидением, одетым как светский человек или как служащий похоронного бюро, но вскоре легенда о призраке разрослась в кордебалете до невероятных размеров. Каждая из девушек утверждала, будто видела это сверхъестественное существо и даже стала жертвой его козней, а те, что более всех смеялись, боялись его не меньше. Когда его не было видно, он напоминал о своем существовании забавными или зловещими происшествиями, виновником которых его провозглашало почти всеобщее суеверие.

Случалось ли что серьезное, или просто затевался розыгрыш, терялась ли пуховка для рисовой пудры – во всем был виноват призрак – Призрак Оперы!

Но видел ли его вообще кто-нибудь? В Опере можно встретить множество черных фраков, и ничего призрачного в них не обнаруживается, но этот обладал особой приметой, несвойственной обычным фракам: он был надет на скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девушки. Разумеется, вместо головы у Призрака был череп!

На самом деле образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены: он один видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом – невозможно употребить выражение «нос к носу», поскольку носа у того не было, – возле самой рампы, на узкой лестнице, которая вела прямо в подземелье. Он видел его всего одну секунду, так как Призрак тотчас же убежал, но запомнил навсегда.

Вот какими словами описывал Жозеф Бюкэ Призрака всем, кто хотел о нем услышать:

– Это удивительно худой человек, и его фрак болтается на костях как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачки с трудом различимы. В сущности, видны только две большие черные глазницы, как у мертвецов. Кожа, которая натянута на костяк как на барабан, вовсе не белая, а какая-то отвратно желтая, вместо носа – еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой ужасное зрелище. Шевелюру заменяют несколько длинных темных прядей, свисающих на лоб и за уши.

Жозеф Бюкэ тщетно преследовал это странное существо; оно исчезло как по волшебству, и он так и не смог найти его следов.

Старший рабочий смены был человек серьезный, рассудительный, без всякой склонности фантазировать, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись еще люди, которым также повстречался скелет в черном фраке и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, те вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом одно за другим произошли события настолько странные и необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Бригадир пожарных – все храбрецы. Ничего не боятся, а уж огня тем более.

Так вот, однажды пожарный, о котором идет речь¹, спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, кажется, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он в полной растерянности выскочил на сцену, бледный, дрожащий, с выпученными глазами, и едва не потерял сознание на руках достопочтенной матушки малышки Жамм. А все почему? Оказалось, что там, в потемках, он увидел, как к нему приближается пылающая голова, у которой не было тела. А я ведь уже говорил, что бригадир пожарных не боится огня!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова вовсе не подходила под описание Призрака, данное Жозефом Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарного, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки решили, что Призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, они представили себе огромнейшую опасность, которой подвергались. Раз уж бригадир пожарных лишился чувств, то все корифейки и ученицы балетной школы нашли множество оправданий для того испуга, с которым они со всех ног бежали с любого слабоосвещенного места в коридорах.

Чтобы хоть как-то защитить здание Оперы от жуткой напасти, сама Сорелли, окруженная всеми танцовщицами и даже девчушками в трико из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного входа, подкову: к ней должен был прикоснуться всякий вхо-

---

¹ Эту весьма правдивую историю мне рассказал сам господин Педро Гайяр, бывший директор Оперы.

дивший в Оперу – разумеется, исключая зрителей, – прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей тайных сил, которые завладели зданием от подвалов до чердаков.

Эта деталь, как, впрочем, и вся история, не выдумана мною, и до сих пор подкову можно увидеть в вестибюле на столе перед консьержкой, когдаходишь в Оперу через служебный подъезд.

Вот что привело девушек в такое душевное состояние в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в гримерную Сорелли.

– Там призрак! – вскричала, как было сказано выше, малышка Жамм.

А волнение от этого отнюдь не уменьшалось. Теперь в гримерной воцарилось ледящее молчание. Слышалось только прерывистое дыхание девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забила в самый дальний угол и прошептала:

– Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно послышался какой-то шорох.

Никаких шагов. Донесся лишь шорох шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, пытавшаяся выказать себя не такой трусливой, как ее подруги, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

– Кто там?

Но никто не ответил ей.

Тогда, ощущая, что на ней скрестились напряженные взгляды балерин, наблюдавших за малейшими ее жестами, она сделала над собой усилие и громко произнесла:

– Кто-нибудь есть за дверью?

– Да-да! Конечно за дверью кто-то есть! – повторила за ней бойкая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. – Только не открывайте! Ради бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, осмелилась все же повернуть ключ в замке и приоткрыла дверь; балерины, отступившие к самой туалетной кабинке, стояли, сбившись в кучу, а Мэг Жири шептала:

– Мамочка моя!

Между тем Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной колбе скупосвещал красноватым светом окружающий его сумрак, не в силах рассеять его. Балерина быстро закрыла дверь, испустив вздох облегчения:

– Никого там нет.

– Но мы же его видели! – утверждала Жамм, с опаской подходя к Сорелли. – Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я вообще не пойду переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в фойе, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка благоговейно коснулась крохотного кораллового талисмана, который должен был охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест Святого Андрея на деревянном колечке, надетом на безымянный палец левой руки.

Один известный хроникер писал о ней:

«Сорелли – высокая, красивая танцовщица с серьезным чувственным лицом, гибкая как ива, в театре все говорят о ней, что она „прелестное создание“. Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ее лицо освещено изумрудными глазами. Голова плавно покачивается на длинной точеной и горделивой шее. Во время танца она делает некое неуловимое движение бедрами, которое наполняет ее тело невыразимой негой. Когда эта восхитительная женщина поднимает руки и, слегка склонившись, выставляет ногу вперед, перед тем как сделать пируэт, подчеркивая таким образом линии корсажа, кажется, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, ума-то у нее почти и не было, однако в этом ее не упрекали.

– Девочки мои, – оглядела она юных балерин, – придите в себя!.. Что такое призрак? Может, его вообще никто не видел...

– Нет, мы видели его! Только что видели! – продолжали девушки. – У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором его видел Жозеф Бюкэ!

– И Габриэль тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера. Вчера, средь бела дня...

– Габриэль, хормейстер?

– Ну да. Вы разве об этом не слышали?

– И он был во фраке средь бела дня?

– Кто? Габриэль?

– Да нет же! Призрак!

– Вот именно! Он был во фраке! – подтвердила Жамм. – Габриэль сам мне об этом рассказал, он его по фракку и узнал. Дело было так. Габриэль сидел в кабинете заведующего постановочной частью. Вдруг открылась дверь и вошел Перс. Ну, вам известно, что у Перса дурной глаз...

– Да-да! – хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожи: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав большим пальцем средний и безымянный к ладони.

– ...и что Габриэль суеверен, – продолжала Жамм, – но всегда вежлив, и, когда встречается с Персом, он просто спокойно кладет руку в карман и дотрагивается до ключей... Так вот, как только перед Персом открылась дверь, Габриэль одним прыжком пересек комнату и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну чтобы коснуться железа. При этом он зацепился своим пальто за гвоздь и вырвал оттуда целый клоч. Спеша выйти, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку; затем он попятился и ободрал руку о ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он как сумасшедший выскочил из кабинета и так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, мы даже испугались, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы его расспросили, и он нам сказал, что его так напугало. Дело в том, что за спиной Перса был призрак! Призрак с черепом вместо головы, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, закончила свой рассказ, который она протараторила так, будто за ней гнался призрак; и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос малышки Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

– Лучше бы Жозеф Бюкэ помолчал.

– Почему? – спросил кто-то.

– Так считает мама, – ответила Мэг еще тише, озираясь вокруг, как будто боялась, что ее услышит кто-то, кроме тех, кто находился в комнате.

– Почему твоя мама так считает?

– Тсс! Она говорит, что Призрак не любит, когда его беспокоят.

– Откуда она это знает?

– Потому что... Потому что нет ничего...

Эта наигранная недомолвка разожгла любопытство девушек, которые тесно окружили малышку Жири и, склонившись в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Зараженные общим страхом, они получали от этого острое удовольствие, от которого леденела кровь в жилах.

– Я поклялась молчать, – наконец сказала Мэг.

Однако они не оставили ее в покое, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания рассказать то, что она знала, заговорила, не сводя глаз с двери:

– Ну, это из-за ложи...

– Какой ложи?

– Ложи Призрака!

– У Призрака есть ложа?!

При сообщении о том, что Призрак имеет собственную ложу, девушки не смогли сдержать возгласов удивления, смешанного с мрачным восторгом.

– О господи, рассказывай... рассказывай!

– Тише! – приказала Мэг. – Это ложа бельэтажа номер пять. Вам отлично известно: она первая слева от авансцены.

– Не может быть!

– Говорю же вам. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

– Конечно! Давай дальше!

– Так вот... Это ложа Призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме Призрака; естественно, и администрация получила указание никогда не сдавать ее...

– Это правда, что туда приходит Призрак?

– Ну да...

– То есть видели, что туда кто-то заходит?

– Да нет же! Туда приходит Призрак, и там никого нет!

Девушки переглянулись. Если Призрак приходил в ложу, то его можно было увидеть, потому что у него черный фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, но та с горячностью возразила:

– Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, – это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, но зато слышала. Она хорошо это знает, ведь она сама ему приносит программку!

– Малышка Жири, да ты просто смеешься над нами, – сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда малышка Жири расплакалась:

– Лучше бы я не болтала... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф Бюкэ зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера это говорила.

В этот момент послышались грузные торопливые шаги в коридоре и чей-то запыхавшийся голос прокричал:

– Сесиль! Сесиль! Ты там?

– Это голос матушки, – прошептала Жамм. – Что случилось?

Она открыла дверь. В комнату влетела представительная дама, сложением напоминавшая гренадера из Померании, и со стоном рухнула в кресло. Ее глаза дико вращались, и лицо приобрело оттенок терракоты.

– Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье!

– Что? Что такое?

– Жозеф Бюкэ...

– Ну и что – Жозеф Бюкэ?

– Жозеф Бюкэ мертв!

В гримерной раздались недоверчивые восклицания и испуганные просьбы рассказать о случившемся.

– Да, его только что нашли повешенным на третьем подземном этаже. Но самое ужасное... – продолжала срывающимся голосом почтенная дама, – самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали возле мертвеца какой-то шум, напоминающий зауспокойное пение.

– Это Призрак! – вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: – Нет-нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подруги в ужасе повторяли шепотом:

– Точно! Это Призрак!..

Сорелли побледнела.

– Я не смогу произнести приветствие, – прошептала она.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоявшую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях Оперы и впрямь живет призрак.

Правда в том, что так и не удалось узнать, как именно погиб Жозеф Бюкэ. Краткое следствие не дало никакого результата: единственной версией было самоубийство. В своих «Воспоминаниях директора Оперы» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который устроили по случаю своего ухода в отставку господ Дебьен и Полиньи. Я находился в кабинете дирекции, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, между задником и декорацией к „Королю Лахорскому“, нашли тело рабочего сцены.

Я воскликнул: „Нужно его снять!“ Но пока я бегал вниз и доставал лестницу, веревка на шее повешенного уже исчезла».

Господин Моншармен считал это событие абсолютно нормальным. Человек повесился, его собирались вытащить из петли, а веревка исчезла. О! Господин Моншармен нашел этому простое объяснение: «Это было время занятий в танцевальном классе, и корифейки и ученицы балетной школы быстренько приняли меры от дурного глаза»². Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повешенного за меньшее время, чем понадобилось, чтобы написать эти строки?!

Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп, – на третьем подземном этаже, под сценой, – мне представляется, что где-то там кому-то было нужно, чтобы эта веревка, сделав свое дело, бесследно исчезла; и позже мы увидим, ошибался ли я в этом своем предположении.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень любили. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо пугливых овец окружает пастуха, поспешили в фойе по скупому освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными розовыми ножками.

---

² По примете, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.

Глава 2

Новая Маргарита

На площадке второго этажа Сорелли и ее свита столкнулись с графом де Шаньи, который поднимался им навстречу. На лице обычно сдержанного графа было написано сильное возбуждение.

– Я как раз шел к вам, – галантно сказал граф, приветствуя молодую женщину. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Даэ, какой триумф!

– Не может быть! – возразила Мэг Жири. – Еще полгода назад она пела как курица. Но пропустите же нас, мой дорогой граф, – сказала девчонка, сделав шаловливый реверанс. – Мы идем разузнать о том бедняге, которого нашли повешенным.

В этот момент мимо прошел озабоченный администратор. Услышав эти слова, он резко остановился.

– Как! Вы уже знаете, мадемуазель? – довольно грубо спросил он. – Тогда не говорите об этом... Особенно господам Дебьену и Полиньи: это будет для них большим огорчением в их последний день.

И все поспешили в фойе балета, которое уже заполнили приглашенные.

Граф де Шаньи был прав: никогда в Опере еще не устраивали подобного гала-концерта. Те, кто был удостоен чести там присутствовать, до сих пор взволнованно рассказывают о нем своим детям и внукам. Подумать только: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб сменяли друг друга у дирижерского пульта и сами дирижировали исполнением своих произведений. Среди участников концерта были Габриэль Форе и Краус. Именно в тот вечер весь Париж был поражен и восхищен, услышав Кристину Даэ, о загадочной судьбе которой я намерен рассказать в этой книге.

Гуно дирижировал «Траурным маршем марионетки», Рейер – своей прелестной увертюрой к «Сигурду», Сен-Санс – «Пляской смерти» и «Восточной грезой», Массне – еще не опубликованным «Венгерским маршем», Гиро – своим «Карнавалом», Делиб – «Медленным вальсом Сильвии» и «Пищикато» из «Коппелии». Мадемуазель Краус и Дениз Блох исполнили: первая – болеро из «Сицилийской вечерни», вторая – заздравную песнь из «Лукреции Борджиа».

Но главный успех выпал на долю Кристины Даэ, которая вначале спела несколько арий из «Ромео и Джульетты». Впервые в своей жизни молодая певица исполнила это произведение Гуно, которое, кстати, еще и не звучало в этом театре, ибо только незадолго до этого было поставлено в Комической опере, а до этого много раньше в бывшем Лирическом театре с мадам Карвальо в главной партии. Ах! Стоит посочувствовать тем, кому не довелось услышать Кристину Даэ в партии Джульетты, увидеть ее непосредственность и грацию, замереть при звуках ее ангельского голоса, почувствовать, как душа устремляется вместе с ним над могилами веронских любовников.

«Господь! Господь! Господь! Прости нас!»

Но это были пустяки по сравнению с тем, как она пела в сцене в тюрьме и в особенности в финальном терцете из «Фауста», где заменила заболевшую Карлотту. Такого в Опере никогда не слышали и не видели!

Перед публикой предстала новая Маргарита – Маргарита ослепительная, сияющая, о существовании которой раньше и не подозревали.

Весь зал в невыразимом волнении приветствовал бурей восторга Кристину, рыдавшую на руках своих товарищей. Ее пришлось унести в гримерную. Казалось, она умерла. Известный критик П. де Сент-В. запечатлел воспоминание об этом волшебном мгновении в рецензии, которую он удачно назвал «Новая Маргарита». Сам тоже будучи художником в душе, он

писал, что певица – это прекрасное и нежное дитя – принесла в тот вечер на подмостки Оперы нечто большее, чем свое искусство, – она принесла свое сердце. Всем завсегдатаям Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось чистым, как в 15 лет; и критик П. де Сент-В. писал: «Чтобы понять, что случилось с Даз, необходимо представить себе: она только что в первый раз полюбила! Возможно, я покажусь нескромным, – добавлял он, – но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, такую потрясающую перемену. Два года назад на конкурсе в Консерватории Кристина Даз всего лишь подавала большие надежды. Откуда же сегодня взялась эта возвышенность? Если только она не спустилась с неба на крыльях любви, остается думать, что она поднялась из глубин ада и что Кристина, как когда-то мэтр Офтердинген, заключила союз с дьяволом! Тот, кто не слышал, как Кристина поет свою партию в финальном терцете из „Фауста“, тот не знает этой оперы, потому что никакая восторженность или святое опьянение не смогли бы превзойти ее искусство».

Тем не менее некоторые владельцы лож роптали. Как смели так долго скрывать от них подобное сокровище? До того вечера Кристина Даз была лишь вполне сносным Зибелем около прекрасной, но, пожалуй, слишком земной, материальной Маргариты, партию которой пела Карлотта. И потребовалось непонятное и необъяснимое отсутствие Карлотты на гала-концерте, чтобы юная Даз без подготовки в полной мере показала себя в разделе программы, предназначенном для испанской дивы. Наконец, как господам Дебьену и Полиньи, лишившимся Карлотты, пришлось в голову обратиться к Даз? Выходит, они знали об этом еще не распустившемся даровании? А если знали, почему скрывали это? И почему скрывала она сама? Станным было и то, что никто не знал ее учителя, да она и сама не раз говорила, что теперь будет репетировать одна. Словом, все это было весьма загадочно.

Граф де Шаньи стоял в своей ложе, и его восторженные крики «браво!» вплетались в общий оглушительный хор.

Граф де Шаньи (Филипп-Жорж-Мари) был зрелым мужчиной, ему в ту пору исполнился сорок один год. Это был знатный вельможа, красавец. Роста выше среднего, с приятным лицом, несмотря на тяжелый лоб и холодноватые глаза; он отличался самыми утонченными манерами в отношениях с женщинами и был несколько высокомерен с мужчинами, которые не всегда прощали ему успехи в свете. Он обладал удивительным благородством и честностью. После смерти старого графа Филиберта он сделался главой одного из самых славных и древних родов Франции, корни которого уходят во времена Людовика Сварливого! Состояние рода Шаньи было весьма внушительным, и, когда умер старый граф-вдовец, Филиппу ничего не оставалось, кроме как взять тяжесть управления имуществом на себя. Две его сестры и брат Рауль и слышать не желали о разделе, и все состояние перешло к Филиппу, как будто наследование по старшинству оставалось в силе. Когда сестры выходили замуж – обе в один день, – они приняли свою долю из рук брата не как что-то им принадлежащее, но как приданое, за которое они были благодарны.

Графиня де Шаньи – урожденная де Мерожи де ла Мартиньер – умерла, разродившись Раулем, через двадцать лет после появления на свет старшего сына. К моменту смерти старого графа Раулю исполнилось двенадцать лет, и воспитанием ребенка занялся Филипп. В этом ему охотно помогали сначала сестры, затем старая тетка, вдова моряка, которая жила в Бресте и заронила в душу юного Рауля любовь к морю. Юноша поступил в школу Борда, закончил ее с одним из лучших результатов и совершил свое первое кругосветное путешествие. Благодаря мощному покровительству его включили в состав официальной экспедиции, которая должна была отправиться на корабле «Акула» в полярные льды на поиски пропавших три года назад исследователей из экспедиции Артуа. Тем временем он наслаждался долгим шестимесячным отпуском; и вдовушки дворянского предместья, видя этого красивого, хрупкого с виду юношу, уже жалели его из-за той тяжелой работы, которая ему предстояла.

Этот молодой моряк отличался необыкновенной застенчивостью, даже наивностью. Казалось, он только накануне вышел из-под женской опеки. Действительно, взлелеянный теткой и сестрами, благодаря такому чисто женскому воспитанию он сохранил искренние манеры с печатью какого-то особого очарования, которое ничто не смогло заставить потускнеть. В ту пору ему было немногим больше двадцати одного года, но выглядел он на восемнадцать. У него были светлые усики, красивые голубые глаза и цвет кожи как у юной девушки.

Филипп баловал Рауля. В первое время он очень им гордился и радостно предвкушал карьеру, которую предстояло сделать младшему брату в военно-морском флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ля Рош, служил адмиралом. Во время отпуска юноши граф постарался показать ему Париж, которого тот почти не знал, – Париж, предлагавший самые изысканные радости и удовольствия.

Граф считал, что в возрасте Рауля не слишком-то разумно выказывать сдержанность и благоразумие, хотя сам обладал весьма уравновешенным характером, как в трудах, так и в удовольствиях; являя собой идеальный образец, он был не способен подать брату дурной пример. Он повсюду водил его с собой и даже показал ему фойе балета. Мне известно, что тогда поговаривали, будто граф был «в самых лучших отношениях» с Сорелли. Но можно ли вменить в вину блестящему светскому человеку, холостяку, который мог позволить себе любые развлечения, особенно после того, как его сестры устроили свою судьбу, то, что он часа два после ужина проводил в компании танцовщицы, которая хоть не блистала умом, зато обладала самыми очаровательными глазками? Кроме того, есть места, в которых истинный парижанин, в положении графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту эпоху одним из таких мест было фойе балета Оперы.

Наконец, Филипп, может быть, и не привел бы брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы тот сам не упрямился с тем мягким упорством, о чем граф еще вспомнит впоследствии.

Но вернемся к событиям того вечера. поприветствовав Кристину Даэ аплодисментами, Филипп повернулся к Раулю и нашел, что тот пугающе бледен.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, – что этой девушке плохо?

И в самом деле, на сцене Кристину Даэ пришлось поддерживать под руки.

– Я вижу, что это ты сейчас можешь лишиться чувств, – с тревогой заметил граф, наклонясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже поднялся и дрожащим голосом произнес:

– Пойдем.

– Куда ты, Рауль? – спросил граф, удивленный волнением своего младшего брата.

– Пойдем же посмотрим! Она впервые так пела!

Граф пристально посмотрел на брата, и легкая улыбка проглянула в уголках его губ.

– Ого! – сказал он. И тут же добавил с видом волшебника: – Пойдем посмотрим.

Они быстро прошли к входу, где толпились завсегдатаи Оперы. Рауль принялся нервно тереть перчатки. Филипп, добрый по натуре, и не думал смеяться над нетерпением брата – теперь ему стало ясно, почему Рауль был рассеян, когда он заговаривал с ним, и почему в последнее время так упорно сводил все разговоры к Опере. Наконец они вышли на сцену.

Толпа черных фраков теснилась в фойе балета или устремлялась к артистическим уборным. Раздавались бурные крики рабочих сцены и руководителей технических служб. Подталкивая друг друга, уходили статисты и статистки, занятые в последней картине, над головами проплывали подставки для софитов, с колосников опускался задник, громко стуча молотком, подгоняли декорации, в атмосфере что-то будто предвещало какую-то неясную угрозу, – обычная обстановка антрактов, которая всегда смущает попавшего за кулисы новичка, каким и был молодой человек со светлыми усиками, голубыми глазами и с нежным цветом лица, быстро,

насколько позволяла толчея, пробиравшийся через сцену, где только что одержала триумфальную победу Кристина Даэ.

Никогда здесь не было такой сутолоки, как в тот вечер гала-концерта, но вместе с тем никогда Рауль не чувствовал себя таким смелым. Он шагал, отстраняя плечом все, что стояло у него на пути, не обращая внимания на окружавший его шум и на растерянные разговоры рабочих сцены. Его занимало лишь одно – увидеть ту, чей волшебный голос проник в его сердце. Да, он ощущал, что его бедное молодое сердце больше ему не принадлежало. С того самого дня, когда Кристина, которую он знал совсем маленькой, снова возникла на его пути, он пытался сопротивляться. Тогда он ощутил в себе какое-то нежное волнение, которое хотел прогнать, потому что, как честный и благородный человек, он поклялся полюбить лишь ту, что станет его женой; однако, естественно, он даже на секунду не мог себе представить, что возможно жениться на певице. Но через некоторое время сладостное волнение сменилось каким-то жгучим ощущением. Ощущение? Чувство? Оно было материальным и вместе с тем духовным. У него сильно болела грудь, как будто ее вскрыли, чтобы вынуть сердце. Внутри оставалась ужасная, томительная пустота, заполнить которую может только сердце другого человека! Это совершенно особенный процесс, и понять это в состоянии лишь тот, кто сам бывал поражен тем чувством, что зовется любовью с первого взгляда.

Граф Филипп, по-прежнему с улыбкой на губах, с трудом поспевал за братом.

Пройдя через двойные двери, откуда ступеньки вели с одной стороны в фойе и в ложе левой стороны бельэтажа – с другой, Рауль вынужден был остановиться перед стайкой учениц балетной школы, которые, спустившись со своего чердака, загораживали проход. Не бросив ни слова в ответ на восклицания, срывающиеся с накрашенных губок, он вошел в полумрак коридора, наполненный восторженным гулом энтузиастов-поклонников, из которого выделялось лишь одно имя: «Даэ! Даэ!» Граф, шедший следом за Раулем, говорил себе: «Хитрец, знает дорогу!», гадая, как она ему стала известна, ведь он никогда не водил его к Кристине.

Значит, он уже приходил сюда один, когда граф, по обыкновению, болтал с Сорелли в фойе, а она часто удерживала его до своего выхода на сцену и заставляла прислуживать себе, вручая кавалеру на хранение гетры, в которых выходила из гримерной, чтобы не запятнать атласные туфельки и телесного цвета трико. Впрочем, Сорелли можно было понять: она давно потеряла мать.

Граф, отложив на несколько минут традиционный визит к Сорелли, шел по длинному коридору, ведущему в гримерную Даэ. Он отметил, что никогда здесь не толпилось столько людей, как в этот вечер, словно весь театр собрался сюда, потрясенный успехом певицы и ее внезапным обмороком. Юная красавица до сих пор не пришла в сознание, уже послали за доктором, и вскоре он появился, торопливо расталкивая собравшихся, а за ним следом шел Рауль, почти наступая ему на пятки.

Так врач и влюбленный одновременно оказались возле Кристины, и она получила первую помощь от одного и открыла глаза в объятиях другого. Граф же, как и прочие, остался на пороге комнаты.

– Вы не находите, доктор, что этим господам стоит освободить гримерную? – спросил Рауль, сам поражаясь своей смелости. – Здесь невозможно дышать.

– Вы совершенно правы, – согласился врач и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной, которая с искренним изумлением округлившимися глазами смотрела на юношу, так как видела его в первый раз.

Однако расспрашивать она не осмелилась, а врач решил, что если этот молодой человек ведет себя так свободно, значит он имеет на это право. Таким образом, виконт остался и не сводил глаз с приходившей в себя Кристины, а оба директора – господа Дебьен и Полиньи, – заявившиеся выразить своей воспитаннице восхищение, были выдворены в коридор вместе

с остальными черными фраками. Граф Шаньи, посмеивавшийся в усы, также был оттеснен в коридор.

– Вот плут! – громко расхохотался он, пробормотав *in petto*³: – Вот уж верно говорится: бойтесь юнцов, которые напускают на себя вид маленьких девочек. – И, сияя, заключил: – Настоящий Шаньи!

Граф направился к артистической Сорелли, но та уже сама спускалась в фойе в окружении дрожащих от страха балерин, и граф встретил ее по пути, как уже было сказано выше.

Между тем Кристина Даэ глубоко вздохнула, повернула голову, увидела Рауля и вздрогнула. Она посмотрела на доктора, улыбнулась ему, затем взглянула на горничную и вновь перевела взгляд на Рауля.

– Сударь, – спросила она едва слышно, – кто вы?

– Мадемуазель, – ответил юноша, опустившись на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке певицы, – я тот маленький мальчик, который когда-то выловил из моря ваш шарф.

Кристина вновь бросила взгляд на доктора и на горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, весь красный, поднялся с колен.

– Мадемуазель, хотя вам так не хочется узнавать меня, я хотел бы сказать вам нечто важное наедине.

– Если можно, когда мне станет лучше, сударь. – И ее голос дрогнул. – Вы очень любезны...

– Но вам лучше выйти, – добавил доктор с самой любезной улыбкой. – Позвольте вам помочь, мадемуазель.

– Я не больна, – сказала Кристина, вдруг ощутившая неожиданный прилив сил.

Она встала и быстрым движением провела ладонью по векам.

– Я очень вам благодарна, доктор... Но мне надо остаться одной. Выйдите все! Прошу вас... Оставьте меня. Я так раздражительна сегодня...

Врач собрался было протестовать, но, заметив возбуждение девушки, решил, что в таком состоянии лучше с ней не спорить, и вышел в коридор вслед за расстроенным Раулем.

– Я сегодня не узнаю ее. Обычно она такая сдержанная... – С этими словами он удалился.

Рауль остался один. Толпа уже разошлась. Должно быть, в фойе балета уже приступили к церемонии прощания. Рауль подумал, что, возможно, Кристина тоже отправится туда, и стал ждать в тишине и одиночестве. Он даже отступил в тень. Ужасная боль в сердце все еще давала о себе знать. Об этом он и хотел без промедления поговорить с Даэ. Вдруг дверь гримерной открылась, из нее вышла горничная – одна, с какими-то пакетами в руках. Он остановил ее и справился о здоровье хозяйки. Она со смехом ответила, что та чувствует себя хорошо, но не стоит ее беспокоить, потому что она желает остаться одна. Горничная убежала; в воспаленном мозгу Рауля мелькнула мысль: Кристина захотела остаться одна из-за него! Разве он не сказал ей, что должен поговорить с ней наедине, и разве не поэтому она попросила всех уйти? Стараясь не дышать, он приблизился к гримерной, приложил ухо к двери, чтобы расслышать ответ Кристины, и уже собрался постучать. Но рука его тут же опустилась. Он услышал там внутри мужской голос, который произнес с повелительной интонацией:

– Кристина, тебе нужно полюбить меня!

Ему ответил дрожащий, исполненный отчаяния, почти плачущий голос Кристины:

– Как вы можете говорить мне это! Мне, которая поет только для вас!

Рауль бессильно прислонился к стене. Сердце, которое, как ему казалось, он потерял навсегда, вновь возвратилось на свое место. Ему почудилось, что эхо его ударов раскатилось по всему коридору, а сам он был будто оглушен. Если сердце будет биться так громко, его услышат, откроют дверь и с позором прогонят. Унизительная ситуация для человека с именем

---

³ Тихонько, тайком (*ит.*).

де Шаньи! Вообразите только – подслушивать под дверь! Он обеими руками прикрыл сердце, пытаясь заглушить его. Однако это ведь не собачья пасть, и потом, даже если сжимать обеими руками пасть истошно лающей собаки, все равно будет доноситься ее рычание.

– Вы, должно быть, утомлены? – продолжал тот же мужской голос.

– Ах! Сегодня я отдала вам всю душу и теперь почти мертва.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – произнес мужчина низким голосом, – и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка! Этим вечером ангелы плакали...

После слов «этим вечером ангелы плакали» виконт ничего больше не слышал. Однако он не ушел, а, опасаясь быть застигнутым, забился в темный угол, решив дожидаться, пока мужчина не выйдет из гримерной Кристины. Он только что открыл для себя одновременно и любовь, и ненависть. Он знал, что любит, и хотел увидеть того, кого ненавидит. К его величайшему изумлению, дверь отворилась и Кристина Даэ, одна, вышла в коридор, закутавшись в меха и спрятав лицо под вуалью. Девушка закрыла за собой дверь, но Рауль заметил, что она не заперла ее на ключ. Он даже не проследил за ней взглядом, потому что глаза его были прикованы к двери, которая все не отворялась. Когда коридор снова опустел, он подбежал к двери, распахнул ее и тотчас закрыл за собой. Его обступила непроглядная тьма – газовый рожок был погашен.

– Здесь кто-то есть? – спросил юноша звенящим голосом. – Почему вы прячетесь?

Говоря это, он все еще опирался на закрытую дверь.

Ночная тьма и молчание были ему ответом. Рауль слышал только собственное дыхание. Он совершенно не отдавал себе отчета в том, насколько нескромность его поведения превосходит все допустимые пределы.

– Вы выйдете отсюда, лишь когда я позволю вам это сделать! – выкрикнул он. – Вы трус, если не хотите откликнуться! Но я найду вас!

И он чиркнул спичкой. Ее огонек осветил комнату. Она была пуста! Рауль, предусмотрительно заперев дверь на ключ, зажег все лампы. Прошел в комнату, открыл шкафы, ощупал влажными руками стены. Ничего!

– Ах так! – недоуменно проговорил он. – Я что, уже схожу с ума?

Минут десять он стоял в пустой гримерной, слушая шипение газа, и, хотя он был без памяти влюблен, ему даже не пришло в голову унести с собой хоть ленту, которая хранила бы для него запах духов любимой. Потом он вышел, не зная, что делает и куда направляется. Так он шел некоторое время, пока в лицо ему не повеяло ледяным ветром. Он оказался у подножия узкой лестницы, по которой спускался кортеж рабочих с носилками, прикрытыми белым покрывалом.

– Где здесь выход? – спросил Рауль у одного из них.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответили ему. – Дверь открыта. А теперь пропустите нас.

Он машинально поинтересовался, указывая на носилки:

– А это что такое?

– Жозеф Бюкэ, его нашли повешенным на третьем подземном этаже, между опорой балки и декорацией к «Королю Лахорскому».

И Рауль, сняв шляпу, отступил в сторону, пропуская кортеж, и вышел.

Глава 3, в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают по секрету новым директорам Оперы Арману Моншармену и Фирмену Ришару истинную и таинственную причину своего ухода из Национальной академии музыки

А в это время проходила церемония торжественного прощания.

Я уже сообщал, что этот удивительный праздник давали по случаю своей отставки Дебьен и Полиньи, которым хотелось, как говорится, уйти красиво.

В организации программы этого идеального, но мрачного вечера им помогали самые известные в Париже лица, как из светского общества, так и из художественных кругов.

Все они собрались в фойе балета, где уже стояла Сорелли с бокалом шампанского и приготовленной речью на устах, ожидая появления экс-директоров. Позади нее столпились балерины из кордебалета, юные и не слишком, некоторые шепотом обсуждали события прошедшего дня, другие украдкой, знаками приветствовали друзей, которые шумной толпой окружили буфет, воздвигнутый на наклонной платформе между двумя панно Буланже: воинственным танцем с одной стороны и сельским – с другой.

Некоторые балерины уже переоделись в обычные платья, но большинство было еще в легких газовых юбочках, и все старательно принимали подобающий случаю вид. Только малышка Жамм, чей счастливый возраст – пятнадцать весен! – помог ей беззаботно забыть и Призрака, и смерть Жозефа Бюкэ, не переставала тараторить, щебетать, подпрыгивать и проказничать, так что, когда в дверях появились Дебьен и Полиньи, нетерпеливая Сорелли сурово призвала ее к порядку.

Все заметили, что у господ отставных директоров был очень веселый вид, что в провинции показалось бы неестественным, а в Париже сочли признаком хорошего вкуса. Невозможно стать парижанином, не научившись непринужденно надевать маску радости при всех печалях и неприятностях, «полумаску» грусти, скуки или безразличия при искреннем веселье. Если кто-то из ваших друзей попал в беду, не пытайтесь утешать его – он скажет вам, что все уже в порядке, но, если случилось нечто приятное, будьте осторожны с поздравлениями, потому что удача кажется ему настолько естественной, что он будет очень удивлен, если вы заговорите об этом. Париж – это нескончаемый бал-маскарад, и господа Дебьен и Полиньи были достаточно учеными, чтобы выказать свою грусть где угодно, только не в балетном фойе Оперы. Итак, они наигранно улыбались Сорелли, и она уже начала свою речь, как вдруг послышалось восклицание глупышки Жамм, погасившее улыбки директоров, и на лицах присутствующих проступило отчаяние и даже страх.

– Призрак Оперы!

Жамм бросила эту фразу с неописуемым ужасом, указывая пальчиком в толпе черных фраков на лицо, такое бледное, мрачное и уродливое, с такими глубокими глазницами под безбровыми дугами, что вышеуказанный череп тут же возымел оглушительный успех.

– Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Смеясь и подталкивая друг друга, все устремились к Призраку с шампанским, но он неожиданно исчез! Он как будто растворился в толпе, и все поиски были напрасны. А тем временем два пожилых господина успокаивали малышку Жамм, тогда как Мэг Жири испускала крики, напоминающие кудахтанье павлина.

Сорелли была просто взбешена: речь так и не удалось закончить. Тем не менее Дебьен и Полиньи, расцеловав, поблагодарили ее и скрылись так же незаметно и быстро, как Призрак.

Впрочем, это никого не удивило, потому что директоров ждала та же самая церемония этажом выше, в вокальном фойе, и в довершение всего им предстоял ужин, самый настоящий ужин в компании близких друзей, накрытый в просторной приемной директорского кабинета.

Мы последуем за ними именно туда вместе с новыми директорами – господином Арманом Моншарменом и Фирменом Ришаром⁴. Ужин почти удался, было множество тостов, в чем особенно преуспел представитель правительства, до небес превозносивший то славу прошедших лет, то будущие успехи, так что вскоре воцарилась весьма радушная атмосфера. Передача директорских полномочий состоялась накануне без особых церемоний, и оставшиеся вопросы и неясности между старой и новой дирекцией были успешно решены при участии представителя правительства, поскольку стороны жаждали прийти к соглашению, поэтому неудивительно, что на том памятном вечере не было лиц более сияющих, чем у всех четырех директоров.

Экс-директора уже вручили Моншармену и Ришару два крохотных ключика, которые, как волшебная палочка, открывали все двери Национальной академии музыки – а их тысячи. Эти ключики – предмет всеобщего любопытства – переходили из рук в руки, когда в конце стола возникло то самое фантастическое бледное лицо с провалами глазниц, которое уже появлялось этим вечером в фойе балета и было встречено криком малышки Жамм «Призрак Оперы!».

Последний сидел как ни в чем не бывало, как и прочие приглашенные, только ничего не пил и не ел.

Те, кто сначала поглядывал на него с улыбкой, потом стали отводить глаза – это зрелище навевало слишком мрачные мысли. Никто не пытался шутить, никто не выкрикивал: «Вот Призрак Оперы!»

Он не произнес ни слова, и его соседи по столу не могли бы сказать в точности, когда подсел к ним этот странный субъект, но каждый подумал, что если бы мертвые садились иногда за стол живых, то они не выглядели бы более мрачно. Друзья Ришара и Моншармена решили, что этого исхудавшего гостя пригласили господа Дебьен и Полиньи, тогда как приглашенные бывших директоров подумали, что этот «труп» принадлежит к окружению Ришара и Моншармена. Таким образом, ни один нескромный вопрос, ни одно неловкое замечание или шутка дурного тона не обидели гостя из загробного мира. Некоторые из присутствующих слышали легенду о Призраке и рассказ старшего рабочего сцены, о смерти которого они еще не знали, и нашли, что человек, который сидел в конце стола, вполне мог сойти за живое воплощение легендарного образа, созданного неистребимым суеверием служащих Оперы. Однако, согласно легенде, у Призрака носа не было, а молчаливый гость его имел, хотя в своих «Воспоминаниях» Моншармен утверждает, что нос странного сотрапезника был прозрачен. «У него был нос, – пишет он, – длинный, тонкий и прозрачный», а я бы добавил, что нос этот мог быть и фальшивым. Господин Моншармен мог счесть прозрачным всего лишь то, что не блестело. Наука – и это всем известно – способна делать великолепные накладные носы для тех, кто их лишен от природы или утратил по какой-то причине.

Но действительно ли в ту ночь на банкет директоров без приглашения явился призрак? И можно ли утверждать, что это лицо принадлежало самому Призраку Оперы? Кто осмелится сказать это наверняка? Я говорю об этом не потому, что намерен заставить читателя хотя бы на секунду поверить в такую невероятную наглость Призрака Оперы, а потому лишь, что не исключаю такой возможности.

---

⁴ Прежние директора были едва с ними знакомы, но, войдя, рассыпались в таких искренних изъявлениях дружбы и были в свою очередь встречены такими пышными комплиментами, что те из гостей, которые опасались, что вечер пройдет скучно, мгновенно повеселели.

И вот тому достаточное подтверждение. Арман Моншармен пишет буквально следующее (глава 11): «Вспоминая тот первый вечер, я не могу разделить впечатления от признания, которое нам сделали в директорском кабинете господ Дебьен и Полиньи, и от присутствия на ужине загадочного субъекта, которого никто из нас не знал».

Вот что в точности произошло.

Дебьен и Полиньи, сидевшие в центре стола, еще не обратили внимания на человека с черепом вместо головы, когда тот вдруг заговорил.

– Корифейки правы, – сказал он. – Смерть этого бедняги Бюкэ, возможно, не столь естественна, как об этом думают.

– Бюкэ мертв? – вскричали разом экс-директора, вскакивая с места.

– Да, – спокойно ответил загадочный человек, вернее, тень человека. – Его нашли повешенным сегодня вечером на третьем подземном этаже, между стойкой и декорациями к «Королю Лахорскому».

Оба директора, а вернее, экс-директора привстали и удивленно уставились на говорившего. Их реакцию трудно было объяснить только известием о смерти старшего рабочего сцены. Они переглянулись и стали блее скатерти. Наконец Дебьен сделал знак Ришару и Моншармену, Полиньи извинился перед гостями, и все четверо прошли в директорский кабинет. Здесь я снова предоставляю слово господину Моншармену.

«Господа Дебьен и Полиньи казались все более взволнованными, – пишет он в своих мемуарах, – и нам показалось, что они хотели сообщить нечто, что их сильно беспокоило. Сначала они спросили, знаком ли нам человек, сидевший в конце стола и сообщивший о смерти Жозефа Бюкэ, и после нашего отрицательного ответа их волнение лишь усилилось. Они взяли у нас ключи, внимательно посмотрели на них, покачивая головами, потом посоветовали нам тайно заказать новые замки для апартаментов, кабинетов и других помещений, полную безопасность которых мы хотели бы гарантировать. Все это выглядело так забавно, что мы рассмеялись и спросили: неужели в Опере водятся воры? Они отвечали, что в Опере есть кое-что похуже – Призрак. Мы снова стали смеяться, уверенные, что это шутка, которая должна была увенчать дружеский ужин. Затем по их просьбе мы вернулись к серьезному тону и приготовились поддержать шутку, чтобы доставить им удовольствие. Тогда они признались, что никогда не стали бы говорить с нами о Призраке, если бы не получили от него самого категорического приказа внушить нам, что мы должны быть с ним любезны и должны выполнять все его просьбы и требования. Слишком счастливые оттого, что покидают место, где безраздельно царит эта жуткая тень, от которой они теперь избавились, Дебьен и Полиньи до самого последнего момента не решались рассказать нам о столь любопытных событиях, к которым наши скептические умы явно не были готовы, однако известие о смерти Жозефа Бюкэ жестоко напомнило им, что всякий раз, когда Призраку в чем-то отказывали, в Опере случалось что-нибудь фантастическое или ужасное, в очередной раз напоминавшее им об их зависимости.

На протяжении этого монолога, произнесенного самым таинственным и приглушенным голосом, я не сводил глаз с Ришара. В студенческие годы он имел репутацию шутника, знающего тысячу и один способ подшучивать над людьми, и прославился своими шутками среди консьержек бульвара Сен-Мишель. Я видел, что он с искренним удовольствием наслаждается блюдом, которым его угощали бывшие директора, хотя приправа к нему была несколько горька из-за смерти Бюкэ. Он печально покачивал головой с сочувственным видом человека, который горько сожалел о том, что в Опере поселился Призрак. И мне ничего не оставалось, как покорно следовать его примеру. Однако, несмотря на наши усилия, мы в конце концов не удержались и расхохотались прямо в лицо Дебьену и Полиньи, которые, поразившись столь резкому переходу от самого мрачного состояния к самой наглой веселости, в свою очередь сделали вид, будто поверили в то, что мы потеряли рассудок.

Шутка слегка затянулась, и Ришар полусхот спросил:

– И чего же он наконец желает, этот Призрак?

Господин Полиньи направился к своему столу и достал оттуда копию технических требований. Требования начинались такими словами:

„Дирекция Оперы обязана обеспечивать представлениям Национальной академии музыки великолепие, приличествующее главной французской музыкальной сцене“.

И заканчивались статьей 98, гласившей:

„Указанная привилегия может быть отобрана в том случае, если директор не выполняет условия, оговоренные в технических требованиях“.

Далее следовал перечень.

По словам Моншармена, это была аккуратно переписанная черными чернилами копия официального документа. Мы увидели, что в конце копии Моншармена, в отличие от нашей, был абзац, написанный красными чернилами, неровным, изломанным почерком, как будто ребенок, который еще не научился соединять буквы, нацарапал его спичкой. Этот абзац – продолжение статьи 98 – гласил буквально следующее:

„Если директор более чем на пятнадцать дней задерживает ежемесячное содержание, которое он обязан выплачивать Призраку Оперы, то оно до нового распоряжения устанавливается в сумме 20 тысяч франков в месяц, или 240 тысяч в год“.

Господин де Полиньи дрожащим пальцем ткнул в этот заключительный пункт, который, разумеется, весьма удивил нас.

– И это все? Он больше ничего не хочет? – спросил Ришар со всем хладнокровием, на которое был способен.

– Нет, не все, – коротко ответил Полиньи, перелистал тетрадку и зачитал:

– „Статья шестьдесят три. Большая литерная ложа номер один бельэтажа правой стороны зарезервирована на все представления для главы государства.“

Ложа бенеуара номер двадцать по понедельникам и ложа бельэтажа номер тридцать по средам и пятницам предоставлены в распоряжение министра.

Вторая ложа номер двадцать семь бельэтажа зарезервирована на каждый день для префектов департамента Сены и для префекта полиции“.

И снова, в конце этой статьи, Полиньи указал на добавленную красными чернилами строчку:

„Ложа № 5 бельэтажа на все представления передается в распоряжение Призрака Оперы“.

Дослушав последний пункт, мы дружно встали и горячо пожали руки нашим предшественникам, поздравляя их с такой прелестной шуткой, доказывающей, что старое доброе французское стремление повеселиться сохранило права гражданства. Ришар даже считал нужным добавить, что теперь он понимает, почему господа Дебьен и Полиньи покидают Национальную академию музыки. Ведь с таким требовательным Призраком дела вести невозможно.

– Разумеется, – не моргнув глазом ответил Полиньи. – Двести сорок тысяч франков на дороге не валяются. А вы подсчитайте, какие убытки нам принесло резервирование за Призраком ложи номер пять на все представления. А ведь мы должны оплачивать еще и абонемент. Это же непостижимо! Мы не можем работать, чтобы содержать призраков. Поэтому мы предпочитаем уйти.

– Да, – подтвердил Дебьен. – Мы предпочитаем уйти! И мы уходим! – И он поднялся. Ришар заметил:

– Мне кажется, вы весьма добры с этим Призраком. Если бы я столкнулся с подобным субъектом, я бы, не сомневаясь, потребовал арестовать его.

– Но где? Но как? – хором воскликнули они. – Мы же его ни разу не видели!

– А когда он приходит в свою ложу?

– Мы никогда не видели его в ложе.

– Тогда сдавайте ее.

– Сдавать ложу Призрака! Попробуйте сами, господа!

На этом разговор был окончен, и мы все вчетвером вышли из директорского кабинета. Мы с Ришаром никогда так не смеялись».

Глава 4

Ложь № 5

Арман Моншармен написал такую толстую книгу воспоминаний о довольно долгом периоде своего содиректорства, что начинаешь задумываться: было ли у него время заниматься Оперой, кроме того, что он писал о происходящем в ее стенах? Господин Моншармен не знал ни одной ноты, однако был на «ты» с министром народного образования и изящных искусств, когда-то работал журналистом в бульварной газете и, кроме того, обладал большим состоянием. Наконец, он был обаятельным человеком, не лишенным ума, поскольку, решившись финансировать Оперу, сумел выбрать себе надежного компаньона – Фирмена Ришара.

Фирмен Ришар был тонкий музыкант и порядочный человек. Вот что писали о нем в «Театральном обозрении» в момент вступления в должность:

«Господину Фирмену Ришару около 50 лет. Это человек высокого роста, крепкого телосложения, но не полный. Он обладает представительной осанкой, изысканными манерами, румянцем во всю щеку, густыми, коротко подстриженными волосами и такой же бородой. В выражении лица проглядывает что-то грустное, но это впечатление смягчается прямым и честным взглядом и обаятельной улыбкой. Господин Фирмен Ришар – очень талантливый музыкант, мастер гармонии, умелый контрапунктист. Мощь и размах – вот главные признаки его сочинений. Он опубликовал камерные сочинения, высокоценимую любителями музыку для фортепиано, сонаты и виртуозные сочинения, исполненные оригинальности, и составил целый альбом пьес для фортепиано. Наконец, „Смерть Геркулеса“, исполняемая на концертах в Консерватории, дышит эпической страстью, заставляющей вспоминать Глюка, одного из любимых композиторов господина Фирмена Ришара. Он обожает Глюка, но не меньше любит и Пиччини. Господин Ришар получает удовольствие везде, где его находит. Восхищаясь Пиччини, он склоняется перед Мейербером, наслаждается музыкой Чимарозы, и никто так высоко, как он, не ценит неповторимый гений Вебера. Наконец, в отношении Вагнера господин Ришар готов утверждать, что он понял его первым, а может быть и единственным, во Франции».

Остановимся здесь, поскольку эта цитата свидетельствует, что Фирмен любил почти всю музыку и всех музыкантов, все музыканты были обязаны любить Фирмена Ришара. В заключение этого короткого портрета добавим, что господин Ришар был, что называется, властным человеком, то есть обладал очень дурным характером.

Первые дни пребывания в Опере оба компаньона радовались, ощущая себя хозяевами столь большого и прекрасного предприятия, и совершенно забыли странную и непонятную историю с Призраком, как вдруг произошло событие, которое показало, что шутка – если это была шутка – далеко не окончена.

В то утро господин Ришар явился в кабинет в одиннадцать часов; господин Реми, его секретарь, показал ему полдюжины писем, которые он не вскрывал, поскольку на конвертах была пометка «личное». Одно из них сразу привлекло внимание Ришара – не только потому, что конверт был надписан красными чернилами, но и потому еще, что почерк показался ему знакомым. Он сразу вспомнил, что именно эти красные письма так странно заполняли страницы перечня обязанностей. Он распечатал письмо и прочитал:

«Уважаемый директор, прошу прощения за то, что побеспокоил Вас в эти драгоценные минуты, когда Вы вершите судьбу лучших артистов Оперы, когда Вы возобновляете прежние контракты и заключаете новые, причем делаете это уверенно, со знанием театра и публики, ее вкусов, с решительностью, которая меня изумила. Я знаю, как много Вы сделали для Карлотты, Сорелли, и малышки Жамм, и для некоторых других, в ком Вы угадали замечательные качества, талант или дар (Вам хорошо известно, кого я имею в виду – разумеется, не Карлотту, которая поет как шрапнель и которой не следовало уходить ни из кафе „Амбассадор“,

ни из „Жакен“, не Сорелли, которая пользуется успехом главным образом у извозчиков, и не малышку Жамм, танцующую как корова на лугу. Я имею в виду Кристину Даэ, чей дар бесспорен и которую, кстати, Вы ревниво отводите от любой важной роли). В конце концов, Вы вольны распоряжаться в своем учреждении по своему усмотрению, не так ли? И все-таки я хотел бы воспользоваться тем, что Кристине Даэ еще не указали на дверь, и послушать ее нынче вечером в партии Зибеля, поскольку партия Маргариты после ее недавнего триумфа ей заказана; и в связи с этим прошу Вас не занимать мою ложу ни сегодня, ни в последующие дни. Я не могу закончить письма, не заметив Вам, как неприятно я был поражен тем, что моя ложа была сдана по Вашему распоряжению.

Впрочем, я не протестовал: прежде всего, потому, что я сторонюсь скандалов, и, во-вторых, потому, что Ваши предшественники, господа Дебьен и Полиньи, которые всегда были любезны со мной, возможно, по рассеянности забыли предупредить Вас о моих маленьких слабостях. Но я только что получил от этих господ ответ на мою просьбу объясниться, и этот ответ убедил меня, что Вы ознакомлены с моими техническими требованиями и, следовательно, намеренно надо мной насмехаетесь. Если хотите жить со мной в мире, не стоит прежде всего отбирать у меня ложу. С оглядкой на эти маленькие замечания разрешите, уважаемый директор, заверить, что я являюсь Вашим преданным и покорным слугой.

Подпись: П. Оперы».

Письмо сопровождалось объявлением, вырезанным из «Театрального обозрения»:

«П. О., виноваты Р. и М. Мы их предупредили и передали им технические требования. Искренне Ваши!»

Едва Фирмен Ришар успел дочитать эти строки, как открылась дверь кабинета и перед ним предстал Арман Моншармен с совершенно таким же письмом в руке, как то, которое получил его коллега. Переглянувшись, они расхохотались.

– Итак, шутка продолжается, – сказал господин Ришар, – но это уже не смешно!

– Что это значит? – удивился господин Моншармен. – Неужели они думают, что, если они были директорами Оперы, мы отдадим им ложу до скончания веков?

И тот и другой нисколько не сомневались в том, что оба послания были делом рук их предшественников.

– Мне не улыбается так долго служить мишенью для глупых шуток, – заявил Фирмен Ришар.

– В этом же нет ничего обидного, – заметил Арман Моншармен.

– Кстати, чего они хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

И Фирмен Ришар отдал распоряжение секретарю немедленно передать ложу № 5 бельэтажа господам Дебьену и Полиньи, если она еще не сдана.

Ложа была свободна, и абонемент был немедленно отправлен. Господин Дебьен жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинов, господин Полиньи – на улице Обера. Кстати, оба письма Призрака были отправлены с почты на бульваре Капуцинов; это заметил Моншармен, внимательно рассмотрев конверты.

– Вот видишь, – заметил Ришар.

Компаньоны пожали плечами, посетовав на то, что солидные пожилые люди все еще развлекаются, как дети.

– Все-таки они могли быть повежливее, – заметил Моншармен. – Смотри, как они отчитывают нас за Карлотту, Сорелли и малышку Жамм!

– Чего уж там, эти люди просто больны от ревности... Подумать только: даже заплатили за объявление в «Театральном обозрении». Неужели им больше нечего делать?

– Кстати! – сказал Моншармен. – Кажется, их весьма интересует малышка Кристина Даэ...

– Ты не хуже меня знаешь, что у нее репутация честной девушки, – ответил Ришар.

– Репутация нередко бывает и ложной, – сказал Моншармен. – Вот у меня репутация знатока музыки, а я не знаю, чем отличается скрипичный ключ от басового.

– Успокойся! У тебя никогда не было такой репутации, – заявил Ришар.

Потом Ришар велел привратнику впустить артистов, которые вот уже два часа прогуливались по длинному коридору перед директорской приемной, ожидая, когда откроется дверь, за которой их ждали слава и деньги... или отставка.

Весь день прошел в дискуссиях, переговорах, директора подписывали и разрывали контракты, так что можете себе представить, как они утомились в тот вечер – вечер 25 января – после сумасшедшего дня, наполненного истериками, интригами, рекомендациями, угрозами, протестами, признаниями в любви и в ненависти. Они рано легли спать, даже не заглянув в ложу № 5 и не полюбопытствовав, понравился ли спектакль господам Дебьену и Полиньи. Опера вовсе не бездействовала после ухода бывших директоров, так как господин Ришар приказал приступить к некоторым необходимым работам, не прекращая давать представления.

На следующее утро Ришар и Моншармен обнаружили среди корреспонденции, во-первых – каждый из них, – открытку от Призрака:

«Уважаемый директор!

Очень благодарен. Чудесный вечер. Даэ восхитительна. Обратите внимание на хор. Карлотта – превосходный, но банальный инструмент. Позже напишу Вам по поводу суммы 240 тысяч, если быть точным – 233 424 франка 70 су, потому что господа Дебьен и Полиньи переслали мне 6575 франков и 30 сантимов за первые десять дней текущего года в связи с тем, что их полномочия истекали 10-го числа, вечером.

Ваш слуга П. О.».

Во-вторых, пришло письмо от господ Дебьена и Полиньи:

«Господа!

Спасибо за оказанное нам внимание, но сами понимаете, что перспектива еще раз послушать „Фауста“, как бы это ни было приятно для бывших директоров Оперы, не мешает нам напомнить, что мы не имеем никакого права занимать ложу № 5 бельэтажа, которая принадлежит исключительно тому, о ком мы с вами уже говорили, читая последний абзац статьи 63.

Примите наши уверения и пр.».

– Эта пара уже начинает мне надоедать! – сердито заметил Ришар, разрывая на клочки письмо Дебьена и Полиньи.

И в тот же вечер ложа № 5 была продана.

На следующий день, зайдя в свой кабинет, господа Ришар и Моншармен нашли на столе рапорт инспектора, касающийся событий, которые произошли накануне вечером в ложе № 5 первого яруса. Вот основной пассаж из этого рапорта:

«Я был поставлен перед необходимостью вызвать сегодня вечером, – (инспектор писал свой рапорт накануне), – жандарма и дважды – в начале и в середине второго акта – освободить ложу № 5 бельэтажа. Находившиеся в ней зрители, которые, кстати, явились только ко второму акту, устроили настоящий скандал, смеялись и отпускали нелепые замечания. Со всех сторон раздались шиканья, и зал начал возмущаться; когда за мной послала смотрительница, я зашел в ложу и сделал им необходимые замечания. Нарушители, по-моему, были немного не в себе и завели со мной странные разговоры. Я предупредил их, что, если подобное повторится, мне придется освободить ложу. Не успел я выйти, как снова услышал смех в ложе и шумные протесты в зале. Я позвал жандарма, и тот вывел их. Они возражали, продолжая смеяться, и заявили, что не уйдут, пока им не возвратят деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им снова войти в ложу, но смех тут же возобновился, и на этот раз мы выставили нарушителей окончательно».

– Пусть пошлют за инспектором! – крикнул Ришар, обращаясь к секретарю, который первым прочитал рапорт и снабдил его примечаниями, написанными синим карандашом.

В обязанности секретаря, господина Реми, двадцати четырех лет, с усиками в ниточку, элегантного, изысканного, всегда прекрасно одетого (в те времена днем обязательно было надевать редингот), умного и весьма скромного в присутствии директора, который ему выплачивал жалование 2400 франков в год, входило: просматривать газеты, отвечать на письма, распределять логи и пригласительные билеты, договариваться о встречах, беседовать с посетителями, ожидающими в приемной, навещать больных артистов, искать им замену, связываться с руководителями отдельных служб; но прежде всего он служил преградой на пути нежелательных визитеров. Помимо всего прочего, ему постоянно приходилось быть начеку, чтобы – не дай бог! – не оказаться неугодным и выброшенным за дверь без всякой компенсации, так как он не был признан администрацией. И вот секретарь, который уже давно отдал приказание найти инспектора, распорядился ввести его в кабинет.

– Расскажите-ка, что там произошло вчера? – резко спросил Ришар.

Взволнованный инспектор что-то промямлил в ответ и упомянул свой рапорт.

– Но почему все-таки эти люди смеялись? – спросил Моншармен.

– Господин директор, они, должно быть, плотно отобедали и скорее были склонны шутить, чем слушать хорошую музыку. Едва войдя в ложу, они покинули ее и позвали смотрительницу. Они сказали: «Посмотрите внимательно. Ведь здесь никого нет, так?» – «Никого», – ответила смотрительница. «Ну так вот, – заявили они, – когда мы вошли, то услышали чей-то голос, который сообщил, что здесь кто-то есть».

Господин Моншармен не мог без улыбки смотреть на господина Ришара, но тот вовсе не был расположен к смеху. Некогда он сам проделывал подобные трюки, чтобы не распознать в наивном докладе инспектора все признаки одной из тех злых шуток, которые вначале забавляют их жертв, но потом приводят в ярость.

Пытаясь подольститься к Моншармену, инспектор счел своим долгом тоже улыбнуться. Жалкая попытка! Тут же взгляд Ришара пригвоздил его к месту, и бедняга поспешил принять сокрушенный вид.

– В конце концов, – загремел Ришар, – когда они вошли в ложу, там кто-нибудь был?

– Никого, господин директор! Совершенно никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева, клянусь вам. Готов руку над огнем держать, что никого там не было. Так что это была лишь шутка.

– А смотрительница, что она сказала?

– О! Тут все просто. Она сказала, что это Призрак Оперы. Вот так-то!

И инспектор ухмыльнулся, однако тут же осознал свою ошибку: так как не успел он произнести слова: «Она сказала, что это Призрак Оперы!», как и без того сумрачное лицо господина Ришара стало просто свирепым.

– Пошлите за смотрительницей! – приказал он. – Немедленно! Приведите ее ко мне! И выпроводите всю эту толпу за дверь!

Инспектор хотел возразить, но Ришар заткнул ему рот грозным:

– Замолчите!

Затем, когда губы несчастного подчиненного, казалось, сомкнулись навеки, господин директор приказал им снова открыться.

– Что значит «Призрак Оперы»? – проворчал Ришар.

Однако инспектор уже был не в состоянии произнести ни слова. Отчаянно жестикулируя, он дал понять, что ничего об этом не знает, а скорее – не желает знать.

– Вы сами-то хоть видели этого Призрака?

Инспектор энергично затряс головой, отрицая этот факт.

– Тем хуже! – холодно заявил Ришар.

Инспектор вытаращил глаза, которые, казалось, вот-вот вылезут из орбит; он безмолвно вопрошал: почему господин директор произнес это мрачное «тем хуже!»?

– Потому что я уволю всех, кто его не видел, – объяснил господин директор. – Поскольку он спует повсюду, недопустимо, чтобы его нигде не видели! Я люблю, чтобы каждый занимался своим делом!

Глава 5

Ложа № 5 (Продолжение)

Высказав это, Ришар потерял всякий интерес к инспектору и принялся обсуждать другие дела с вошедшим администратором. Инспектор решил, что может уйти, и потихоньку, потихоньку, пятясь, приблизился к двери, когда господин Ришар, заметив этот маневр, пригвоздил его к месту громовым окриком:

– Стоять!

Стараниями господина Реми срочно призвали смотрительницу, которая состояла еще и консьержкой на улице Прованс в двух шагах от Оперы. Вскоре она вошла в кабинет.

– Как вас зовут?

– Мамаша Жири. Вы ж меня знаете, господин директор: я мать малышки Жири, малышки Мэг, если хотите.

Суровый и торжественный тон этого заявления произвел впечатление на господина Ришара. Он оглядел мадам Жири – выцветшая шаль, стоптанные туфли, старенькое платье из тафты, шляпа цвета копоты. Выражение лица Ришара свидетельствовало о том, что он вообще не знал и не помнил ни мамашу Жири, ни малышку Жири, ни даже малышку Мэг. Однако гордость мадам Жири была такова, что она полагала: ее должны знать все. Мне сдается, что от ее имени произошло «*giries*»⁵, ходовое словечко в закулисном жаргоне. Пример: если певица упрекает свою подругу за любовь посплетничать, то она скажет ей: «Все это просто „*giries*“».

– Не помню такой, – возвестил наконец господин директор. – Но все равно расскажите, мадам Жири, как получилось, что вчера вечером вам с господином инспектором пришлось прибегнуть к услугам жандарма?

– Да я и сама хотела поговорить об этом, господин директор, чтобы с вами не случилось таких неприятностей, как с господами Дебьеном и Полиньи... Они-то ведь тоже не хотели меня сперва слушать...

– Я вас спрашиваю не об этом. Я хочу знать, что случилось вчера вечером.

Мамаша Жири раскраснелась от возмущения. С ней никогда еще не разговаривали подобным тоном. Она встала, будто бы собираясь уйти, и уже начала поправлять юбку и с достоинством потряхивать перьями на шляпке цвета копоты, но потом передумала, снова села и высокомерно сказала:

– А то случилось, что опять обидели нашего Призрака!

Ришар едва не взорвался, но тут вмешался Моншармен; перехватив инициативу допроса, он выяснил, что смотрительница находит вполне естественным, когда голос из совершенно пустой ложи заявляет, что она занята. Она могла объяснить этот феномен, который, кстати, не был для нее новостью, единственно присутствием Призрака в ложе. Этого Призрака никто ни разу не видел, зато слышали его многие, да она и сама часто его слышала, а уж ей-то можно верить, потому что мадам Жири никогда не лжет. Спросите у господ Дебьена и Полиньи и вообще у всех, кто ее знает, а также у господина Исидора Саака, которому Призрак сломал ногу.

– Ну да! – перебил ее Моншармен. – Призрак сломал ногу бедняге Исидору Сааку?

Мамаша Жири широко открыла глаза, пораженная таким непроходимым невежеством. Наконец она снисходительно согласилась просветить несчастных. Так вот, это случилось во времена Дебьена и Полиньи, и опять-таки в ложе № 5, и снова во время представления «Фауста».

---

⁵ Неестественность, кривляние (*фр., жарг.*).

Смотрительница откашлялась, попробовала голос и завела... Казалось, она намеревается спеть всю партитуру оперы Гуно.

– Значит, так, мусье. На том спектакле в первом ряду сидел господин Маньера со своей дамой, ювелир-огранщик с улицы Могадор, а позади мадам Маньера – их близкий друг Исидор Саак. Мефистофель пел (мамаша Жири спела эту строчку): «Вы одурачили...» И вот тут Маньера слышит справа (его жена сидела слева) голос, который говорит ему: «Ха-ха! Наша Жюли не стала бы одурачивать!» (Мадам Маньера как раз и звали Жюли.) Господин Маньера поворачивается направо посмотреть, кто с ним разговаривает. Никого! Он потер ухо и пробормотал: «Неужели почудилось?» А тем временем Мефистофель продолжает петь... Но может быть, я вас утомила, господа?

– Нет-нет! Продолжайте!

– Господа директора очень любезны. – Мамаша Жири скорчила гримасу. – Так вот, Мефистофель продолжает петь. – И она снова затянула: – «Катрин, обожаю! К чему твой отказ? Любовник хорош, целуй же его!» И тут Маньера слышит, опять в правом ухе, тот же голос: «Ха! Ха! Жюли не отказалась бы поцеловать Исидора». Он снова поворачивается – теперь уже в сторону Жюли и Исидора, и что же он видит? А видит он Исидора, который держит его жену за локоток и покрывает поцелуями ее руку... Вот так, господа хорошие. – И мамаша Жири с жаром поцеловала краешек обнаженной руки над своей перчаткой из шелка-сырца. – Ну а потом... Можете себе представить, что это ему даром не прошло! Господин Маньера – здоровый и сильный, вот как вы, мусье Ришар, – залепил господину Исидору Сааку пару хороших оплеух, а Исидор – худой и слабый, вот как вы, мусье Моншармен, хотя я очень уважаю его. Это был скандал. В зале кричат: «Остановить! Остановить! Он убьет его!» Наконец Исидору удалось сбежать...

– Так Призрак все-таки не сломал ему ногу? – спросил Моншармен, немного оскорбленный тем, что его телосложение произвело столь малое впечатление на мадам Жири.

– Сломал, мусье, – высокомерно ответила мадам Жири, так как поняла оскорбительное намерение директора. – Сломал совсем, когда наш Исидор слишком быстро бежал по парадной лестнице, мусье! Да так сломал, бедняга, что не скоро он сможет по ней еще раз подняться!..

– Значит, это Призрак рассказал вам о том, что он шептал в правое ухо господина Маньера? – осведомился Моншармен с серьезным видом настоящего следователя, забавляясь от души.

– Нет, мусье. Это сам господин Маньера...

– Но вы-то сами разговаривали с Призраком, милая дама?

– Вот так же, как сейчас с вами, мил господин...

– И что он вам говорил?

– Ну, он просил принести ему скамеечку для ног.

При этих словах, произнесенных торжественным тоном, лицо мадам Жири стало такого цвета, как желтоватый с красными прожилками мрамор колонн, которые поддерживают большую парадную лестницу, – мрамор этот еще называют пиренейским.

Только теперь Ришар вместе с Моншарменом и секретарем Реми разразился громовым хохотом. Инспектор, памятуя горький опыт, не смеялся. Опершись спиной о стену и лихорадочно перебирая в кармане ключи, он гадал, чем кончится эта история. Чем более спесиво держалась мамаша Жири, тем больше он опасался вспышки директорского гнева. Но неожиданно, видя, как веселятся директора, мамаша Жири разошлась не на шутку.

– Вместо того чтобы смеяться, господа, – с негодованием воскликнула она, – вам бы лучше последовать примеру мусье Полиньи, который сам убедился!..

– Убедился в чем? – переспросил Моншармен, который никогда еще так не веселился.

– В том, что Призрак существует! Ну я же вам говорю... Слушайте! – Она вдруг успокоилась, осознав важность момента. – Я все помню так, будто это было только вчера. В тот

раз давали «Жидовку». Мусье Полиньи захотел сидеть в ложе Призрака один. Госпожа Краус имела огромный успех. Она уже спела эту арию – ну вы знаете, из второго акта. – И мамаша Жири вполголоса напела:

Хочу с тобой, любимый мой, Я жить и
умереть. И верю я, любимый мой, Нас не разлучит смерть.

– Хорошо-хорошо! Я понял, – кисло улыбнулся господин Моншармен.
Однако мадам Жири продолжала, покачивая перьями на своей шляпе цвета копоты:

Умчимся в край небесно-голубой, Одна судьба
связала нас с тобой.

– Да! Да! Нам все ясно, – повторил в нетерпении Ришар. – Ну и что дальше?

– А дальше Леопольд кричит: «Бежим!», а Элеазар их останавливает и спрашивает: «Куда спешите вы?» Так вот, как раз в этот самый момент мусье Полиньи – я видела это из соседней ложи, которая оставалась свободной, – встает и выходит, прямой как статуя. Я только успела спросить его, точно так же как Элеазар: «Куда спешите вы?» Но он мне даже не ответил, он был бледен как смерть! Я видела, как он спускался с лестницы, правда ногу он не сломал... Шел будто во сне, в дурном сне, только не мог отыскать дорогу, а ему ведь платили за то, чтобы он хорошо знал Оперу!

Вот что сказала мамаша Жири и замолчала, чтобы оценить произведенное ею впечатление. Моншармен в ответ на историю Полиньи лишь покачал головой.

– Однако все это не объясняет, как и при каких обстоятельствах Призрак Оперы попросил у вас скамеечку, – продолжал допытываться Моншармен, глядя глаза в глаза смотрительнице.

– Ну, это с того самого вечера, потому что тогда-то и оставили в покое нашего Призрака... Больше не пытались отобрать у него ложу. Господа директора распорядились оставить эту ложу для него на все представления. И когда он приходил, он просил у меня скамеечку.

– Хо! Хо! Призрак просил скамеечку! Выходит, ваш Призрак – женщина?

– Нет, Призрак – мужчина.

– Откуда вы знаете?

– У него мужской голос, очень приятный! Вот как обычно бывает: он приходит в Оперу чаще всего в середине первого акта и тихо стучит три раза в дверь ложи номер пять. Когда я в первый раз услышала этот стук, я хорошо знала, что в ложе никого нет, так что можете себе представить, как я была озадачена. Открываю дверь, вслушиваюсь, всматриваюсь – никого! И тут услышала голос: «Мамаша Жюль (это фамилия моего покойного мужа), будьте добры, принесите мне скамеечку». С вашего позволения, мусье директор, я просто расквасилась... Но голос продолжал: «Не пугайтесь, мамаша Жюль, это я, Призрак Оперы!» Я посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, который, между прочим, был такой приятный и располагающий, что я уже почти перестала бояться. Голос этот, мусье директор, сидел в первом ряду справа. Хотя я в кресле никого и не увидела, могу поклясться, что кто-то был, и кто-то весьма любезный, уж можете мне поверить.

– А ложа справа от ложи номер пять не была занята? – спросил Моншармен.

– Нет, ни ложа номер семь справа, ни ложа номер три слева. Спектакль только начинался.

– И что вы сделали?

– Принесла скамеечку. Наверняка он просил ее не для себя, а для дамы. Но эту даму я не видела и не слышала.

Каково! Теперь оказывается, у Призрака есть женщина! Взгляды господ Моншармена и Ришара скрестились на инспекторе, который стоял за спиной смотрительницы и размахивал руками, пытаясь привлечь к себе внимание директоров. Когда они посмотрели на него, он красноречивым жестом покрутил пальцем у виска – жест этот означал, что мамаша Жири была явно не в себе. Эта пантомима окончательно укрепила решение господина Ришара расстаться с инспектором, который держит у себя работников, страдающих галлюцинациями. А женщина между тем продолжала, расхваливая щедрость Призрака:

– После спектакля он всегда мне дает монету в сорок су, иногда сто су, а несколько раз, после того как его не бывало по несколько дней, я получала даже десять франков. А теперь, когда ему опять начали досаждать, он мне больше ничего не дает...

– Простите, моя дорогая. – (И мамаша Жири снова потрянула своей серой шляпкой с пером, возмущенная такой фамильярностью.) – Простите, но как Призрак вручает вам эти сорок су? – спросил от рождения любопытный Моншармен.

– Да он просто-напросто оставляет их на полочке в ложе, и я забираю их вместе с программой, которую всегда приношу ему. Иногда я там нахожу даже цветы, например розу, наверняка выпавшую из-за корсажа его дамы. Да, я уверена, что иногда он приходит с женщиной, потому что однажды они оставили веер.

– Вот как? Призрак забыл веер? И что вы с ним сделали?

– Ничего. На следующем спектакле вернула его.

В этот момент инспектор произнес:

– Вы нарушили правила, мамаша Жири, и я наложу на вас штраф.

– Замолчите, глупец! – пророкотал господин Фирмен Ришар басом.

– Вы вернули веер. Ну а дальше?

– А дальше они забрали его, мусье директор, после спектакля его там уже не было, и вместо него они оставили коробку с английскими конфетами, которые я просто обожаю. Это одна из любезностей Призрака.

– Хорошо, мамаша Жири. Вы можете идти.

Когда смотрительница с достоинством, никогда ее не покидавшим, попрощалась с директорами, они объявили инспектору, что необходимо отказаться от услуг этой сумасшедшей старухи. После этого они отпустили инспектора. Когда он вышел, не переставая верить в своей преданности театру, они предупредили администратора, что он должен дать расчет господину инспектору. Оставшись наконец одни, оба директора переглянулись – в голову обоим одновременно пришла одна и та же мысль: совершить маленькую прогулку в сторону ложи № 5.

Вскоре мы за ними последуем.

Глава 6

Волшебная скрипка

Кристина Даэ, которой суждено было пасть жертвой интриг, к чему мы вернемся позже, не сразу закрепила триумф знаменитого гала-концерта. Однако ей представился случай выступить в доме герцогини Цюрихской и исполнять самые лучшие арии из своего репертуара, и вот что пишет о ней известный критик Х., бывший в числе почетных гостей:

«Когда мы слышим ее в „Гамлете“, мы спрашиваем себя: неужто сам Шекспир прибыл из Элизеума репетировать с ней партию Офелии? А когда ее голову венчает звездная диадема Царицы Ночи, с небес должен сойти Моцарт, чтобы услышать ее пение. Впрочем, не стоит тревожить композитора – высокий звонкий голос чудесной исполнительницы его „Волшебной флейты“ сам достигает неба, взмывая туда с той же легкостью, с какой она перелетела из сельской хижины Скотеллофа во дворец из золота и мрамора, выстроенный господином Гарнье».

Но после вечера у герцогини Цюрихской Кристина больше не пела в свете и отклонила все приглашения и гонорары. Даже не выставив благовидного предлога, она отказалась появиться на благотворительном вечере, нарушив данное ранее обещание. Она действовала так, будто перестала быть хозяйкой своей судьбы, будто она боялась нового триумфа.

Кристине стало известно, что граф де Шаньи, желая сделать приятное своему брату, очень много хлопотал за нее перед господином Ришаром, и она написала графу письмо, в котором поблагодарила его за это и попросила больше не говорить о ней с директорами. В чем же были причины столь странного поведения? Одни сочли, что все дело заключается в непомерной гордыне, другие – что в божественной скромности. Подобная скромность просто неуместна в театре!

Я полагаю, что Даэ просто-напросто испугалась свалившегося на нее как с неба триумфа и была изумлена им не менее, чем многие другие. Изумлена? Не то слово! У меня есть письмо Кристины (из архива Перса), в котором описываются те события. Так вот, прочитав его еще раз, я уже не могу сказать, что Кристина была просто изумлена или напугана своим триумфом: она была просто в ужасе. Да, да! В ужасе! «Я больше не узнаю себя, когда пою!» – пишет она.

Бедное, невинное, кроткое дитя!

Она нигде не появлялась, и виконт де Шаньи напрасно пытался встретиться с ней. Он написал ей, прося позволения навестить ее, и уже отчаялся ждать ответа, когда однажды утром получил такую записку:

«Сударь, я вовсе не забыла того маленького мальчика, который выловил мой шарф в море. Я должна написать Вам об этом сегодня, когда уезжаю в Перрос ради исполнения священного долга. Завтра годовщина смерти моего бедного папы, Вы знаете, как он любил Вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, прилегающем к маленькой церкви, у подножия холма, где мы играли детьми, рядом с той дорогой, где мы, повзрослев, в последний раз простились друг с другом».

Виконт де Шаньи, прочтя записку Кристины, схватил расписание поездов, поспешно оделся, написал несколько строк, которые лакей должен был передать старшему брату, и вскочил в карету, с опозданием доставившую его к вокзалу Монпарнас, так что на утренний поезд он не успел.

Рауль провел тоскливый день, и вкус к жизни вернулся к нему лишь вечером, когда он устроился в своем вагоне. Всю дорогу он перечитывал записку Кристины, вдыхая запах ее духов и воскрешая нежный образ своей юности. Отвратительная ночь в поезде прошла в лихорадочном сне, началом и концом которого была Кристина Даэ. Уже светало, когда Рауль высадился в Ланьоне. Он побежал к дилижансу, отправлявшемуся в Перрос-Гирек. Он был единственным пассажиром. На его расспросы кучер ответил, что накануне вечером молодая

женщина, по облику парижанка, попросила отвезти ее в Перрос и сошла у постоянного двора под названием «Заходящее солнце». Она приехала одна. Рауль глубоко вздохнул. Наконец-то он может спокойно поговорить с Кристиной в уединенном месте. Он любил ее до беспамятства. Этот юноша, объехавший мир, оставался чист, как девушка, никогда не покидавшая материнского дома.

Приближая миг встречи с ней, он набожно вспоминал историю маленькой шведской певицы. Многие детали еще не были известны широкой публике.

Когда-то в маленькой деревушке в окрестностях Уппсалы жил крестьянин с семьей, который всю неделю возделывал землю, а по воскресеньям пел на клиросе в церкви. У крестьянина была дочка; еще до того, как она научилась читать, он научил ее разбирать нотную грамоту. Сам того не ведая, папаша Даэ был великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом во всей Скандинавии. Слава его росла, его постоянно приглашали на свадьбы и праздники. Мать Кристины скончалась, когда девочке шел шестой год. Вслед за тем отец, который любил только свою дочь и музыку, продал свой участок земли и отправился искать счастья в Уппсалу. Но нашел там только нищету.

Тогда он возвратился в деревню и начал странствовать по ярмаркам, наигрывая скандинавские мелодии, а дочь, никогда не расстававшаяся с ним, с восторгом слушала его, аккомпанируя ему или напевая. Однажды на ярмарке в Лимби их обоих услышал профессор Валериус и взял с собой в Готенбург. Он утверждал, что отец – первый скрипач в мире и что у дочери задатки великой певицы. Он позаботился о ее воспитании и образовании. Девочка восхищала всех окружающих своей красотой, грацией и жадой совершенства. Она быстро училась, и когда профессору Валериусу и его жене потребовалось уехать жить во Францию, они взяли с собой Даэ и Кристину, с которой матушка Валериус обращалась как с дочерью. А вот отец девочки, он начал чахнуть и затосковал по родине. В Париже он никуда не выходил. Он жил будто во сне, где с ним была только его скрипка. Целыми часами он сидел в комнате вместе с дочерью, и оттуда слышались звуки скрипки и тихое пение. Иногда госпожа Валериус приходила послушать их под дверь, тяжело вздыхала, смахивала слезу и на цыпочках возвращалась к себе. И ее тоже не покидала ностальгия по скандинавскому небу.

Папаша Даэ приходил в себя только летом, когда все семейство выезжало на дачу в деревню, в Перрос-Гирек – уголок Бретани, в ту пору почти неизвестный парижанам. Он очень любил здешнее море, говоря, что оно того же цвета, что у него на родине, и, часто стоя на пляже, наигрывал свои самые печальные напевы и уверял, что море замолкает, чтобы их послушать. Потом он так умолял матушку Валериус, что та согласилась на новую прихоть бывшего деревенского скрипача.

Во время сельских праздников он, как когда-то, взял скрипку и ушел. Ему позволили взять с собой дочь на неделю. Люди не уставали их слушать. Они дарили гармонию жителям самых бедных деревушек на весь год и спали, отказываясь от кроватей на постоянных дворах, забираясь в солому и прижимаясь друг к другу, как в те времена в Швеции, когда были бедны.

Однако одеты они были довольно прилично, отказывались от денег, которые им давали, не собирали пожертвования, и слушатели никак не могли понять поведение этого скрипача, бродившего по дорогам с маленькой прелестной девочкой, которая пела, будто ангел, и ходили за ним из деревни в деревню.

Как-то раз городской мальчик, гулявший со своей гувернанткой, заставил ее проделать долгий путь, потому что никак не мог решиться расстаться с девочкой, чей голос, такой нежный и чистый, заморозил его. Так они пришли к бухточке, которая называется Трестару. В то время там были только небо, море и золотой песок. Еще там дул сильный ветер, который сорвал шарф Кристины и унес его в море. Кристина вскрикнула, протянула руки, но легкий лоскут уже колыхался на волнах далеко от берега. И тут Кристина услышала голос, который сказал ей:

– Не волнуйтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф из моря.

Она увидела мальчика, который бежал, бежал, несмотря на крики и протестующие возгласы одетой в черное женщины. Мальчик прямо в одежде бросился в воду и достал шарф. И мальчик, и шарф находились в весьма плачевном состоянии! Дама в черном никак не могла успокоиться, а Кристина смеялась от всего сердца и поцеловала мальчика. Это был виконт Рауль де Шаньи. В то лето он жил в Ланьоне со своей теткой. Все лето они встречались почти каждый день и играли вместе. По просьбе тетки и при посредничестве профессора Валериуса добрейший папаша Даэ согласился давать юному виконту уроки игры на скрипке. И Рауль полюбил те же напевы, что наполняли детство Кристины.

Строй их душ был схож: мечтательный, спокойный... Они обожали слушать невероятные истории, старые бретонские сказки, и главной их игрой было выпрашивать под дверями, как нищие: «Господа хорошие, расскажите нам, пожалуйста, какую-нибудь историю». Редко бывало так, что им ничего не «давали». А какая старая бретонка не видела хотя бы раз в жизни, как танцуют феи в вересковых зарослях при свете луны?

Но самое интересное происходило в сумерках, в тишине, после того как солнце уходило за море, – папаша Даэ садился возле них на обочине и негромким голосом, будто боялся спугнуть свои видения, рассказывал восхитительные, нежные, а бывало, и страшные легенды северной страны. Иногда они были прекрасны, как сказки Андерсена, иногда печальны, как песни великого поэта Рунеберга. Когда он умолкал, дети просили: «Еще!»

Была одна история, которая начиналась так:

«Однажды некий король плыл в своем маленьком челноке по одному из тех спокойных и глубоких озер, которые сверкают, как глаза, посреди норвежских гор...»

Или еще одна:

«Маленькая Лотта думала обо всем и не думала ни о чем. Летней птичкой она порхала в золотых солнечных лучах с весенней короной на белокурых волосах. Душа ее была такой же чистой и голубой, как ее глаза. Она любила свою мать, была верна своей кукле, заботилась о своем платье, красных туфельках и скрипке, но пуще всего она любила, засыпая, слышать Ангела Музыки».

Пока папаша Даэ рассказывал, Рауль разглядывал голубые глаза и золотистые волосы Кристины. А Кристина думала о том, как была счастлива маленькая Лотта, когда засыпала и слышала Ангела Музыки. У папаши Даэ почти не было историй, в которых не присутствовал бы Ангел Музыки, и дети без конца просили рассказать об этом Ангеле. Даэ отвечал, что все великие музыканты, все великие артисты хотя бы раз в жизни встречались с Ангелом Музыки. Иногда он склоняется над их колыбелькой, как это случилось с маленькой Лоттой, и тогда появляются вундеркинды, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем пятидесятилетние музыканты, что, согласитесь, совершенно удивительно. Иногда Ангел Музыки приходит гораздо позже, потому что дети непослушны и не хотят учиться и повторять гаммы. А бывает, что Ангел не приходит вовсе, потому что сердце человека нечисто и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но избранные души слышат его. Происходит это чаще всего в такие моменты, когда люди меньше всего этого ожидают, когда они пребывают в печали и отчаянии. И вот тогда в ушах начинает звучать неземная музыка, слышится божественный голос, и они запоминают его на всю свою жизнь. Тех, кого посетил Ангел, будто коснулся огонь небесный. Они испытывают трепет, который неведом прочим смертным. Они получают волшебный дар – любой инструмент, к которому они прикасаются, и собственный их голос рождает звуки, способные пристыдить своей красотой все земные звуки. А люди не знают, что этих счастливых посетителей посетил Ангел Музыки, и называют их гениальными.

Маленькая Кристина однажды спросила отца, слышал ли он Ангела. Отец грустно покачал головой, потом взглянул на дочь, и глаза его заблестели. Тогда он сказал:

– А ты, дитя мое, однажды его услышишь! Когда я буду на небесах, я пошлю его к тебе, обещаю!

К тому времени папашу Даэ начал одолевать кашель.

Наступила осень и разлучила Рауля и Кристину.

Увиделись они только три года спустя, в пору своей юности. Это произошло опять в Перросе, и эта встреча произвела на Рауля такое впечатление, что он сохранил воспоминание о ней на всю жизнь. Профессор Валериус уже умер, но его матушка Валериус осталась во Франции вместе с Даэ и его дочерью, которые продолжали петь и играть на скрипке, вовлекая свою милую покровительницу в прекрасные грезы, и, казалось, она тоже жила теперь только музыкой. Юноша совершенно случайно заехал в Перрос и неосознанно направился в дом, где когда-то жила его подруга. Навстречу ему поднялся старый Даэ и со слезами на глазах поцеловал его, говоря, что они часто о нем вспоминали. Действительно, не проходило и дня, чтобы Кристина не упомянула о Рауле. Старик еще продолжал говорить, когда открылась дверь и в комнату поспешно вошла очаровательная девушка, держа в руках поднос, на котором стояли чашки с дымящимся чаем. Кристина узнала Рауля, поставила поднос, и ее прелестное лицо залилось краской смущения. Она нерешительно молчала, а отец смотрел на них. Потом Рауль приблизился и поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась. Потом она задала ему несколько вопросов, исполнив таким образом свои обязанности хозяйки, затем снова взяла поднос и вышла из комнаты. Она убежала в пустынный сад и присела на скамейку. Ее девичье сердце первый раз тревожили незнакомые прежде чувства. Рауль присоединился к ней, и они беседовали до вечера, так и не преодолев разделявшую их неловкость. Они оба изменились и как будто даже не узнавали друг друга. Оба были осторожны, как дипломаты, и рассказывали друг другу вещи, не имевшие никакого отношения к новому чувству, которое рождалось в их сердцах. Когда они прощались, на обочине, Рауль прижал ее дрожащую руку к губам и тихо сказал: «Я никогда вас не забуду, мадемуазель». И пошел прочь, сожалея о своих необдуманных словах, потому что Кристина Даэ не может стать женой виконта де Шаньи.

А Кристина вернулась к отцу и сказала: «Ты не находишь, что Рауль не такой любезный, как прежде? Я его больше не люблю». С того дня она старалась не думать о нем, но это было нелегко; она с головой погрузилась в свое искусство, которое отнимало у нее все время. Ее успехи были просто поразительны: те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей певицей в мире. Тем временем ее отец умер, и как-то вдруг вместе с отцом она будто потеряла голос, душу и дар. У нее осталось достаточно и того и другого, чтобы поступить в Консерваторию, но не более. Она ничем не выделялась, училась без воодушевления и получила приз на конкурсе, чтобы сделать приятное старой матушке Валериус, с которой она по-прежнему жила. Когда Рауль впервые увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой девушки и сладкие воспоминания нахлынули на него, однако пение ее чем-то его оттолкнуло, чему он весьма удивился. Казалось, она была равнодушна ко всему. Он снова приходил слушать ее, следовал за ней за кулисами, поджидал за колосником. Он пытался привлечь ее внимание. Не один раз сопровождал ее до самого порога гримерной, но она не замечала его. Она, казалось, вообще никого не замечала. Рауль страдал от такого безразличия, потому что она была красива, а он робок и даже самому себе не смел признаться, что влюблен. Затем как гром среди ясного неба в тот торжественный вечер разверзлись небеса и ангельский голос сошел на землю, покори́л всех и полностью завладел его сердцем...

А потом – потом был мужской голос за дверью: «Нужно полюбить меня!» – и пустая артистическая...

Почему она засмеялась, когда он сказал ей, едва она открыла после обморока глаза: «Я тот мальчик, который выловил ваш шарф в море». Почему она не узнала его? И почему же тогда написала записку?

Ах! Какой томительно долгий путь... Вот перекресток трех дорог... Вот пустынная песчаная равнина, обледенелые вересковые заросли, застывший пейзаж под белесым небом. Позванивают стекла, и этот звон в ушах кажется оглушительным... Как медленно движется

этот громыхающий дилижанс! Он узнал хижины, изгороди, склоны и деревья у дороги... Вот последний поворот, здесь дилижанс скатится с горы, и будет море... и большая бухта Перрос...

Итак, она сошла у постоялого двора «Заходящее солнце». Так ведь другого-то здесь нет, а этот совсем недурен. Рауль вспомнил, сколько прекрасных сказок им здесь рассказывали! Как бьется сердце! Что она скажет, увидев его?

Первой, войдя в старый закопченный зал постоялого двора, он встречает мамашу Трикар. Она узнает его, говорит, что он прекрасно выглядит, спрашивает, что его привело сюда. Он краснеет и отвечает, что направляется по делам в Лондон и заехал, только чтобы повидать ее. Старушка хочет подать ему обед, но он говорит: «Не сейчас». Кажется, что он ждет чего-то или кого-то. Открывается дверь, он вскакивает на ноги. Он не ошибся: это она! Он хочет заговорить и не может. Кристина стоит перед ним улыбающаяся, ничуть не удивленная. У нее свежее, розовое лицо, будто земляника, выросшая в тени. Несомненно, девушка запыхалась от быстрой ходьбы, и грудь ее, в которой билось чистое девичье сердце, слегка вздымается. Ее глаза – светло-лазурные зеркала цвета неподвижных мечтательных озер, обращенных к северу, спокойное отражение ее чистой воды. Под распахнутым меховым пальто угадываются гибкая талия и изящные линии юного грациозного тела. Рауль и Кристина долго смотрят в глаза друг другу. Мамаша Трикар улыбается и незаметно выходит. Наконец Кристина начинает:

– Вы приехали, и меня это нисколько не удивляет. У меня было предчувствие, что я встречу вас в этом доме, когда вернусь с мессы. Кто-то подсказал мне это там, в церкви. Да, меня известили о вашем приезде.

– Кто же? – спрашивает Рауль и берет в свои руки маленькую руку девушки, которую она не отнимает.

– Ну как же, мой бедный покойный папа.

Воцаряется молчание. Потом Рауль снова заговаривает с ней:

– Отец говорил вам, Кристина, что я люблю вас и не могу без вас жить?

Кристина краснеет до корней волос и отворачивается.

– Меня? Вы сошли с ума, мой друг, – говорит она дрожащим голосом. И смеется, как говорится, для приличия.

– Не смейтесь, Кристина, это очень серьезно.

– Не для того я заставила вас приехать сюда, – важно возражает она, – чтобы вы говорили подобные вещи.

– Да, вы заставили меня приехать, Кристина: вы знали, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и я примчусь в Перрос. Но как же вы могли знать это и не знать, что я вас люблю?

– Я думала, что вы вспомните о наших детских играх, к которым так часто присоединялся мой отец. В сущности, я сама не знаю, о чем думала... возможно, я ошиблась, написав вам... Ваше внезапное появление в моей гримерной в тот вечер перенесло меня далеко-далеко в прошлое. И когда я вам писала, я писала как та маленькая девочка из прошлого, которой очень захотелось увидеть в минуту грусти и одиночества друга детства.

Снова наступает молчание. Что-то в поведении Кристины кажется ему неестественным, но он не может понять, что именно. Однако враждебности он не чувствует, скорее наоборот... Есть какая-то печальная нежность в ее глазах. Но почему в этой нежности столько печали?... Наверное, нужно узнать, но все это уже начинает сердить молодого человека.

– Вы впервые заметили меня, Кристина, когда я пришел в вашу гримерную?

Она не умеет лгать и отвечает:

– Нет. Я не раз видела вас в ложе вашего брата. И еще на сцене, за кулисами.

– Я догадывался, – говорит Рауль, кусая губы. – Но почему же, когда вы увидели меня в своей гримерной, у ваших ног, и вспомнили, что я – тот самый мальчик, который достал ваш шарф из моря, почему вы сделали вид, будто не знакомы со мной, и засмеялись?

Все эти вопросы заданы таким суровым тоном, что Кристина с удивлением смотрит на него и не отвечает. Юноша сам поражен этой внезапной ссорой, которая произошла именно в тот момент, когда он поклялся себе, что Кристина услышит от него лишь нежные слова любви и покорности. Муж или любовник, имеющий все права, не стал бы говорить иначе с оскорбившей его женой или любовницей. Он сердится из-за того, что не прав, из-за своей глупости, и единственным выходом из этого нелепого положения ему кажется отчаянное решение быть грубым до конца.

– Вы молчите! – снова заговорил он, разозленный и несчастный. – Ну ладно, я сам отвечу за вас! Дело в том, что в комнате был кто-то, кто стеснял вас, Кристина, перед кем вы не хотели показать, что можете интересоваться кем-то, кроме него!..

– Если это и было так, мой друг, – ледяным тоном прерывает его Кристина, – если кто-то и стеснял меня в тот вечер, так только вы сами, поскольку именно вас я и выставила за дверь.

– Да! Чтобы остаться с другим!

– О чем вы? – прерывисто дыша, спрашивает девушка. – О каком другом вы говорите?

– О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу, и теперь я мертва!»

Кристина хватая руку Рауля и сжимает ее с силой, какую он и не подозревал в этой хрупкой девушке.

– Вы что же, подслушивали под дверью?

– Да, потому что люблю вас... Я все слышал.

– Что вы слышали? – Девушка неожиданно успокаивается и отпускает руку Рауля.

– Он сказал вам: «Нужно полюбить меня!»

При этих словах мертвенная бледность заливает лицо Кристины, глаза ее закрываются... Она покачнулась, Рауль спешит к ней, чтобы подхватить, но Кристина уже приходит в себя и тихим, почти умирающим голосом просит:

– Скажите! Скажите все, что вы еще слышали!

Рауль озадаченно смотрит на нее, ничего не понимая.

– Говорите же! Не мучайте меня!

– Еще я слышал, как он вам ответил, когда вы сказали, что отдали ему душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка. Этим вечером ангелы плакали».

Кристина прижимает руку к сердцу и пристально смотрит на Рауля в неопишемом волнении. Ее взгляд столь пронзителен, столь неподвижен, что кажется бессмысленным. Рауль пришел в ужас. Но вот глаза ее увлажняются, и по матовым щекам соскальзывают две жемчужины, две тяжелые слезы...

– Кристина!

– Рауль!

Юноша хочет обнять ее, но она выскальзывает из его рук и в смятении убегает.

Кристина затворилась в своей комнате. Рауль жестоко упрекал себя за грубость, но, с другой стороны, в его венах вновь закипала ревность. Если девушка так разволновалась, узнав, что ее тайна раскрыта, значит это было для нее очень важно. Конечно, несмотря на то, что он слышал, Рауль ни на минуту не усомнился в чистоте Кристины. Он знал ее безупречную репутацию, он был уже не ребенок и понимал, что артисткам порой приходится выслушивать признания в любви. Разумеется, она ответила, что отдала всю свою душу, но, очевидно, речь шла лишь о пении и о музыке. Очевидно? Тогда откуда такое волнение? Боже мой, как несчастен был Рауль! Если бы он тогда задержал этого мужчину, вернее, мужской голос, он уж потребовал бы объяснений.

Почему убежала Кристина? И почему она все не спускается?

От обеда он отказался. Он был ужасно огорчен и страдал оттого, что часы, на которые он возлагал столько сладостных надежд, проходят в одиночестве, вдали от юной шведки. Отчего она не захотела прогуляться с ним по местам, с которыми у них было связано столько общих воспоминаний? И почему она не возвращается в Париж, ведь в Перросе делать ей больше нечего (а она, впрочем, здесь ничего и не делала)? Он узнал, что утром она заказала мессу за упокой души Даэ и долго молилась в маленькой церкви и на могиле деревенского скрипача.

Опечаленный, снедаемый отчаянием, Рауль отправился на кладбище, примыкавшее к церкви. Войдя в калитку, он в одиночестве принялся бродить среди могил, рассеянно читая надписи на плитах. Зайдя за апсиду, он сразу же обнаружил могилу старого Даэ по ослепительно-ярким цветам, печально лежавшим на гранитной могильной плите, свешивая головки до белой земли. Они наполняли своим ароматом этот заледенелый уголок бретонской зимы. Это были изумительные красные розы, которые, казалось, распустились среди снега только сегодня утром. Это была частица жизни в стране мертвых, ведь смерть здесь была повсюду. Смерть просачивалась из земли, казалось исторгавшей из себя останки, которые уже не могли вписаться. У стены церкви сотнями были навалены скелеты и черепа, которые сдерживались просто провололочной сеткой, нисколько не скрывавшей это мрачное сооружение. Казалось, что черепа, уложенные, как кирпичи, укрепленные через определенные интервалы ослепительно-белыми костями, образуют фундамент, на котором построены стены ризницы. Дверь ее открывалась в самой середине этой груды костей, какие часто встречаются вдоль старых бретонских церквей.

Рауль помолился за Даэ, потом, все еще находясь под тяжелым впечатлением вечных улыбок черепов, покинул кладбище, поднялся на холм и присел на краю песчаной равнины, которая возвышалась над морем. Злой ветер гулял по песчаному берегу, покушаясь на робкие отблески дневного света, который наконец уступил, стал исчезать, и скоро от него оставалась только узкая бледная полоска на горизонте. Тогда ветер стих. Наступил вечер. Холодная тень легла на Рауля, но холода он не чувствовал. Его мысли бесцельно бродили по пустынным песчаным дюнам и были полны воспоминаниями. Вон туда, когда опускались сумерки, они с Кристиной часто приходили смотреть, как танцуют феи, а в небе поднималась луна. По правде говоря, он никогда не видел никаких фей, хотя имел хорошее зрение. Кристина же, с ее легкой близорукостью, утверждала, что видит их целое множество. Он улыбнулся при этой мысли, потом неожиданно вздрогнул. Рядом с ним, неизвестно откуда, бесшумно появилась тень с вполне четкими очертаниями, которая сказала:

– Вы думаете, что феи придут сегодня вечером?

Это была Кристина. Он хотел заговорить, но она прикрыла ему рот рукой в перчатке:

– Послушайте меня, Рауль, я решила вам сказать что-то важное, очень важное.

Голос ее дрожал. Рауль ждал. Наконец она снова заговорила, казалось, будто ее что-то угнетает:

– Вы помните, Рауль, легенду об Ангеле Музыки?

– Помню ли я! Ведь на этом самом месте ваш отец впервые ее нам рассказал.

– И здесь же он сказал мне: «Когда я буду на небесах, дитя мое, я пришлю его к тебе».

Так вот, Рауль: мой отец на небесах и этот Ангел посетил меня.

– Я не сомневаюсь, – вскинулся юноша, так как ему показалось, что его подруга смешала воспоминание о своем отце со своим недавним триумфом.

Кристина слегка удивилась хладнокровию, с которым виконт де Шаньи воспринял известие о том, что ее посетил Ангел Музыки.

– Откуда вам это известно? – спросила она, склонив свое бледное лицо так близко к Раулю, что он мог подумать, что Кристина собралась поцеловать его, но она лишь хотела, несмотря на сумерки, заглянуть ему в глаза.

– Я думаю, что ни одно человеческое существо не может петь так, как пели вы в тот вечер, если только ему не помогает чудо или само Небо. На земле нет профессора, который мог бы научить этому. Вы слышали Ангела Музыки, Кристина.

– Да, – торжественно заявила она. – В моей гримерной. Там он дает мне ежедневные уроки.

При этом голос ее был настолько проникновенным и странным, что Рауль посмотрел на нее озабоченно, как смотрят на человека, который говорит невероятную глупость или убеждает в каком-то безумном видении, в которое он верит каждой извилиной своего большого мозга. Но она тут же отстранилась, теперь она была просто неподвижной тенью в ночи.

– В вашей гримерной? – едва ли задумавшись, как эхо повторил он.

– Да, там я услышала его, и не я одна...

– Кто же еще его слышал, Кристина?

– Вы, мой друг.

– Я? Слышал Ангела Музыки?

– Да. Это его голос вы слышали в тот вечер, когда стояли за дверью моей гримерной. Это он сказал мне: «Нужно полюбить меня». Но мне казалось, что только я слышу его голос. Поэтому представьте мое удивление, когда сегодня утром я узнала, что и вы тоже можете его слышать...

Рауль расхохотался. И тотчас над пустынной равниной сквозь ночь пробились первые лучи лунного света и осветили молодых людей. Кристина неприязненно повернулась к Раулю, ее глаза, обычно такие нежные, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Может быть, вам послышался мужской голос?

– А как же! – воскликнул юноша, у которого начали путаться мысли.

– И это вы, Рауль! Это вы говорите мне такие вещи! Друг моего детства! Друг моего отца! Я не узнаю вас. Что вы себе воображаете? Я честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не запираюсь с мужскими голосами в своей гримерной. Если бы вы открыли дверь, вы бы увидели, что там никого и не было.

– Это правда! Когда вы вышли, я открыл дверь и никого не обнаружил...

– Вот видите! И что вы теперь скажете?

Виконт призвал на помощь все свое мужество:

– Тогда, Кристина, мне кажется, что вас разыгрывают.

Она вскрикнула и убежала. Он поспешил за ней, но она в гневе бросила лишь яростное:

– Оставьте меня! Оставьте!

Она скрылась, и Рауль вернулся на постоянный двор усталый, преисполненный отчаяния и очень грустный.

Он узнал, что Кристина только что поднялась к себе и объявила, что не спустится к ужину. Юноша спросил:

– Не заболела ли она?

Хозяйка уклончиво отвечала, что если девушка и больна, то не очень серьезно, и, так как она думала, что влюбленные поссорились, удалилась, пожимая плечами и жалея про себя молодых людей, которые растрачивают на пустые ссоры драгоценные часы, дарованные им Господом Богом на этой земле. Рауль поужинал один возле очага; и можете себе представить, что настроение у него было довольно мрачное. Потом в своей комнате он пробовал читать, затем лег в постель и попытался уснуть. Ни одного звука не доносилось из соседнего номера. Что делала Кристина? Спала ли она? А если не спала, о чем она думала? И о чем думал он? Вряд ли он мог бы сказать это. Станный разговор с Кристиной привел его в волнение. Он думал не столько о ней, сколько о том, что творилось вокруг нее, и это «вокруг» было настолько неясным, туманным и неуловимым, что он испытывал странное и мучительное чувство.

Часы тянулись медленно; было, должно быть, уже одиннадцать часов, когда он отчетливо услышал шаги в соседней комнате. Это были легкие, осторожные шаги. Неужели Кристина до сих пор не легла? Не задумываясь о своих действиях, юноша поспешно, стараясь не шуметь, оделся и стал ждать, готовый на все. Готов на что? Он и сам не знал. Его сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он услышал, как медленно повернулась на петлях дверь Кристины. Куда направилась она в столь поздний час, когда весь Перрос спит? Он тихо приоткрыл дверь и в лунном свете разглядел белую фигуру Кристины, осторожно скользнувшую по коридору. Она подошла к лестнице, спустилась, а он перегнулся через перила. Вдруг он услышал внизу два голоса, которые торопливо переговаривались друг с другом, но уловил только одну фразу: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки. Потом открылась и снова закрылась дверь со стороны берега. И все снова стихло. Рауль быстро вернулся в свою комнату и открыл окно. На пустынном пирсе виднелась белая фигура Кристины.

Второй этаж постоянного двора «Заходящее солнце» находился невысоко, и благодаря дереву, протянувшему ему свои ветви, Рауль смог спуститься так, что хозяйка и не заподозрила его отсутствия. Каково же было удивление этой славной женщины, когда на следующее утро в дом принесли почти обмороженного юношу, который был ни жив ни мертв, и когда она узнала, что его нашли лежавшим навзничь на ступенях алтаря церквушки Перроса. Хозяйка поспешила сообщить эту новость Кристине; та быстро спустилась и вместе с хозяином постоянного двора оказала помощь молодому человеку, который не замедлил открыть глаза, а вскоре и вовсе пришел в себя, когда перед его взором предстало прелестное лицо его подруги.

Но что же произошло? Несколько недель спустя, когда драмой в Опере занялась прокуратура, господин комиссар Мифруа беседовал с виконтом де Шаньи по поводу событий той ночи в Перросе, вот изложение их беседы в следственном досье (материал № 150):

«Вопрос. Мадемуазель Даэ не видела, что вы спустились из своей комнаты таким странным способом?

Ответ. Нет, сударь, и еще раз нет. Однако я следовал за ней, даже не стремясь приглушить свои шаги. Я молил только об одном: чтобы она обернулась, заметила меня и узнала. Я как раз думал о том, что вел себя недостойно, выслеживая ее. Но она, по-моему, вообще меня не слышала и действовала так, будто меня там не было. Она спокойно сошла с пирса, потом неожиданно направилась вверх по холму. Церковные часы пробили без четверти двенадцать, и мне показалось, что эти звуки подстегнули ее, так как она почти побежала. И вот она достигла ворот кладбища.

Вопрос. Ворота кладбища были открыты?

Ответ. Да, сударь, и это меня озадачило, но, кажется, совсем не удивило мадемуазель Даэ.

Вопрос. На кладбище никого не было?

Ответ. Я никого не заметил. Я бы обратил внимание, если бы кто-нибудь там был. Лунный свет был просто ослепительным, а снег отражал его, и ночь казалась еще светлее.

Вопрос. Никто не мог прятаться за надгробиями?

Ответ. Нет, сударь. Это очень бедные надгробные плиты, почти исчезнувшие под слоем снега, виднелись только кресты. Тени отбрасывали только вот эти кресты да мы сами. А церковь ярко сияла. Я никогда раньше не видел ночью такого света. Было очень красиво, очень прозрачно и очень холодно. Я никогда еще не был на кладбище ночью и не знал, что там может быть такой свет – какой-то невесомый.

Вопрос. Вы суеверны?

Ответ. Нет, сударь, я верующий.

Вопрос. В каком вы были состоянии духа?

Ответ. Честное слово, я был совершенно здоров и совершенно спокоен, хотя, признаться, необычное поведение мадемуазель Даэ сначала меня взволновало, но как только я увидел, что она вошла на кладбище, я решил, что она просто хочет исполнить какой-то обет на отцов-

ской могиле, и нашел это настолько естественным, что тотчас же снова успокоился. Я только удивился, что не было слышно моих шагов, хотя снег сильно скрипел под ногами. Но она, очевидно, была поглощена благочестивыми мыслями. Поэтому я решил не беспокоить ее, и, когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах. Она опустила на колени прямо в снег, перекрестилась и начала молиться. В этот момент пробило полночь. Двенадцатый удар еще звенел у меня в ушах, как вдруг она подняла голову, устремила взгляд в небесный свод и простерла руки к звездам; мне показалось, что она в экстазе, и я все еще задумывался о том, что его вызвало, когда вдруг сам поднял голову и растерянно огляделся. Тогда все мое существо будто устремилось к Невидимому, и тут из этого невидимого пространства полилась музыка. И какая музыка! Она нам была уже знакома! Мы с Кристиной уже слышали ее в юности. Но никогда на скрипке старого Даэ ее не исполняли с таким божественным совершенством. В эти минуты мне вдруг пришло на память то, что Кристина рассказывала об Ангеле Музыки, и я уже не знал, что и думать об этих незабываемых звуках, так как если они не сошли с небес, то на земле они родиться точно не могли. Здесь нет такого инструмента и такой руки, которая могла бы водить по нему смычком. О, я помнил эту чудную мелодию! Это было „Воскрешение Лазаря“, которое старый Даэ играл нам в минуты печали и вдохновения. Если и существует ангел Кристины, он не смог бы сыграть лучше в ту ночь на скрипке покойного музыканта. Мы словно услышали глас Христа, и, клянусь, я ждал, что вот-вот приподнимется надгробный камень на могиле отца Кристины. Потом я подумал, что Даэ похоронили вместе с его скрипкой, и, честное слово, я до сих пор не знаю, что из происшедшего в ту страшную и сияющую ночь на крохотном провинциальном кладбище, рядом с черепами, которые скалились на нас своими неподвижными улыбками, было вызвано моим воображением, а что случилось на самом деле. Но музыка прекратилась, я пришел в себя, и мне показалось, что из кучи костей доносится какой-то шум.

Вопрос. Ага! Значит, вы слышали шум в груди костей?

Ответ. Да, мне показалось, что черепа смеются, и я невольно вздрогнул.

Вопрос. Вы не подумали, что за этой грудой мог спрятаться тот небесный музыкант, что так вас очаровал?

Ответ. Именно об этом я и подумал, господин комиссар, и даже упустил мадемуазель Даэ, которая тем временем поднялась и спокойно направилась к выходу с кладбища. Она была так поглощена своими мыслями, что совершенно неудивительно, что она даже не заметила меня. А я не шевелился и не спускал глаз с груды костей, решив пойти до конца этого невероятного приключения и узнать его разгадку.

Вопрос. А что было до того, как вас нашли утром едва живым на ступеньках алтаря?

Ответ. Все развернулось очень быстро... К моим ногам скатился череп, за ним второй... третий... Как будто я стал целью загробной игры в шары. Мне показалось, будто чье-то неосторожное движение разрушило пирамиду из костей, за которой скрывался таинственный музыкант. Тут мое предположение подтвердилось, так как я заметил тень, скользнувшую по сверкающей стене ризницы. Я бросился туда. Тень толкнула дверь и проскользнула в церковь. Я последовал за ней. Тень была в пальто! В темноте мне удалось за него ухватиться. В этот момент мы с тенью были прямо перед алтарем, и лунный свет через большой витраж апсиды падал прямо на нас. Так как я все не отпускал пальто, тень оглянулась, пальто, в которое она закуталась, распахнулось, и я увидел, господин следователь, – вот как вижу сейчас вас, – я увидел жуткий череп, который смотрел на меня глазами, горящими адским огнем. Мне показалось, что передо мной сам Сатана, и при виде этого порождения загробного мира мое сердце не выдержало, несмотря на все мое мужество. Я больше ничего не помню до того момента, когда я оказался в своей комнате на постоялом дворе».

Глава 7

Посещение ложи № 5

Мы расстались с господами Фирменом Ришаром и Арманом Моншарменом в тот момент, когда они решили нанести краткий визит в ложу № 5 бельэтажа.

Они миновали широкую лестницу, ведущую из директорской приемной к сцене и ее помещениям; прошли через сцену, через вход для лож, потом, войдя в зал, повернули в первый проход налево. Остановившись между первыми рядами партера, они посмотрели оттуда на ложу № 5 бельэтажа. Они плохо ее видели, так как там царил полумрак, а на красный бархат барьера были наброшены огромные чехлы.

В эту минуту они были совсем одни в громадном сумрачном здании, и их окружала глубокая тишина. Как раз наступил тот час, когда рабочие сцены уходят выпить.

Смена моментально исчезла со сцены, оставив наполовину установленную декорацию; редкие лучи света – мертвенно-бледного и мрачного, казавшегося отблеском умирающей звезды, – проникали неизвестно откуда и падали на старую башню, чьи зубчатые стены, возведенные из картона, вздымались посреди сцены, все вещи в полумраке этой искусственной ночи или, скорее, этого обманчивого дня приобретали странные формы. Полотно, наброшенное на кресла оркестра, напоминало вздыбившееся море, чьи сине-зеленые волны неожиданно застыли по мановению руки повелителя бурь, которого, как всем известно, зовут Адамастор. Господа Моншармен и Ришар казались двумя матросами, потерпевшими кораблекрушение в этом неподвижном море из крашеного полотна. Они продвигались к левым ложам, как моряки, которые покинули свой корабль и пытаются добраться до берега. В сумраке возвышались восемь больших полированных колонн, которые казались волшебными столбами, подпирающими угрожающе наклонившуюся, готовую рухнуть скалу, основанием которой служили круговые параллельные линии, образованные ложами первого, второго и третьего ярусов. Сверху, с самой вершины скалы, затерянной в медно-желтом небе господина Ленепве, вниз смотрели некие лица, которые гримасничали и ухмылялись, издеваясь над беспокойством Моншармена и Ришара. Впрочем, в обычное время это были серьезные лица. Они звались: Изидида, Амфитрита, Геба, Флора, Пандора, Психея, Фетида, Помона, Дафна, Клития, Галатея, Аретуза. Да, сама Аретуза и Пандора, печально известная своим злополучным ящиком, взирали на новых директоров Оперы, которые в конце концов ухватились за какой-то обломок судна и оттуда молча уставились на ложу № 5 бельэтажа. Как я уже говорил, они были обеспокоены. По крайней мере, я это предполагаю. Во всяком случае, Моншармен признается, что он был весьма впечатлен. Вот что он пишет: «Этот бред (какой стиль!) насчет Призрака Оперы, которым нас потчевали с самого первого дня, когда мы заменили господ Полинья и Дебьена, в конце концов, без сомнения, повлиял на мое воображение и, если уж на то пошло, на зрение тоже, потому что – возможно, виной тому были декорации, среди которых мы, взволнованные, продвигались в тишине, или мы стали жертвами галлюцинации из-за полной темноты – я увидел в ложе № 5 силуэт. Ришар, как, впрочем, и я, ничего не сказал, но мы одновременно взяли друг друга за руки. Так мы прождали несколько минут, не двигаясь, устремив глаза в одну точку, но силуэт исчез. Тогда мы вышли и уже в коридоре обменялись впечатлениями и поговорили о силуэте. Однако впечатления наши не совпадали. Я увидел что-то вроде черепа, лежавшего на барьере, а Ришар заметил силуэт женщины, похожей на мамашу Жири. Поэтому мы решили, что наше воображение сыграло с нами шутку, и, не сговариваясь, с хохотом побежали в ложу № 5. Вошли в нее и никакого силуэта там не увидели».

И вот мы уже в ложе № 5. Это была ложа как ложа и ничем не отличалась от соседних лож бельэтажа.

Господа Моншармен и Ришар, от души забавляясь и подсмеиваясь друг над другом, принялись обшаривать всю мебель, приподнимать чехлы, переворачивать кресла, обратив особое внимание на то, в котором обычно сидел «голос». Однако оно оказалось обыкновенным добротным креслом, в котором не было ничего сверхъестественного. Короче, это была самая рядовая ложа с красной обивкой, ковром, креслами и барьером. С величайшей тщательностью ощупав ковер и не обнаружив ничего подозрительного ни в нем, ни в самой ложе, они спустились в бенуар, расположенный ниже ложи № 5, прямо рядом с первым левым выходом из оркестровой ямы, но и там не нашли ничего заслуживающего внимания.

– Все эти люди попросту насмеются над нами! – вскричал Фирмен Ришар. – В субботу даем «Фауста», и мы оба будем присутствовать в ложе номер пять бельэтажа!

Глава 8, в которой рассказывается о том, как Ришар и Моншармен осмелились дать «Фауста» в проклятом зале, и о том, что из этого вышло

Однако в субботу утром в своем кабинете директора нашли очередное письмо от П. О. следующего содержания:

«Уважаемые директора!

Итак, Вы объявили мне войну? Если вы еще хотите мира, вот вам мой ультиматум.

Он заключается в четырех пунктах:

1. Верните мне мою ложу; я желаю, чтобы она была в моем полном распоряжении начиная с этого момента.

2. Партию Маргариты будет петь сегодня Кристина Даэ. Не беспокойтесь о Карлотте: она будет больна.

3. Я рассчитываю на услуги мадам Жири, смотрительницы, которую вы немедленно восстановите в должности.

4. Уведомьте меня письменно через мадам Жири о том, что вы, по примеру ваших предшественников, принимаете мои условия, означенные в требованиях, включая пункт о ежемесячном содержании. Позже я дам вам знать, в какой форме будет происходить выплата.

В случае вашего отказа сегодняшнее представление „Фауста“ пройдет в проклятом зале. Имеющий уши да услышит!

П. О.».

– Как он мне надоел! – взревел Ришар, мстительно потрясая кулаками и с грохотом ударяя по столу.

Тем временем вошел Мерсье, администратор:

– С вами хочет поговорить Лашеналь. Дело, кажется, срочное, и он чем-то потрясен.

– Кто такой Лашеналь? – спросил Ришар.

– Ваш старший берейтор.

– Как! Мой старший берейтор?

– Ну да, сударь, – объяснил Мерсье. – В Опере несколько берейторов, и Лашеналь старший.

– Чем же он занимается, этот берейтор?

– Руководит конюшней.

– Какой конюшней?

– Вашей конюшней, сударь, конюшней Оперы.

– Разве в Опере есть конюшня? Честное слово, впервые слышу! И где она находится?

– В подвалах, со стороны Ротонды. Это очень важная служба, ведь у нас двенадцать лошадей.

– Двенадцать! Боже, для чего столько?

– Для выездов в «Жидовке», «Пророке» и так далее нужны дрессированные лошади, которые не боятся сцены. Берейторы должны их обучать. А Лашеналь – большой мастер. Это бывший директор конюшен Франкони.

– Очень хорошо... Но что ему от меня нужно?

– Не знаю. Но я ни разу не видел его в таком состоянии.

– Пусть войдет.

Вошел господин Лашеналь, нервно постукивая по сапогу хлыстом.

– Добрый день, господин Лашеналь! – взволнованно сказал Ришар. – Чему мы обязаны вашим визитом?

– Господин директор, я прошу вас выставить за дверь всю конюшню.

– Как! Вы хотите выставить за дверь наших лошадей?

– Речь не о лошадях, а о конюхах.

– Сколько их у вас, господин Лашеналь?

– Шестеро!

– Шесть конюхов! По крайней мере два лишних!

– Столько назначил нам секретариат министерства изящных искусств, – вставил Мерсье. – И все они – протеже правительства, так что если я осмелюсь...

– Плевал я на правительство! – отрезал Ришар. – Нам не нужно больше четырех конюхов на двенадцать лошадей.

– Одиннадцать, – поправил старший берейтор.

– Двенадцать! – повторил Ришар.

– Но господин администратор сказал мне, что у нас их двенадцать.

– Было двенадцать, но с тех пор, как украли Цезаря, осталось одиннадцать!

И Лашеналь еще раз хлестнул себя по сапогу.

– Украли Цезаря?! – воскликнул господин администратор. – Цезаря! Белого коня из «Пророка»?

– Другого такого нет, – сухо заявил старший берейтор. – Я десять лет служил у Франкони и повидал достаточно лошадей. Другого такого нет. И вот его украли.

– Как же так?

– Я ничего об этом не знаю! Никто не знает! Вот поэтому я и прошу выгнать всех конюхов.

– А что они сами говорят?

– Сплошные глупости... Одни обвиняют статистов, другие – консьержа администрации.

– Да я лично ручаюсь за консьержа! – возмутился Мерсье.

– Но в конце-то концов, господин главный берейтор! – воскликнул Ришар. – У вас же должна быть какая-нибудь идея...

– Конечно идея у меня есть! – вдруг заявил Лашеналь. – И я вам выскажу ее. Для меня нет никакого сомнения... – Господин старший берейтор подошел вплотную к господам директорам и прошептал: – Это дело рук Призрака!

Ришар подскочил на месте:

– Ага! И вы туда же!

– Что значит – и я туда же?

– Но это же вполне естественно...

– Да как же это, господин Лашеналь? Как же, господин главный берейтор!

– Я говорю то, что видел собственными глазами!

– Что вы видели, господин Лашеналь?

– Я видел вот так же близко, как вас, черную тень, восседавшую на белой лошади, как две капли воды похожей на Цезаря!

– И вы не бросились в погоню за этой белой лошадью и черной тенью?

– Я бежал и кричал, господин директор, но они ускакали прочь с озадачившей меня скоростью и исчезли в темноте галереи.

Господин Ришар поднялся:

– Хорошо, вы можете идти, господин Лашеналь. Мы подадим в суд на Призрака...

– И не забудьте выставить за дверь конюхов!

– Договорились. До свидания, сударь.

Лашеналь попрощался и вышел. Ришар был в ярости:

– Рассчитайте этого идиота!

– Он друг представителя правительства... – начал Мерсье.

– Кроме того, он приятель Лагрэнэ, Шолла и Пертюизэ – он с ними частенько пропускает стаканчик у Тортони, они переполошат всю прессу, – добавил Моншармен. – Он расскажет эту историю о Призраке, и нас засмеют. А если мы окажемся в глупом положении, нам конец!

– Хорошо, давайте больше не будем об этом, – сдался Ришар, думая уже о чем-то другом.

И тут открылась дверь, за которой, очевидно, не было обычного цербера, потому что в кабинет быстро вошла мамаша Жири с письмом в руке и с ходу затараторила:

– Простите, извините, господа, но сегодня утром я получила вот это письмо от Призрака Оперы. Он пишет, чтобы я к вам зашла, так как вам якобы есть что мне...

Она не закончила фразы, увидев лицо Фирмена Ришара. Это было ужасно. Почтенный директор Оперы, казалось, вот-вот лопнет от ярости, которую пока выдавали лишь пунцовый цвет его разъяренного лица и сверкающие глаза. Он ничего не говорил, он просто не мог произнести ни слова. Но вдруг он зашевелился. Вначале взмахнул левой рукой, приведя в движение смотрительницу, отчего нелепая фигурка мамыши Жири сделала резкий поворот, столь неожиданный, что она отчаянно вскрикнула, затем последовал удар правой ноги, и след подошвы почтенного директора запечатлелся на черной тафте юбки, которая никогда еще не подвергалась унижению в подобном месте.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что мамаша Жири, оказавшись в коридоре, первую минуту стояла будто оглушенная, будто ничего не понимая. Но едва до нее все дошло, театр огласился возмущенными криками, неистовыми протестами и смертельными угрозами. Понадобилось трое рабочих, чтобы вывести ее во двор, и еще двое жандармов, чтобы выставить на улицу.

Примерно в это же время Карлотта, которая жила в небольшом особняке на улице Фобур-Сент-Оноре, позвонила горничной, потребовала принести ей в постель почту, в которой она нашла анонимное письмо следующего содержания:

«Если сегодня вечером Вы выйдете на сцену, остерегайтесь беды, которая случится с Вами в тот момент, когда Вы будете петь... беды худшей, чем смерть».

Эта угроза была написана красными чернилами неуверенным, спотыкающимся почерком.

Прочитав это письмо, Карлотта напрочь утратила аппетит. Она оттолкнула поднос, на котором горничная принесла ей дымящийся горячий шоколад, села в постели и глубоко задумалась. Не первый раз она получала подобные послания, но ни одно из них не было таким угрожающим.

Она полагала, что тысячи завистников строят ей козни, и часто рассказывала о некоем тайном враге, поклявшемся ее уничтожить. Она утверждала, что вокруг нее затевается какая-то интрига, заговор, который вот-вот должен открыться. Однако при этом добавляла, что запугать ее не так-то просто.

Правда же, какой бы крамольной она ни была, заключалась в том, что если и были какие-то интриги, то плела их сама Карлотта против бедной Кристины, которая даже не догадывалась об этом. Карлотта не простила Кристине ее триумфального выступления в тот вечер, когда та заменила ее без подготовки.

Узнав о горячем приеме, оказанном ее сопернице, Карлотта мгновенно излечилась от начинавшегося было бронхита и приступа недовольства администрацией и больше не высказывала намерения кому-нибудь уступать свои роли. С тех пор она лезла из кожи вон, чтобы «придержать» соперницу, и бросила своих могущественных друзей в атаку на директоров, с тем чтобы не дать Кристине повода для нового триумфа. Некоторые газеты, которые начали было воспевать талант Кристины, писали теперь только о славе Карлотты. Наконец, в самом

театре знаменитая «дива» говорила о Кристине самые оскорбительные вещи и старалась учить ей тысячу разных пакостей.

У Карлотты не было ни души, ни сердца. Она была всего лишь инструментом. Великолепным инструментом, разумеется. В ее репертуаре было все, что только может пожелать честолюбие большой певицы и в операх немецких композиторов, и у итальянцев или французов. Никто никогда не слышал до этого дня, чтобы Карлотта сфальшивила или же не сумела справиться с голосом, исполняя трудный пассаж в какой-либо из арий своего необъятного репертуара. Короче, инструмент этот был очень мощный и восхитительно точный. Но никто не сказал бы Карлотте того, что услышала от Россини мадемуазель Краус, когда она по-немецки спела ему «Sombre forêt...»: «Вы поете душой, девочка, и ваша душа прекрасна».

Где была твоя душа, о Карлотта, когда ты танцевала в притонах Барселоны? Где была она, когда позже, в жалких парижских балаганах, ты пела циничные куплеты вакханки мюзикхолла? Где была твоя душа, когда в доме одного из твоих любовников перед собравшимися знатоками звучал послушный инструмент, замечательный тем, что с одинаковым равнодушным совершенством воспевал и возвышенную любовь, и самую непристойную оргию? О Карлотта, если даже когда-то у тебя была душа и ты ее просто потеряла, ты бы вновь обрела ее, становясь Джульеттой, Эльвирой, Офелией или Маргаритой! Ведь другие поднимались из более глубокой пропасти, движимые искусством и любовью! По правде говоря, я не могу сдерживать гнев, когда думаю о всех тех низостях и гадостях Карлотты, причинивших в то время столько страданий Кристине Даэ; и меня несколько не удивляет то, что мое возмущение порой выливается в обширные очерки об искусстве вообще и вокальном искусстве в частности – очерки, которые, безусловно, не отражают мнение поклонников Кристины.

Поразмыслив над угрозой, содержащейся в странном послании, Карлотта встала.

– Ну что же, посмотрим, – проговорила она вслух, потом решительным тоном произнесла какие-то клятвы по-испански.

Первое, что она увидела, выглянув в окно, был катафалк. Этот катафалк и полученное письмо окончательно убедили ее, что вечером ей грозит самая серьезная опасность. Она вызвала к себе всех своих друзей и сообщила им, что на вечернем представлении возможна провокация, организованная против нее Кристиной Даэ, и заявила, что следует подшутить над этой малышкой, заполнив зал ее, Карлотты, поклонниками. А ведь в них недостатка не было, не так ли? Карлотта надеялась, что ее почитатели будут наготове и заставят замолчать возмутителей порядка, которые, как она опасалась, разожгут скандал.

Личный секретарь господина Ришара, который пришел справиться о здоровье «дивы», вернулся в полной уверенности, что та отлично себя чувствует и вечером будет петь партию Маргариты, «даже если для этого ей придется встать со смертного одра». А поскольку секретарь от имени шефа настоятельно порекомендовал ей вести себя благоразумно, не выходить на улицу и избегать сквозняков, Карлотта после его ухода не могла не связать эти странные и неожиданные советы с угрозами, содержащимися в письме.

Было пять часов, когда она получила по почте новое анонимное письмо, написанное тем же почерком, что и предыдущее. Оно было кратким. В нем сообщалось следующее:

«У Вас насморк, и, если бы Вы были благоразумны, Вы бы поняли, что петь сегодня вечером – безумие».

Карлотта, посмеиваясь, пожала роскошными плечами и взяла несколько нот, звучание которых совершенно ее успокоило.

Ее друзья сдержали слово. Этим вечером они все были в Опере, однако напрасно они искали в зале свирепых заговорщиков, с которыми должны были сразиться. Не беря во внимание нескольких профанов и добропорядочных буржуа, чьи невозмутимые лица выражали лишь желание вновь услышать музыку, которая уже давно завоевала их одобрение, здесь были только завсегдатаи, чьи элегантные манеры и спокойное, корректное поведение отвергали вся-

кую мысль о возможной манифестации. Необычным было лишь присутствие господ Ришара и Моншармена в ложе № 5. Друзья Карлотты решили, что, возможно, господа директора также прослышали о предстоящем скандале и поэтому решили прийти, чтобы остановить его, как только он разразится. Однако мы-то с вами знаем, что они думали лишь о Призраке.

Ни звука...
Напрасно взывал я к Творцу и Природе!
Ни звука,
Ни слова в ответ мне.

Знаменитый баритон Каролус Фонта едва провозгласил первый призыв доктора Фауста к силам ада, как господин Фирмен Ришар, сидевший в кресле Призрака – в правом кресле в первом ряду, – будучи в наилучшем настроении, наклонился к своему коллеге и поинтересовался:

– Тебе еще этот голос ничего не шепнул?

– Подождем, к чему спешить, – в тон ему ответил господин Арман Моншармен. – Спектакль только начался, а, как тебе известно, Призрак обыкновенно является лишь в середине первого акта.

Первый акт прошел без происшествий, что, впрочем, не удивило друзей Карлотты, потому что в этом акте Маргарита вообще не появляется на сцене. Что же касается директоров, то, когда занавес опустился, они с улыбкой переглянулись.

– Никого! – сказал Моншармен.

– Да, Призрак запаздывает, – заявил Фирмен Ришар.

– В общем, – все еще шутя, продолжал Моншармен, – зал неплохо смотрится для проклятого места.

Ришар улыбнулся и указал своему компаньону на толстую, довольно вульгарную даму в черном, которая сидела в самом центре зала в обществе двух неотесанных мужланов в драповых рединготах.

– Это еще что за публика? – удивился Моншармен.

– Эта публика, уважаемый, не кто иной, как моя консьержка со своим супругом и братом.

– Ты дал им билеты?

– Конечно. Она ни разу не была в Опере – сегодня в первый раз, а поскольку теперь ей придется приходить сюда каждый вечер, я решил, что ей нужно оказать теплый прием, перед тем как она будет принимать других.

Моншармен попросил объяснить, и Ришар сообщил ему, что недавно решил взять свою консьержку, которой он всецело доверял, на место мамыши Жири.

– Кстати, насчет мадам Жири, – заметил Моншармен. – Ты знаешь, что она собирается подать на тебя жалобу?

– Кому? Призраку?

Призрак! Моншармен уже почти забыл о нем. Впрочем, этот таинственный персонаж ничем не напоминал о себе господам директорам.

Неожиданно дверь ложи распахнулась и вбежал испуганный заведующий постановочной частью.

– Что такое? – хором спросили его директора, не ожидавшие увидеть его здесь в подобное время.

– Дело в том, что друзья Кристины Даэ устроили заговор против Карлотты. Она в ярости.

– Что это еще за история? – нахмурившись, сказал Ришар.

Но в этот момент поднялся занавес, и началась сцена гулянья; директор сделал заведующему знак удалиться. Когда тот исчез, Моншармен наклонился к Ришару:

– Так, значит, у Даэ есть друзья?

– Да, – ответил Ришар и указал взглядом на одну из лож первого яруса; там сидели только двое.

– И кто же? Граф де Шаньи?

– Да, он и рекомендовал ее мне столь настойчиво, что если бы я не знал, что он друг Сорелли...

– Смотри-ка... – прошептал Моншармен. – А кто тогда этот бледный юноша рядом с ним?

– Его брат, виконт.

– Ему было бы лучше пойти прилечь, у него такой больной вид.

На сцене раздавалось веселое пение. Музыка опьянения. Торжество бокалов.

Всем нам нужно пить вино
Только дружно, умно!
Круг наш тесен, есть у нас
Много песен про запас!

Студенты, горожане, солдаты, девицы и матроны весело кружились перед кабачком с вывеской, изображавшей Бахуса. Появился Зибель.

Кристина Даэ была прелестна в одежде травести. Ее свежесть и меланхоличная грация очаровывали с первого взгляда. Сторонники Карлотты приготовились к тому, что вот-вот раздается восторженная овация, которая сообщит им о намерениях ее друзей. Впрочем, эта овация была бы совершенно не к месту. Однако этого не случилось.

Напротив, когда на сцену вышла Маргарита и спела всего лишь две строчки из своей партии во втором акте:

Ах нет, нет! Мне будет слишком много в том чести.
Не блещу я красою и потому не стою рыцарской руки, —

Карлотту встретили оглушительными криками «браво!». Это было настолько неуместно и неожиданно, что зрители, не посвященные в тайну, недоуменно переглянулись; однако и этот акт прошел спокойно. Тогда все решили: «Значит, скандал уж точно разразится в следующем акте». Некоторые, очевидно лучше информированные, утверждали, что весь тарарам случится во время исполнения баллады о Фульском короле, и поспешили к входу для держателей абонементов предупредить Карлотту.

В антракте директора покинули ложу, чтобы разузнать насчет этой истории с заговором, о которой сообщил заведующий постановочной частью, но быстро вернулись, пожимая плечами, – они сочли, что все это пустяки. С порога им бросилась в глаза коробка английских конфет, лежавшая на барьерчике. Кто же ее туда принес? Они тут же спросили смотрительниц, но никто не смог ничего им объяснить. Вернувшись в ложу, они увидели рядом с коробкой двойной лорнет. Директора переглянулись. Им было не до смеха. В их памяти всплыло все, что рассказывала мамаша Жири; им показалось, что они чувствуют какой-то странный сквозняк... В глубоком потрясении они молча опустили в кресла.

Тем временем началась сцена в саду Маргариты...

Расскажите вы ей, цветы мои,
Как страдаю, тоскую,
Что ее лишь люблю я,
Что мечтаю всегда о ней одной.

Кристина спела эти строчки, держа в руках букет из роз и сирени; подняв голову, она увидела виконта де Шаньи в одной из лож; тут же все заметили, что ее голос зазвучал неуверенно, не так звонко и чисто, как обычно. Что-то неведомое заглушало, утяжеляло ее пение... В голосе ее чувствовались дрожь и страх.

– Странная девушка, – довольно громко заметил один из друзей Карлотты, сидевший в креслах оркестра. – В прошлый раз она пела божественно, а сегодня спотыкается. Опыта нет, вокальной школы нет!

Поцелуй мой горячий
Передайте вы ей, передайте вы ей.

Виконт обхватил голову руками. Он плакал. Сидевший позади него граф свирепо кусал усы, пожимая плечами, и хмурил брови. Если граф, обычно холодный и сдержанный, столь явно выдавал свои чувства, значит он был в ярости. И он действительно был просто разъярен. Он помнил, в каком тревожном состоянии вернулся его брат после того быстрого и таинственного путешествия. Последовавшие за этим объяснения никоим образом не могли успокоить графа, который, желая знать, как ко всему этому относиться, попросил Кристину Даэ о встрече. Однако она осмелилась ответить, что не может принять ни графа, ни его брата. Граф усмотрел в этом отвратительный расчет. Он не мог простить Кристине страдания, которые она причинила Раулю, а Раулю он не прощал того, что тот страдал из-за Кристины. Ах, зря он заинтересовался тогда этой малышкой, чей недолгий триумф оставался для всех абсолютно непонятным.

«Вот ведь плутовка», – проворчал граф.

И он задумался о том, чего же она хотела... на что надеялась... Она была чиста; говорили, что у нее нет ни друзей, ни хоть какого-нибудь покровителя... этот Ангел Севера, должно быть, весьма хитер!

Рауль, закрыв лицо руками, словно занавесом, скрывавшим детские слезы, думал лишь о письме, полученном им по возвращении в Париж, куда Кристина в спешке, как воровка, уехав из Перроса, прибыла раньше его:

«Мой дорогой бывший дружок, имейте мужество больше меня не видеть, не говорить со мной... если Вы хоть немного меня любите, сделайте это для меня, а я никогда Вас не забуду, дорогой Рауль. Главное, никогда больше не появляйтесь в моей гримерной. От этого зависит моя жизнь, да и Ваша тоже. Ваша маленькая Кристина».

Грохот раздавшихся аплодисментов означал, что на сцену вышла Карлотта.

Сцена в саду шла своим чередом.

Когда Маргарита допела балладу о Фульском короле, ей была устроена овация, еще одна пришлось на конец арии с драгоценностями.

Маргарита, это не ты.
Все бывшее пропало.
Да! Чудесный миг наступил,
Королевой ты стала!

Теперь Карлотта была уверена в себе, в своих друзьях, в своем голосе и успехе. Не боясь ничего, Карлотта полностью, с пылом, с воодушевлением, с опьяняющей яростью отдалась пению. В ее игре не осталось ни доли сдержанности, ни целомудрия. То была уже не Маргарита, а Кармен. Однако от этого аплодисменты лишь усилились, а ее дуэт с Фаустом, казалось, предвещал ей новый успех, но вдруг произошло нечто ужасное.

Фауст преклонил колена:

О позволь, ангел мой, на тебя наглядеться
При блеске звезд ночных.
Глазам не хочется, о поверь,
Оторваться от чудных, от чудных глаз твоих.

И Маргарита отвечала ему:

Здесь так тихо, тихо так,
Все кругом тайной дышит,
Чудных грез ночь полна
И полна любви!

Отрадных, новых чувств
Полна душа моя,
И сердцу голос тайный
О чем-то, о чем-то говорит.

Так вот, прямо в этот момент произошло нечто... как я сказал, нечто ужасное.

Зал поднялся в едином движении. Оба директора, сидевшие в своей ложе, не могли сдерживать крика ужаса... Зрители переглядываются, словно спрашивая друг у друга объяснения столь неожиданному явлению... Лицо Карлотты выражает нестерпимую боль, в ее глазах – безумие. Несчастливая женщина поднялась; она только что спела «И сердцу голос тайный о чем-то говорит», но из полуоткрытого рта не доносилось больше ни звука... она не осмеливалась пропеть больше ни слова...

Потому что из ее гортани, созданной для гармонии, из этого подвижного инструмента, еще ни разу не дававшего сбоя, безупречного органа, издававшего самые прекрасные созвучия и сложнейшие аккорды, тончайшие модуляции и самые страстные ритмы, из этой возвышенной человеческой механики, которой для божественности недоставало лишь небесного огня, ведь лишь он может по-настоящему взволновать и вознести душу... – из этой гортани выскочила...

Из этой гортани вырвалась...

...Жаба!

Отвратительная, мерзкая, чешуйчатая, ядовитая, брызжущая слюной, визгливая жаба!..

Откуда же она взялась у Карлотты? Как оказалась на языке? Согнув задние лапы, чтобы прыгнуть подальше и повыше, тайком она выбралась из гортани и... ква!

Ква! Ква!.. О, этот фальшивый звук!

Вы, разумеется, понимаете, что о жабе следует говорить лишь в переносном смысле. Ее никто не видел, но – о ужас! – услышали все. Карлотта сфальшивила!

Весь зал словно окатили помоями. Никогда еще ни одна амфибия на берегу гулких болот не оглашала ночной воздух более отвратительным кваканьем!

Этого, безусловно, никто не ожидал. Карлотта не верила своим ушам. Молния, ударившая у ее ног, удивила бы ее меньше, чем этот фальшивый звук, вырвавшийся из ее горла.

Кроме того, молния бы ее не опорочила, тогда как фальшь, притаившаяся на кончике языка, не может не нанести ущерб чести певицы. Некоторые от этого даже умерли.

Боже! Кто бы мог этому поверить?.. Ведь она так спокойно пела: «И сердцу голос тайный о чем-то говорит».

Пела, как всегда, без усилий, с той же легкостью, с какой вы говорите: «Добрый день, сударыня. Как вы себя чувствуете?»

Невозможно отрицать, что существуют самонадеянные певицы, которые весьма опрометчиво, не соизмеряя своих сил и обуреваемые гордыней, желают достигнуть невероятных высот

с тем слабым голосом, что был им дарован Небом, пытаются издавать звуки, которые были им заказаны еще до появления на свет. Именно в таких случаях Небо для наказания тайком посылает им жабу – фальшивый звук. Всем это известно. Но никто не мог подумать, что Карлотта, чей диапазон составлял по меньшей мере две октавы, сфальшивит.

Невозможно забыть ее пронзительные *фа* третьей октавы, ее неслыханные стаккато из «Волшебной флейты». Все помнили о «Дон Жуане», где она исполняла партию Эльвиры, ее самый оглушительный триумф в тот вечер, когда она взяла *си-бемоль*, который не смогла взять донна Анна. Но тогда что же означала эта фальшь после спокойной, мирной, маленькой фразы «И сердцу голос тайный о чем-то говорит»?

Это было что-то сверхъестественное, здесь явно не обошлось без колдовства. Эта жаба пахла жареным... Бедная, несчастная, отчаявшаяся, поверженная Карлотта!

Волнение в зале нарастало. Если бы подобное приключилось не с Карлоттой, ее бы тотчас освистали! Но так как все знали, каким безупречным инструментом была Карлотта, ярости не было, все были потрясены и испуганы. Такой же ужас зрители испытали бы, если бы оказались свидетелями катастрофы, уничтожившей руки Венеры Милосской, если бы они видели тот удар... осознавали...

Но здесь? Эта фальшь была необъяснима!..

Необъяснима до такой степени, что несколько секунд Карлотта обдумывала, действительно ли она слышала, как эта нота – можно ли применить здесь это слово? – вырывается из ее уст. Да можно ли это назвать звуком? Ведь звук еще находится в области музыки, она же хотела убедить себя, что этого адского шума и не было вовсе, что это была лишь мимолетная звуковая галлюцинация, а вовсе не преступное предательство ее голосового аппарата...

Она в растерянности окинула взглядом зал, словно ища убежища, защиты или, скорее, непосредственного уверения в непричастности ее голоса. Она поднесла к горлу стиснутые руки, словно пытаясь защитить себя и одновременно протестуя. Нет! Нет! Ведь это не она сфальшивила! Казалось, что и Каролус Фонта был того же мнения: он смотрел на Карлотту с непередаваемым детским выражением огромного удивления. Ведь он был совсем рядом с ней, он ее не оставил. Возможно, он объяснил бы, как подобное могло произойти! Но нет, он не мог этого сделать! Он не мог оторвать взгляда от губ Карлотты, как дети не могут оторваться от созерцания бездонной шляпы фокусника. Как такой маленький рот мог вместить столь огромную фальшь?

Все это – жаба, фальшивый звук, волнение, ужас и шум в зале, смятение на сцене и за кулисами (там виднелось несколько испуганных лиц статистов) – все, что я так подробно описал, длилось всего несколько секунд.

Эти ужасные мгновения показались целой вечностью директорам, которые сидели наверху, в ложе № 5. Моншармен и Ришар были очень бледны. Это неслыханное и необъяснимое происшествие наполняло их тоской, еще более загадочной оттого, что они уже некоторое время находились под влиянием Призрака.

Они почувствовали его дыхание, от которого оставшиеся волосы Моншармена встали дыбом, а Ришар вытер платком пот, выступивший на лбу. Да, он был там... вокруг них... позади них, возле них, они чувствовали его, даже не видя. Они слышали его дыхание так близко от себя! Они знали, что рядом кто-то был. Ну да, теперь они знали это наверняка! Они были уверены, что в ложе их было трое... От этой мысли они задрожали. Они хотели бежать, но не могли... Они не осмеливались сделать движение, произнести что-либо, что могло бы сообщить Призраку, что они знали, что он там!.. Что же будет? Что случится дальше?

А случилось то, что, покрывая весь шум зала, снова раздался фальшивый звук. Послышались крики ужаса. Директора чувствовали себя под пятой Призрака. Свесившись из ложи, они смотрели на Карлотту так, будто видели ее в первый раз. Должно быть, этот фальшивый звук был сигналом какой-то катастрофы. О да, они ждали этой катастрофы, которую обещал

им Призрак! Зал был проклят! Оба директора задыхались от ужаса перед грозящей катастрофой. Послышался сдавленный голос Ришара, который крикнул Карлотте:

– Что же вы! Продолжайте!

Но Карлотта не продолжила... Она снова храбро, героически начала петь злосчастный стих, в конце которого появилась жаба.

Шум в зале смолк, и за ним последовало пугающее молчание. Голос Карлотты вновь заполнил театр.

Я слушаю, —

зал также слушает.

Отрадных, новых чувств полна душа моя (ква!)

Ква!.. И сердцу голос тайный... ква!

И жаба появилась вновь.

В зале поднялась невероятная суматоха. Директора рухнули в кресла и даже не осмеливались обернуться, у них не было сил для этого. Призрак смеялся им в затылок! И вдруг они услышали, как несуществующий, бесплотный голос прошептал им прямо в правое ухо:

– Сегодня она поет так, что может рухнуть люстра!

Директора почти синхронно подняли голову, посмотрели на потолок и испустили ужасный крик: люстра всей своей огромной массой двигалась прямо на них по призыву этого адского голоса. Отцепившись от крюка, люстра с высоты обрушилась на партер, оглашавшийся истошными криками. Это был всеобщий ужас, все пустились наутек. Мое описание не может живо отразить этот исторический час. Любопытствующие могут просто открыть газеты тех лет. В этом происшествии погиб один человек и множество было ранено.

Люстра рухнула на голову несчастной, которая в тот вечер впервые в жизни была в Опере, той, что по указанию господина Ришара должна была исполнять обязанности мамыши Жири, смотрительницы Призрака. Смерть наступила мгновенно, а наутро заголовки газет гласили следующее: «200 000 килограммов на голову одной консьержки!» Это была единственная надгробная эпитафия, что ей досталась.

Глава 9

Таинственный экипаж

Этот трагический вечер никому не принес ничего хорошего. Карлотта заболела; что же до Кристины Даэ, она исчезла после спектакля. Ее не видели ни в театре, ни вне его пятнадцать дней.

Однако не следует смешивать это первое исчезновение, прошедшее без скандала, с тем знаменитым похищением, которому суждено было произойти некоторое время спустя при столь трагических и необъяснимых обстоятельствах.

Рауль первым забеспокоился об отсутствии дивы. Он написал по адресу, где жила госпожа Валериус, но не получил ответа. Сначала он этому даже не удивился, так как знал состояние Кристины и ее решение прервать с ним всякие отношения, хотя он еще не догадывался о причине.

Его муки лишь возросли, и в конце концов он встревожился, не видя имени певицы ни на одной афише. «Фауста» давали без нее. Однажды во второй половине дня, ближе к пяти часам, он решил осведомиться в дирекции о причинах исчезновения Кристины Даэ. Рауль застал директоров в весьма взволнованном состоянии. Друзья их уже не узнавали: они утратили способность радоваться и были уже не так бодры, как раньше. Они проходили по театру понуриив голову, на лбу у них пролегли морщины от постоянных забот, а лица их были бледны, будто их преследовала какая-то отвратительная мысль; казалось, они находились во власти злой судьбы, которая, раз наметив жертву, уже не выпускает ее.

После падения люстры начали искать ответственных за происшедшее, но господ директоров было трудно заставить говорить на эту тему.

Следствие заключило, что это был несчастный случай, происшедший вследствие износа подвесного устройства, за чем должны были следить как бывшие, так и новые директора; они же должны были принять меры для предотвращения катастрофы.

Должен сказать, что за это время господ Ришар и Моншармен так сильно изменились – они казались столь отдаленными, таинственными и непонятными, – что среди держателей лож нашлось немало таких, которые подозревали о некоем событии, еще более страшном, чем падение люстры, нарушившем душевное спокойствие господ директоров.

Они стали очень вспыльчивы в повседневном общении, за исключением тех случаев, когда они говорили с госпожой Жири, восстановленной на своем месте. Поэтому можно предположить, как они приняли виконта де Шаньи, когда тот пришел справиться о Кристине. Они ограничились ответом, что она в отпуске. Когда же виконт спросил, сколько продлится этот отпуск, ему довольно холодно ответили, что отпуск бессрочный, так как Кристина Даэ взяла его, чтобы поправить здоровье.

– Так она больна! – воскликнул виконт. – Что с ней?

– Об этом нам ничего не известно!

– Значит, вы не посылали к ней театрального врача?

– Нет! Она вовсе об этом не просила, а поскольку мы ей доверяем, то поверили ей на слово.

Все это показалось Раулю подозрительным, и он покинул Оперу, обуреваемый самыми мрачными мыслями. Он решил, чего бы это ни стоило, лично пойти к матушке Валериус разузнать о Кристине. Безусловно, он прекрасно помнил ее решительное письмо, в котором она запрещала ему искать с ней встречи. Но после того, что он увидел в Перросе, после того, что он услышал за дверью гримерной Кристины, и после разговора на песчаной равнине он чувствовал, что это какая-то махинация, если и не дьявольская, то, во всяком случае, не земная. Экзальтированное воображение девушки, ее нежная и доверчивая душа, примитивное воспи-

тание (ее детство и юность прошли в окружении легенд), постоянные мысли об умершем отце и, самое главное, то состояние возвышенного экстаза, в которое музыка повергала ее, воздействуя при самых необычных обстоятельствах – стоит только вспомнить сцену на кладбище, – все это казалось Раулю благодатной почвой для дурных поступков какого-то таинственного бессовестного человека. Но чьей же жертвой стала Кристина Даэ? Именно этот вполне здравый вопрос задавал себе Рауль, спеша к матушке Валериус.

Виконт и сам не являлся человеком приземленного ума. Несомненно, он был поэтом и обожал музыку в ее самых заоблачных проявлениях, был большим любителем старых бретонских сказок с танцующими эльфами, и, сверх того, он был влюблен в Кристину Даэ – эту маленькую фею Севера; однако стоит помнить, что он верил в сверхъестественное лишь в связи с происшествием в церкви и что никакая, даже самая фантастическая история не заставила бы его забыть, что дважды два будет четыре.

Что же он узнает у матушки Валериус? Дрожа от ожидания, он позвонил в дверь небольшой квартиры на улице Нотр-Дам-де-Виктуар.

Дверь ему открыла та самая горничная, которую он встретил однажды перед гримерной Кристины. Он спросил, нельзя ли увидеть госпожу Валериус. Ему ответили, что она больна, лежит в постели и никого не принимает.

– Передайте ей мою визитную карточку, – сказал Рауль.

Долго ждать не пришлось. Горничная вернулась и проводила его в небольшую гостиную – довольно темную, скромно обставленную комнату, где два портрета, профессора Валериуса и папаши Даэ, висели друг против друга.

– Госпожа просила извиниться перед месье виконтом, – сказала горничная, – но она сможет принять его только в своей комнате, так как ее бедные ноги отказываются ей служить.

Пять минут спустя Рауля ввели в практически темную комнату, где он тотчас же различил в полутьме доброе лицо благодетельницы Кристины. Волосы матушки Валериус уже совсем поседели, но ее глаза оставались молодыми, более того, никогда еще ее взгляд не был так светел и чист, как у ребенка.

– Господин Шаньи! – радостно воскликнула она, протягивая к нему руки. – Вас послало само Небо! Теперь мы сможем поговорить о ней.

Последняя фраза показалась Раулю весьма мрачной, и он тотчас же спросил:

– Мадам... где Кристина?

И пожилая женщина ему спокойно ответила:

– Ну как же, она со своим «добрым гением».

– Каким еще добрым гением? – воскликнул несчастный Рауль.

– Ну, с Ангелом Музыки!

Пораженный виконт де Шаньи опустился на какой-то стул. Так, значит, Кристина была с Ангелом Музыки! А матушка Валериус улыбалась, сидя в кровати, и, приложив палец к губам, призвала его к молчанию. Она добавила:

– Нельзя никому об этом говорить!

– Можете на меня рассчитывать, – ответил Рауль, не вполне осознавая, что он говорит, так как все его предположения относительно Кристины, и так довольно смутные, теперь запутались еще больше; и ему вдруг показалось, что все начинает кружиться вокруг него, вокруг комнаты, вокруг этой необычной славной женщины с седыми волосами, бледно-голубыми, как небо, глазами... – Можете на меня рассчитывать...

– Я знаю, знаю! – со счастливым смехом сказала она. – Но подойдите же ко мне, как когда вы были совсем маленьким мальчиком. Дайте мне ваши руки – помните, как вы пересказывали мне историю маленькой Лотты, которую поведал вам папаша Даэ? Вы знаете, что я вас очень люблю, господин Рауль. И Кристина тоже вас очень любит!

– Очень меня любит... – вздохнул молодой человек, который как раз пытался как-то связать свои догадки о гении матушки Валериус, об Ангеле, о котором так странно рассказывала ему Кристина, о черепахе, который привиделся ему в кошмаре на ступеньках алтаря в Перросе, и о Призраке Оперы, слухи о котором дошли и до него, – однажды после спектакля он задержался на сцене и стоял в двух шагах от нескольких рабочих, которые как раз обсуждали то замогильное описание Призрака, сделанное Жозефом Бюкэ до того, как его нашли повешенным при столь таинственных обстоятельствах.

Рауль тихо спросил:

– Что заставляет вас полагать, мадам, что Кристина очень меня любит?

– Она каждый день мне об этом говорила!

– Правда?.. А что она говорила?

– Она сказала мне, что вы признались ей в любви!..

И тут славная старушка расхохоталась, обнажая все свои прекрасно сохранившиеся зубы. Рауль покраснел до ушей и встал, испытывая ужасные муки.

– Куда это вы собрались? Садитесь же. Вы думаете, что можете меня вот так оставить? Вы рассердились на меня за мой смех, и я прошу у вас прощения. В конце концов, вы вовсе не виноваты в том, что случилось. Вы же не знали... Вы молоды... и вы думали, что Кристина свободна...

– Кристина помолвлена? – сдавленным голосом спросил несчастный Рауль.

– Да нет! Но вы же знаете, что Кристина не может выйти замуж, даже если бы захотела!

– Как! Но я ничего об этом не знаю! А почему она не может выйти замуж?

– Из-за гения музыки!..

– Опять он...

– Да, он ей это запрещает!

– Он ей запрещает! Гений музыки запрещает ей выходить замуж!..

Рауль навис над матушкой Валериус, выдвинув вперед челюсть, как будто он собирался ее укусить. Он никогда еще на нее так свирепо не смотрел. Иногда бывает, что чрезмерная наивность становится просто ужасной и вызывает ненависть. Рауль находил, что госпожа Валериус чрезмерно наивна.

Она не подозревала об ужасных взглядах, которые бросал на нее Рауль, и продолжала самым естественным тоном:

– О! Он запрещает ей это... не запрещая. Он просто говорит ей, что, если она выйдет замуж, она его больше не услышит! Вот и все... да, что он навсегда исчезнет. Так что вы понимаете, она не хочет отпускать его, это вполне естественно.

– Да-да, – со вздохом согласился Рауль, – это вполне естественно.

– Кстати, я полагала, что Кристина вам все это рассказала, когда вы встретились в Перросе, – она ездил туда со своим «добрым гением».

– Ха! Она ездил туда с «добрым гением»?

– То есть он назначил ей там встречу, на кладбище у могилы Даэ. Он обещал сыграть «Воскрешение Лазаря» на скрипке ее отца!

Рауль де Шаньи поднялся и властным тоном произнес эти решительные слова:

– Мадам, вы скажете мне, где живет этот «гений»!

Старую женщину, казалось, нисколько не удивил этот нескромный вопрос. Она подняла глаза и ответила:

– На небе!

Это простодушие просто сбило Рауля с толку. Такая простая и абсолютная вера в гения, который каждый вечер спускается с неба, чтобы посетить артистические комнаты певцов Оперы, заставляла его чувствовать себя дураком.

Теперь Рауль начал понимать, в каком состоянии духа должна пребывать девушка, воспитанная суеверным деревенским скрипачом, с одной стороны, и славной дамой «ясновидящей» – с другой. Он задрожал при мысли о возможных последствиях такого воспитания.

– Кристина – честная девушка? – не удержавшись, спросил Рауль.

– Клянусь спасением! – воскликнула старушка, которая на этот раз, казалось, была оскорблена. – И если вы в этом сомневаетесь, месье, я не знаю, что вы здесь делаете!

Рауль начал срывать перчатки с рук.

– И давно она познакомилась с этим «гением»?

– Около трех месяцев назад... Да, как раз три месяца назад он начал давать ей уроки!

Виконт простер руки в отчаянном жесте и бессильно уронил их.

– «Гений» дает ей уроки! И где же?

– Сейчас, когда она уехала с ним, я не смогу вам этого сказать, но еще две недели назад уроки происходили в гримерной Кристины. Здесь это было бы невозможно, эта квартира слишком мала – их бы слышал весь дом. А в Опере в восемь утра нет никого, кто мог бы их потревожить! Понимаете?

– Понимаю! Я понимаю! – воскликнул виконт и поспешно простился с матушкой Валериус, которая *a parte*⁶ подумала, не свихнулся ли, часом, виконт.

Проходя через гостиную, Рауль нос к носу столкнулся с горничной и одно мгновение даже думал ее расспросить, но вдруг ему показалось, что на ее губах проскользнула легкая улыбка. Он подумал, что горничная над ним насмехается. Он убежал. Ведь он уже достаточно узнал, не так ли? Он ведь хотел просто справиться о Кристине, чего же ему еще желать? Он добрался до дома брата пешком, будучи уже в совершенно плачевном состоянии.

Ему хотелось как-то себя наказать, биться лбом о стену! Это же надо было – поверить в такую чистоту и невинность! А он еще пытался так наивно все это объяснить, какое просто-душие! Гений музыки! Теперь Рауль знал, кто он такой! Он видел его! Без сомнения, это был какой-нибудь ужасный тенор, смазливый мальчик с умным выражением лица! Рауль думал о том, как он смешон и несчастен. «Ах, какой презренный, маленький, глупый и ничего собой не представляющий человек этот господин виконт де Шаньи! – яростно думал он. – А Кристина – такая смелая дьявольская бестия!»

Тем не менее прогулка пошла ему на пользу и несколько остудила его воспаленное воображение. Войдя в свою комнату, Рауль хотел броситься на кровать и зарыдать, но его брат был рядом с ним, и он кинулся ему на грудь, как ребенок. Граф по-отечески его утешил, не спрашивая объяснений; к тому же Рауль не особенно жаждал рассказать историю о гении музыки. Если есть вещи, которыми не стоит хвалиться, то есть и такие, из-за которых унижительно умолять о жалости.

Граф повел брата ужинать в кабаре. Горе Рауля было слишком недавним, и, возможно, в тот вечер он отклонил бы любые предложения, если бы граф, чтобы его убедить, не сообщил Раулю, что даму, занимающую все его мысли, накануне видели на одной из аллей Булонского леса в весьма приятной компании. Сначала виконт не хотел вовсе этому верить, но ему были рассказаны такие подробности, что он не решился больше протестовать. В конце концов, это самая что ни на есть обыкновенная история. Ее видели в экипаже, стекло которого было опущено. Она глубоко вдыхала ледящий ночной воздух; светила великолепная луна. Ее легко узнали; что же до ее компаньона, он был едва различим в полутьме кареты, ехавшей «шагом» по пустынной аллее за трибунами Лоншана.

Рауль оделся, обуреваемый бешенством, и уже был готов, чтобы забыть свою печаль, броситься, как говорят, в «водоворот удовольствий». Увы! Он был невесел и рано покинул

---

⁶ Про себя (*int.*).

графа. Таким образом, около десяти вечера он очутился в карете, двигавшейся вдоль трибун Лоншана.

Был собачий холод. Пустынную дорогу освещала луна. Виконт приказал кучеру терпеливо ждать его на боковой аллее и, стараясь остаться незамеченным, стал слегка пританцовывать, чтобы согреться.

Он предавался этому упражнению меньше получаса, когда показалась карета; свернув на аллею, она медленно поехала в его сторону.

Рауль сразу же подумал: она! И его сердце забилося, так же как в тот вечер, когда он слышал мужской голос за дверью ее гримерной... Боже, как он любил ее!

Карета все приближалась. Рауль ждал, не двигаясь с места. Если это она, Рауль решил броситься наперерез и остановить лошадей. Он хотел объясниться с Ангелом Музыки, чего бы ему это ни стоило!

Еще несколько метров – и карета с ним поравняется. Рауль абсолютно не сомневался, что это Кристина. Внутри кареты виднелось женское лицо. Луна осветила его.

– Кристина!

Святое имя его любви вырвалось из его сердца, он не смог его сдержать! Этот крик в ночи будто стал тем сигналом, которого ждала карета, чтобы совершить бешеный рывок вперед. Экипаж так быстро проехал мимо Рауля, что тот не успел привести свой план в исполнение. Стекло дверцы поднялось, а женское лицо исчезло. Рауль побежал было за экипажем, но он быстро стал просто черной точкой на заснеженной дороге.

Он еще раз позвал ее: «Кристина!» Ответа не было. Он остановился посреди молчания ночи.

Отчаянным взглядом Рауль окинул небо, звезды... ударил кулаком свою пылающую грудь: он любил и не был любим!

Он угрюмо смотрел на пустынную холодную дорогу, которую окутывала мертвенно-бледная ночь. Но ничто не было мертвее и холоднее его сердца: он полюбил ангела, а презирал женщину!

Рауль, какую шутку сыграла с тобой эта маленькая фея Севера! К чему обладать таким свежим цветом лица, лбом, всегда готовым покрыться розовой краской целомудрия, если можно ночью очутиться в роскошном экипаже в обществе таинственного любовника? Должны же быть какие-то границы лицемерия и обмана, ведь нельзя иметь глаза ясные, как у ребенка, а душу как у куртизанки?

...Она проехала, не ответив на его призыв...

Почему он встал на ее пути?

По какому праву он вдруг возник перед той, которая просила лишь забыть ее?..

– Уйди!.. Исчезни!.. Ты лишний!..

Ему было двадцать лет, а он уже помышлял о смерти! Утром его слуга застал его сидящим на кровати. Он не раздевался, и слуга при виде его заподозрил, что случилось какое-то несчастье – столь ужасно было его лицо. Рауль вырвал у него из рук почту. Он узнал письмо, бумагу, почерк... Кристина писала:

«Друг мой, приходите послезавтра на бал-маскарад в Оперу, ждите меня в полночь в маленькой гостиной, что находится за камином большого фойе; стойте около двери, ведущей к Ротонде. Никому не говорите об этом свидании. Оденьтесь в белое домино, закройте лицо маской. Умоляю, сделайте так, чтобы Вас не узнали.

Кристина».

Глава 10

На маскараде

На конверте, который был весь забрызган грязью, не было марки. «Передать господину виконту Раулю де Шаньи», и адрес, написанный карандашом. Письмо явно бросили на землю в надежде, что кто-нибудь его подберет и отнесет по указанному адресу; так и произошло. Записку нашли на тротуаре на площади Оперы. Рауль лихорадочно перечитал ее.

Этого хватило, чтобы в нем возродилась надежда. Тот темный портрет Кристины, забывшей о своем долге, который он на мгновение себе представил, уступил место первоначальному образу бедного невинного ребенка, жертвы собственной неосторожности и чрезмерной чувствительности. Но в какой мере она была жертвой? Чья она пленница? В какую бездну ее увлекли? Рауль мучительно раздумывал над этими вопросами; но эта мука казалась ему вполне выносимой по сравнению с той, в которую повергали его мысли о лицемерной и коварной Кристине! Что же произошло? Под чье влияние она попала? Какое чудовище так ее очаровало и каким оружием?

...Каким же еще оружием, если не музыкой? Да-да, чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что именно в этом кроется правда. Он не забыл тон, которым Кристина сообщила ему в Перросе, что ее посетил небесный посланец. Сама история Кристины за последнее время, казалось, могла ему помочь во всем разобраться. Он помнил, какое отчаяние охватило ее после смерти отца и как после этого она потеряла вкус ко всему земному, даже к своему искусству. В Консерватории она училась как бедная поющая машина, лишенная души. И вдруг она проснулась, словно от божественного дуновения. Появился Ангел Музыки! Она исполняет партию Маргариты в «Фаусте» и познает триумф! Ангел Музыки! Кого же она приняла за волшебного гения? Кто, узнав о легенде, милой старому Даэ, так жестоко использовал ее, что девушка стала в его руках лишь беззащитным инструментом, который можно заставить звучать по своему усмотрению?

И Рауль думал, что в этой истории не было ничего необычного. Он вспомнил о том, что случилось с княгиней Бельмонте, которая недавно потеряла мужа и отчаяние которой перешло в какое-то оцепенение. Вот уже месяц, как она не может ни говорить, ни плакать. Эта физическая и моральная инертность с каждым днем все усиливалась, и ослабление разума понемногу приводило к замиранию жизни. Каждый вечер больную выносили в сад, но она будто даже не понимала, где находится. Рааф, самый известный певец в Германии, по пути в Неаполь вздумал посетить эти сады, знаменитые своей красотой. Одна из подруг княгини попросила великого Раафа спеть в роще, где возлежала больная, не показываясь ей. Рааф согласился и исполнил простую арию, которую муж княгини пел в первые дни их брака. Эта ария была очень трогательна и выразительна. Мелодия, слова, восхитительный голос певца – все это глубоко потрясло душу княгини. Слезы хлынули у нее из глаз... она плакала и этим была спасена; она навсегда осталась при убеждении, что в тот вечер ее супруг спустился с неба, чтобы спеть ей арию из прошлого.

«Да... в тот вечер! Один вечер, – думал Рауль, – один-единственный вечер. Но это прекрасное заблуждение не устояло бы перед непрекращающимися повторами...»

В конце концов, разумеется, она бы обнаружила Раафа около своей рощи. Да, если бы печальная княгиня Бельмонте каждый вечер приходила туда в течение трех месяцев...

А Ангел Музыки вот уже три месяца дает Кристине уроки... Ах, это был пунктуальный профессор! А теперь он прогуливается с ней в Булонском лесу!

Сердце Рауля терзалось от ревности, и он прижимал стиснутые руки к груди, словно пытаясь сдержать его. Не будучи искушенным в такого рода делах, Рауль с ужасом думал, в

какую еще игру эта девица втянет его на маскараде? И до каких пор девица из Оперы может насмехаться над славным молодым человеком, совершенно неопытным в любви?..

Так мысли Рауля бросали его из крайности в крайность. Он уже не знал, жалеть ему Кристину или проклинать ее, поэтому то жалел, то проклинал. Тем не менее он раздобыл себе белое домино – на всякий случай.

Наконец пришел час свидания. Спрятав лицо под черной полумаской, отороченной полупрозрачной тканью, виконт облачился во все белое, как Пьеро. Он нашел, что очень нелеп в костюме для романтических маскарадов. Светский человек никогда не надел бы маскарадный костюм для бала в Опере. Рауль заставил себя улыбнуться. Его утешало лишь одно: его точно никто не узнает! К тому же у его костюма и полумаски было и другое преимущество: он будет выглядеть в полном соответствии со своими чувствами – смятение в душе и тоска на сердце. Ему даже не нужно будет притворяться, можно даже не надевать маски: его лицо имело точно такое же выражение.

Этот бал был особенным праздником, который устраивался обычно на Масленицу в честь дня рождения знаменитого рисовальщика былых празднеств, соперника Гаварни, чей карандаш обессмертил «пижонов» и спуск Куртий. Именно поэтому он был веселым и шумным и не столь официальным, как обычные балы-маскарады. Там собралось множество художников, пришедших в окружении натурщиц и учеников, которые к полуночи разошлись вовсю.

Без пяти двенадцать Рауль поднялся по парадной лестнице Оперы, не обратив никакого внимания на разноцветье персонажей, теснившихся на мраморной лестнице, – в этом пышном обществе его не увлекала ни одна забавная маска; он не отвечал на шутки и избегал фамильярности развеселившихся парочек. Пройдя через большое фойе, где его задержала фарандола, он добрался до гостиной, указанной в записке Кристины. В этой маленькой комнате толпилась куча народа, потому что это был перекресток, где встречались все те, кто собирался поужинать в Ротонде, и те, кто только что выпил шампанского в буфете. Здесь царила веселая суматоха. Рауль подумал, что для их тайного свидания Кристина не зря предпочла укромному уголку такую толчею: под маской здесь было легче остаться незамеченным.

Он прислонился к двери и стал ждать. Ждать пришлось совсем недолго. Мимо прошел некто в черном домино, быстро сжав ему кончики пальцев. Он понял, что это она.

Рауль пошел следом.

– Это вы, Кристина? – тихо спросил он.

Фигура в домино живо обернулась и приложила палец к губам, явно советуя не повторять больше ее имени.

Рауль молча следовал за ней.

Он боялся снова потерять Кристину, после того как он вновь нашел ее столь странным образом. Он чувствовал, что его ненависть к ней исчезла. Он уже не сомневался в том, что «ей не в чем себя упрекнуть», каким бы таинственным и необъяснимым ни казалось ее поведение. Он уже был готов, коря себя за малодушие, снисходительность, простить ее. Он любил. И разумеется, существуют веские причины столь долгого отсутствия.

Время от времени фигура в черном домино оборачивалась, желая убедиться, что белое домино не отстает от нее.

Следуя за своим проводником через большое фойе, пробиваясь сквозь толпу, упражнявшуюся в самых экстравагантных безумствах, Рауль не мог не заметить группу людей, теснившихся вокруг человека, чей костюм, оригинальные манеры и мрачный вид были просто сенсацией...

Он был одет во все ярко-красное, а его огромная шляпа с перьями была нахлобучена на череп. Ах, какая это была превосходная имитация черепа! Окружавшие его подмастерья художников осыпали его комплиментами, поздравляли и спрашивали, у какого мастера, в

какой мастерской – вероятно, посещаемой самим Плутоном – ему изготовили, нарисовали и раскрасили такой прекрасный череп.

Человек с черепом вместо головы, в шляпе с перьями и в алых одеждах волочил за собой мантию из красного бархата огромных размеров, подобно королевской мантии пламенившее на паркете, и на этом мантию золотыми буквами была вышита фраза, которую все громко повторяли: «НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ КО МНЕ! Я – КРАСНАЯ СМЕРТЬ!»

Кто-то хотел дотронуться до него... но из пурпурного рукава высунулась рука скелета и грубо схватила этого малого за запястье; почувствовав прикосновение костей, неистовое пожатие Смерти, от которого, казалось, невозможно высвободиться, неудачливый шутник вскрикнул от боли и ужаса. Когда Красная Смерть наконец вернула ему свободу, он убежал как безумный, преследуемый насмешками. Именно в этот момент Рауль подошел вплотную к этому мрачному персонажу, который как раз повернулся в его сторону. Рауль чуть не вскрикнул: «Тот самый череп из Перрос-Гирека!» Он узнал его! Он хотел было броситься к нему, забыв о Кристине, но фигура в черном домино, которая, казалось, тоже была охвачена странным волнением, схватила его за руку и поспешно увлекла прочь из фойе, прочь от этой дьявольской толпы, где царила Красная Смерть...

Черное домино постоянно оборачивалось и, видимо, заметило нечто жуткое, так как ускорило шаг (Раулю тоже пришлось идти быстрее), как будто за ними кто-то гнался.

Таким образом они поднялись на два этажа. Лестницы и коридоры наверху были практически пусты. Черное домино толкнуло дверь одной из гримерных и знаком приказало юноше следовать за собой. Кристина – а это была именно она, он узнал ее по голосу – тотчас заперла за ним дверь и шепотом велела отойти в дальнюю часть комнаты за ширму и не показываться. Рауль освободился от маски. Кристина свою снимать не стала. Он как раз собирался попросить певицу это сделать, когда вдруг с удивлением заметил, что она склонилась к перегородке и внимательно слушает, что происходит снаружи. Потом она приоткрыла дверь и, выглянув в коридор, прошептала:

– Он, должно быть, поднялся выше, в ложу Слепых! – И вдруг вскрикнула: – Он снова спускается!

Она хотела было закрыть дверь, но Рауль помешал ей, так как увидел, как на самую верхнюю ступеньку лестницы, ведущей вверх, ступила сначала одна красная нога, потом другая... И медленно, торжественно на лестнице появился алый костюм – это была Красная Смерть. Рауль вновь увидел череп из Перрос-Гирека.

– Это он! – воскликнул виконт. – На этот раз он от меня не уйдет!

Но Кристина захлопнула дверь, как раз когда Рауль собирался выскочить в коридор. Он попытался отстранить Кристину...

– Кто это – он?

Рауль довольно грубо попытался подавить сопротивление девушки, но Кристина с неожиданной силой оттолкнула его... Он все понял, или ему показалось, что понял, и тотчас пришел в ярость.

– Кто?! – гневно проговорил Рауль. – Да тот, кто прячется под этой отвратительной маской мертвеца!.. Злой гений с кладбища в Перросе! Красная Смерть!.. Наконец, ваш друг, мадам... Ваш Ангел Музыки! Я сорву с него маску, как снял свою, мы посмотрим друг на друга, на этот раз лицом к лицу, без тайн и обманов, и я узнаю, кого любите вы и кто любит вас!

Он разразился безумным смехом, а из-под полумаски Кристины послышался слабый стон.

Она трагически распростерла руки, словно барьер из белой плоти, преградив выход:

– Во имя нашей любви вы не выйдете, Рауль.

Он остановился. Что она сказала? Во имя их любви? Никогда, ни разу еще она не говорила, что любит его. Хотя удобных случаев представлялось немало. Не раз она видела, как

он, несчастный, со слезами на глазах, вымаливал хоть слово надежды, которого так и не дождался!.. Она видела его больным, полумертвым от ужаса и холода после ночи на кладбище в Перросе. Разве она осталась с ним в тот момент, когда он больше всего нуждался в ее заботе? Нет! Она сбежала! И вот теперь она говорит, что любит его! «Во имя нашей любви». Помилуйте! Ей надо задержать его лишь на несколько секунд, чтобы дать Красной Смерти время ускользнуть. Их любовь? Да она лгала!

И с какой-то детской ненавистью он сказал ей:

– Вы лжете, мадам! Ведь вы меня не любите и никогда не любили! Надо быть таким бедным и несчастным идиотом, как я, чтобы дать обвести себя вокруг пальца, попросту одурачить! Зачем же в Перросе своим поведением, радостью, светившейся во взгляде, даже молчанием вы заронили в мою душу надежду? И благородную надежду, мадам, потому что я человек благородный и считал вас честной девушкой, а вы хотели посмеяться надо мной. Увы! Вы посмеялись над всеми! Вы постыдно злоупотребили чистосердечием вашей покровительницы, которая тем не менее до сих пор продолжает верить в вашу искренность, в то время как вы прохлаждаетесь на балу в Опере вместе с Красной Смертью! Я презираю вас!

И он заплакал. Она сносила все оскорбления, думая лишь о том, как его задержать.

– Когда-нибудь вы попросите у меня прощения за все эти злые слова, Рауль, и я прощу вас!

Он покачал головой:

– Нет! Нет! Вы сводите меня с ума... Когда я думаю о том, что единственной целью моей жизни было дать свое имя девушке из Оперы!..

– Рауль!.. Несчастный!

– Я бы умер от стыда.

– Живите, друг мой, – прерывающимся голосом строго сказала Кристина. – И прощайте!

– Прощайте, Кристина.

– Прощайте, Рауль.

Юноша, пошатываясь, направился к выходу. Он попытался сосречь.

– Но вы ведь позволите мне иногда приходить поаплодировать вам? – саркастически спросил он, задержавшись у порога.

– Я не буду больше петь, Рауль...

– Действительно, – подхватил он с еще большей иронией. – Теперь у вас полно развлечений, мои поздравления!.. Но мы еще увидимся как-нибудь в Булонском лесу!

– Ни в Булонском лесу, ни где-либо в другом месте вы меня больше не увидите, Рауль.

– По крайней мере, вы можете мне сообщить, в какой мрак вы возвращаетесь? В какой ад... или в какой рай, таинственная госпожа?

– Я пришла, чтобы сказать вам это, мой друг, но теперь мне нечего больше сказать вам... Вы мне не поверите! Вы утратили веру в меня, Рауль. Все кончено!

Эти слова «все кончено» она сказала с таким отчаянием, что молодой человек вздрогнул, почувствовав угрызения совести из-за своей жестокости.

– Но в конце концов, – воскликнул он, – скажите, что все это значит?! Вы свободны, нет никаких препятствий, вы гуляете по городу. Надеваете домино, чтобы пойти на бал. Почему же вы не возвращаетесь к себе домой? Что вы делали эти две недели? Что за историю с Ангелом Музыки вы рассказали госпоже Валериус? Кто-то мог обмануть вас, злоупотребить вашей доверчивостью... Я сам был свидетелем этому в Перросе... Но теперь-то вы знаете, что к чему! Вы мне кажетесь вполне разумной, Кристина. А тем временем госпожа Валериус продолжает ждать вас, вспоминая вашего «добротного гения»... Объяснитесь, Кристина, прошу вас! Что это за комедия?

Кристина усталым жестом сняла с себя маску и сказала:

– Это трагедия, друг мой...

Рауль увидел ее лицо и не мог сдержать удивленное и испуганное восклицание. Свежие краски исчезли с ее лица, которое он помнил таким очаровательным и нежным, светившимся безмятежным изяществом и кротостью духа, теперь же мертвенная бледность охватила ее черты. Какую муку они выражали! Горе оставило свою печать на ее лице, а прекрасные светлые глаза Кристины – когда-то ясные, как озера, глаза маленькой Лотты – теперь были таинственно темны, бездонны, их окружали темные круги печали.

– Друг мой! Друг мой! – простонал Рауль, протягивая к ней руки. – Вы обещали простить меня...

– Может быть... Может быть, однажды, – сказала Кристина, вновь надевая маску, и удалилась, жестом запретив Раулю следовать за ней.

Он хотел броситься за девушкой, но она обернулась и с такой властностью повторила свой прощальный жест, что Рауль не решился идти дальше.

Он смотрел ей вслед... Потом спустился вниз, смешавшись с беззаботной толпой, точно не зная, что делает; кровь стучала у него в висках, а сердце разрывалось от муки. Проходя через зал, он спросил, не видел ли кто Красную Смерть. Его спросили: «А кто это – Красная Смерть?» Он ответил: «Это господин в маскарадном костюме с черепом вместо головы и в широком красном плаще». Ему сообщили, что Красная Смерть только что прошла, волоча за собой королевскую мантию. Но ему так и не удалось отыскать ее, и к двум часам он вернулся в тот коридор за сценой, который вел к гримерной Кристины.

Ноги сами привели его туда, где начались его страдания.

Он постучал в дверь. Ответа не было... Он вошел так же, как и в тот раз, когда он разыскивал «мужской голос». Артистическая была пуста. Газовый фонарь горел тускло, как ночник. На небольшом письменном столе лежала почтовая бумага. Рауль вздумал было написать Кристине, но вдруг в коридоре послышались шаги... Он едва успел спрятаться в будуаре, отделявшемся от гримерной простой занавеской. Кто-то толкнул дверь. Это была Кристина!

Он затаил дыхание. Он хотел видеть! Он хотел знать! Что-то подсказывало ему, что сейчас должно произойти нечто, касающееся всех этих тайн, и он поймет...

Кристина вошла, усталым жестом сняла маску и бросила ее на стол. Она вздохнула и уронила голову на руки. О ком она думала?.. О Рауле?.. Нет! Потому что он тут же услышал, как она прошептала: «Бедный Эрик!»

Сначала ему показалось, что он плохо расслышал. Ведь он думал, что если кого-то и следует жалеть, так только его, Рауля. И после всего, что между ними произошло, было бы вполне естественно услышать, как она со вздохом говорит: «Бедный Рауль!» Но она, качая головой, еще раз повторила: «Бедный Эрик!»

Почему этот Эрик занимал все помыслы Кристины и почему маленькая фея Севера жалела этого Эрика, когда Рауль был так несчастен?

Кристина принялась писать так спокойно и безмятежно, что Рауль, который все еще дрожал от разыгравшейся драмы, был этим весьма неприятно удивлен. «Какое хладнокровие», – подумал он... Так она исписала второй листок, за ним третий, четвертый... Вдруг она подняла голову и спрятала листки в корсаж... Казалось, она к чему-то прислушивается... Рауль тоже прислушался... Откуда доносится этот странный шум, этот далекий ритм? Какое-то приглушенное пение будто просачивалось через перегородку. Можно было подумать, что это поют стены!.. Пение становилось все слышнее, слова – отчетливее... Вот уже стало можно различить голос: очень красивый, нежный и пленительный. Однако эта нежность все же оставалась мужественной, из чего можно было заключить, что этот голос не принадлежит женщине. Голос все приближался, прошел сквозь стену, и вот он уже в комнате, прямо перед Кристиной. Кристина поднялась и заговорила с «голосом», как она говорила бы со стоящим рядом с ней человеком.

– Я здесь, Эрик, – сказала она. – Я готова. А вот вы опоздали, друг мой.

Рауль, который осторожно смотрел из-за своей занавески, не поверил своим глазам: он не видел никого, кроме самой Кристины.

Лицо девушки просияло. На ее бледных губах появилась улыбка выздоравливающего человека, который начинает надеяться, что болезнь, поразившая его, уже не опасна.

Бесплотный голос вновь запел, и никогда в своей жизни Рауль не слышал ничего подобного; этот голос во фразе, спетой на одном дыхании, объединял крайности: героическую истому, победоносное коварство, самую нежную силу и сильнейшую нежность и, наконец, непередаваемое ликование. Уже само звучание этого голоса должно было рождать возвышенные чувства у всех любящих и понимающих музыку смертных. Это был чистый и тихий источник гармонии, из которого спокойно могли пить все приверженцы прекрасного, будучи уверенными в том, что на них нисходит музыкальная благодать. И тогда их искусство, вдруг прикоснувшись к божественному началу, просто преображается. Рауль с волнением слушал этот голос и начинал понимать, каким образом Кристина Даэ в тот вечер явила перед изумленной публикой неслыханную доселе красоту звука и сверхчеловеческую восторженность, все еще находясь, несомненно, под влиянием таинственного и невидимого учителя. Рауль понял всю значительность этого события, слушая этот исключительный голос: из грязи он сотворял лазурное небо. Банальные стихи и легкая, почти вульгарная мелодия превращались в красоту дуновением, уносившим их высоко в небо на крыльях страсти. Этот ангельский голос пел языческий гимн. Рауль не мог бы передать ту страсть, с которой голос пропел; голос пел «Ночь Гименея» из «Ромео и Джульетты».

Рауль увидел, как Кристина простерла руки к «голосу», так же как она протягивала их к невидимой скрипке, игравшей «Воскрешение Лазаря» на кладбище в Перросе.

Судьба навек связала нас с тобой!..

Рауль чувствовал, будто его сердце пронзено насквозь. Он старался не поддаваться очарованию, которое, казалось, лишало его воли и энергии, почти лишало его ум ясности именно в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался. Он отдернул занавеску, скрывавшую его, и шагнул к Кристине, которая в это время двигалась вглубь комнаты, где почти всю стену занимало большое зеркало, и из-за своего отражения она не могла видеть Рауля, поскольку тот стоял прямо за ее спиной.

Судьба навек связала нас с тобой...

Кристина все приближалась к своему зеркальному отражению, и оно надвигалось на нее. Обе Кристины – настоящая и зеркальная – в конце концов коснулись друг друга, слились воедино, и Рауль протянул руку, чтобы сразу схватить обеих.

Но вдруг какая-то удивительная сила заставила Рауля покачнуться, и он был отброшен назад, а в лицо ему дохнуло холодом; уже не две, а четыре, восемь, двадцать Кристин кружились вокруг него с такой легкостью, насмехались над ним и столь стремительно ускользали, что он не мог дотронуться ни до одной. Наконец все снова пришло в неподвижное состояние, он увидел в зеркале себя. Но Кристина исчезла.

Он бросился к зеркалу, но наткнулся на стену. Никого! А в артистической все еще раздавалась далекая страстная мелодия.

Судьба навек связала нас с тобой...

Рауль прижал ладони ко лбу, на котором выступили капельки пота, уцепился за себя, усилил пламя газового фонаря. Он был уверен, что все это ему не снится: он оказался в центре какой-

то чудовищной игры, тяжелой в физическом смысле, игры, которой он не понимал и которая, возможно, его уничтожит. Рауль казался себе каким-то отважным принцем, который перешел дозволенную границу волшебной сказки и потому не должен удивляться, что стал игрушкой неких магических явлений, которые он, сам того не сознавая, вызвал силой своей любви...

Но как? Каким образом исчезла Кристина?

Откуда она появится вновь?

И вернется ли она? Увы! Она же сказала ему, что все кончено! А сквозь стену доносилось по-прежнему: «Судьба навек связала нас с тобой...» Со мной? С кем?..

Тогда, в полном изнеможении, побежденный, с помутившимся разумом, он опустился на то самое место, где только что сидела Кристина. Так же как она, он уронил голову на руки. Когда он поднял ее, по его юному лицу струились слезы – настоящие тяжелые слезы, какими плачут завистливые дети, слезы, которыми оплакивают горе, отнюдь не воображаемое, но знакомое всем влюбленным на земле. Он высказал его вслух:

– Кто же этот Эрик?

Глава 11

Следует забыть имя «голоса»

На следующий день после того, как Кристина исчезла прямо у него на глазах – какое-то ослепление, заставившее его усомниться в трезвости собственного рассудка, – виконт де Шаньи отправился провести госпожу Валериус. Его глазам предстала идиллическая картина.

У изголовья кровати старой дамы, вязавшей сидя в постели, Кристина плела кружева. Никогда еще над девичьим рукоделием не склонялся более прелестный овал лица, более чистый лоб, более нежный взгляд. Щеки девушки вновь обрели свежесть, исчезли синеватые тени вокруг глаз. Это было уже не то трагическое лицо, что Рауль видел накануне. И если бы молодой человек не решил, что легкий налет грусти на ее чертах – последний признак той невероятной таинственной драмы, приключившейся с бедной девушкой, он мог бы подумать, что Кристина не имела к этим событиям никакого отношения.

Она, не выказав никакого волнения, поднялась ему навстречу и протянула руку. Но Рауль был так потрясен, что молча стоял, абсолютно подавленный, не в силах даже пошевелиться.

– Так что же, господин де Шаньи! – воскликнула матушка Валериус. – Вы уже не узнаете нашу Кристину? «Добрый гений» вернул ее нам.

– Матушка! – живо прервала ее девушка, покраснев до ушей. – Я думала, что об этом и речи больше нет. Вы же знаете, что нет никакого гения музыки.

– Девочка моя, он же целых три месяца давал тебе уроки!

– Матушка, я ведь обещала вам скоро все объяснить... Во всяком случае, я на это надеюсь; а до того дня вы обещали хранить молчание и не задавать никаких вопросов.

– Да, если бы ты дала мне слово больше меня не покидать! Но ты ведь этого так и не пообещала, Кристина.

– Матушка, все это, должно быть, неинтересно господину де Шаньи...

– Вы ошибаетесь, мадемуазель. – Юноша попытался сделать свой голос твердым и мужественным, но тот все еще дрожал. – Все, что касается вас, очень меня интересует, и когда-нибудь вы, возможно, это поймете. Не скрою, я удивлен не меньше, чем обрадован, найдя вас рядом с вашей приемной матушкой, хотя все то, что произошло вчера между нами, то, что вы мне рассказали, и то, о чем я мог лишь догадываться, никоим образом не предвещало столь скорого возвращения. И я буду очень рад, если вы не станете упорствовать. Госпожу Валериус также не может не беспокоить это зловещее приключение, которое будет угрожать вам до тех пор, пока мы не раскроем его суть, иначе это приключение, Кристина, обернется для вас катастрофой.

При этих словах матушка Валериус беспокойно зашевелилась.

– Что это значит? – воскликнула она. – Так, значит, она в опасности?

– Да, мадам, – храбро заявил Рауль, несмотря на знаки, которые подавала ему Кристина.

– Боже... – задыхаясь, проговорила добрая и наивная старушка. – Ты должна все мне рассказать, Кристина! Почему ты успокаивала меня? А о какой опасности вы говорите, господин де Шаньи?

– Ее простодушием злоупотребляет самозванец!

– Ангел Музыки – самозванец?

– Она же сама вам сказала, что нет никакого Ангела Музыки.

– О, ради всего святого! Что же все-таки происходит? – умоляюще сказала бедная старушка. – Вы меня убиваете!

– Мадам, всех нас – и вас, и Кристину – окружает земная тайна, которой следует опасаться больше, чем всех призраков и гениев, вместе взятых.

Матушка Валериус в ужасе повернулась к Кристине, но та уже бросилась к своей приемной матери и сжала ее в объятиях.

– Не верь ему, милая матушка, не верь ему, – повторяла она, стараясь успокоить ее своими ласками, потому что старая дама душераздирающе вздыхала.

– Тогда обещай, что никогда меня не оставишь! – умоляла вдова профессора.

Кристина молчала. Рауль поддержал госпожу Валериус:

– Вы должны это обещать, Кристина. Это единственное, что может нас успокоить – меня и вашу матушку. Мы же более не зададим вам ни одного вопроса о прошлом, если вы обещаете впредь оставаться под нашей защитой.

– Я вовсе не прошу вас о таком обязательстве и ничего подобного вам не обещаю! – гордо сказала девушка. – Я свободна в своих действиях, господин де Шаньи, и вы не имеете никакого права их контролировать, поэтому я прошу вас больше этого не делать. Что касается того, чем я занималась эти две недели, только один человек в мире мог бы потребовать у меня отчета – мой муж! Но у меня его нет, а я никогда не выйду замуж!

Сказав все это, она протянула руку в сторону Рауля будто для того, чтобы ее слова звучали более торжественно, и Рауль побледнел – не только из-за того, что услышал, но и из-за того, что на пальце Кристины он заметил золотое кольцо.

– У вас нет мужа, однако вы носите обручальное кольцо!

Он хотел схватить ее руку, но Кристина проворно ее отдернула.

– Это подарок! – сказала она и снова покраснела, тщетно пытаясь скрыть свое смущение.

– Кристина! Поскольку мужа у вас нет, значит это кольцо дал вам человек, который надеется им стать! Зачем обманывать нас и мучить еще больше? Это кольцо означает предложение руки и сердца, и вы его приняли!

– И я ей говорила то же самое! – воскликнула старая дама.

– И что она вам ответила, мадам?

– То, что захотела! – раздраженно сказала Кристина. – Вы не находите, сударь, что этот допрос слишком затянулся? Что до меня...

Рауль, крайне взволнованный, перебил ее, чтобы не дать ей произнести слова окончательного разрыва:

– Простите, что я так с вами говорил, мадемуазель. Вы прекрасно знаете, какое благородное чувство вынуждает меня сейчас вмешиваться в дела, которые, без сомнения, меня не касаются. Но позвольте мне рассказать то, что я видел, а я видел больше, чем вы можете себе представить, Кристина... или, скорее, то, что мне привиделось, потому что, по правде говоря, в такой ситуации немудрено не поверить своим глазам...

– Так что же вы видели, сударь, или что вам привиделось?

– Я видел ваш восторг при звуках этого голоса, Кристина! Голос, который доносился прямо из стены или откуда-то из соседней гримерной... Да, ваш восторг! Именно это и страшит меня. Вы попали под влияние самого опасного очарования. И все же мне кажется, что вы понимаете, что это обман, поскольку теперь говорите, что никакого гения музыки не существует... Но зачем тогда вы последовали за ним и на этот раз? Почему вы поднялись с таким сияющим лицом, будто действительно слышали ангелов? О, этот голос очень опасен, Кристина, потому что я сам, слушая его, был так очарован, что даже не могу сказать, каким образом вы исчезли прямо у меня на глазах... Кристина! Кристина! Ради всего святого, ради вашего отца, который сейчас на небе и который так любил вас, да и меня тоже, скажите нам – мне и вашей матушке: кому принадлежит этот голос? И мы спасем вас, даже против вашей воли! Итак, имя этого человека, Кристина? Человека, который осмелился надеть вам на палец золотое кольцо?

– Господин де Шаньи, – холодно заявила девушка, – вы никогда этого не узнаете!

В этот момент послышался резкий голос матушки Валериус, которая, видя, с какой враждебностью ее подопечная обратилась к виконту, вдруг приняла сторону Кристины:

– Если она любит того человека, господин виконт, то это вас не касается!

– Увы, мадам, – смиренно ответил Рауль, не в силах удержать слезы. – Увы! Я действительно думаю, что Кристина его любит. Все говорит об этом, но не только это приводит меня в отчаяние, потому что я вовсе не уверен, мадам, что человек, которого любит Кристина, достоин этой любви!

– Только я могу судить об этом, сударь, – сказала Кристина, глядя Раулю в глаза; лицо ее выражало крайнее раздражение.

– Когда для соблазнения девушки, – продолжал Рауль, чувствуя, что силы покидают его, – используют столь романтические средства...

– То значит – либо мужчина негодяй, либо девушка на редкость глупа?

– Кристина!

– Рауль, как вы можете выносить такой приговор человеку, которого никогда не видели, которого никто не знает и о котором вам самому ничего не известно?

– Это не так, Кристина. По крайней мере, я знаю его имя, которое вы намереваетесь вечно скрывать. Вашего Ангела Музыки, мадемуазель, зовут Эрик!

Кристина тотчас же выдала себя... Она побелела, как алтарный покров, и пробормотала:

– Кто это вам сказал?

– Вы сами.

– Как это?

– В тот вечер, во время бала-маскарада, когда вы так о нем сокрушались. Разве, войдя в свою примерную, вы не произнесли: «Бедный Эрик!»? Так вот, Кристина, вы и не знали, что вас слышит бедный Рауль.

– Значит, вы опять подслушивали за дверью, господин де Шаньи!

– Я был вовсе не за дверью! Я был в комнате!.. В вашем будуаре, мадемуазель.

– Несчастный! – простонала девушка с неописуемым ужасом. – Несчастный! Вы что же, хотите, чтобы вас убили?

– Может быть.

Рауль произнес это «может быть» с такой любовью и отчаянием, что Кристина не смогла сдержать рыданий.

Потом она взяла его руки в свои и посмотрела на него со всей нежностью, на какую была способна, и юноша почувствовал, что его боль уже прошла.

– Рауль, – сказала она, – вы должны забыть о «мужском голосе» и больше никогда не вспоминать даже его имя... И никогда не пытаться проникнуть в его тайну.

– А что, эта тайна так ужасна?

– Нет на свете ничего страшнее!

Молодые люди замолчали. Рауль был удручен.

– Поклянитесь, что вы не попытаетесь узнать, – настаивала она. – Поклянитесь, что никогда не зайдете в мою примерную, если я сама вас не позову.

– Но вы обещаете хоть иногда меня приглашать, Кристина?

– Обещаю вам это.

– Когда же?

– Завтра.

– Тогда я клянусь!

В тот день это были их последние слова.

Он поцеловал ей руки и ушел, проклиная Эрика; он решил быть терпеливым.

Глава 12

На чердаке

На следующий день он встретил ее в Опере. На пальце Кристины по-прежнему блестело золотое кольцо. Она была нежной и доброй. Она расспрашивала его о планах на будущее, о карьере. Он ей сообщил, что отъезд полярной экспедиции состоится раньше, чем было намечено, и что через три недели, самое позднее через месяц, он покинет Францию.

Она восприняла это известие с радостью, почти весело сказала, что это послужит началом его будущей славы. Когда же он ей ответил, что слава без любви не имеет в его глазах никакой привлекательности, она сочла это ребячеством, пытаясь утешить его тем, что все его неприятности скоро пройдут.

– Как вы можете, Кристина, с такой легкостью говорить о столь серьезных вещах? А что, если мы никогда больше не увидимся?! Я могу умереть во время этой экспедиции...

– Я тоже, – просто сказала она.

Она больше не улыбалась и не шутила. Она, казалось, была поглощена чем-то иным, что ей только что пришло на ум. Ее глаза неожиданно просияли.

– О чем вы думаете, Кристина?

– Я думаю о том, что мы больше не увидимся.

– И оттого вы так просияли?

– И что через месяц нам придется распрощаться... навсегда.

– Но по крайней мере, мы можем обручиться и дать слово ждать друг друга.

Она прикрыла ему рот ладонью:

– Молчите, Рауль... Об этом не может быть и речи, вы хорошо это знаете! И мы никогда не поженимся. Это решено!

Казалось, она с трудом сдерживает неожиданно охватившую ее радость. Она с детской живостью захлопала в ладоши, и сбитый с толку Рауль с беспокойством посмотрел на нее.

– Хотя... – добавила она, протягивая юноше обе руки, словно вдруг решила сделать ему подарок. – Хотя, если уж мы не можем пожениться, то можем... можем устроить помолвку. И никто, кроме нас, об этом не узнает, Рауль. Бывают же тайные браки, значит могут быть и тайные помолвки? Итак, на один месяц мы помолвлены! Через месяц вы уезжаете, и я всю жизнь буду счастлива, вспоминая об этом месяце.

Она была в восторге от своей идеи. Потом сделалась серьезной:

– Это счастье никому не причинит зла.

Рауль понял. Объятый воодушевлением, он захотел немедленно претворить этот замысел в реальность. Он склонился перед Кристиной с бесподобным смирением и воскликнул:

– Мадемуазель, я имею честь просить вашей руки!

– Да они обе уже ваши, дорогой мой жених... О Рауль, как мы будем счастливы!.. Мы будем играть в жениха и невесту.

«Какое неблагоразумие с ее стороны, – подумал Рауль. – Не пройдет и месяца, как я заставлю ее забыть об этом „голосе“ или проникну и разрушу эту „тайну мужского голоса“, а еще через месяц Кристина согласится стать моей женой. А пока – пусть будет так!»

Это была самая прекрасная игра в мире, и они отдавались ей, как маленькие дети, какими, в сущности, они и были. Ах, какие волшебные слова говорили они друг другу! Какими клятвами обменивались! Мысль о том, что через месяц не с кого будет спросить эти клятвы, приводила их в замешательство, которым они упивались с каким-то горьким наслаждением, где-то между смехом и слезами. Они играли в клятвы, как другие играют в мяч, только перебрасывали два сердца, поэтому приходилось играть очень-очень ловко, чтобы не причинить им

боли. Однажды – на восьмой день их игры – сердце Рауля не выдержало, и юноша неожиданно прервал партию, решительно бросив:

– Я не еду на Северный полюс.

Кристине, которая по наивности не предполагала такой возможности, вдруг открылась вся опасность этой жестокой игры, и она с горечью упрекнула себя в этой нелегкой затее. Ни словом не ответив Раулю, она ушла домой.

Сцена разыгралась после обеда в ее гримерной, где назначались свидания и устраивались маленькие пиры из трех бисквитов, пары рюмок портвейна и букетика фиалок на столе.

В тот вечер у нее не было спектакля. И он не получил обычного письма, хотя они обещали писать друг другу каждый вечер в течение этого месяца. На другое утро он побежал к матушке Валериус, которая сказала ему, что Кристина отсутствует вот уже второй день. Она ушла накануне вечером в пять часов, сказав, что вернется не раньше чем послезавтра... Рауль был потрясен. Он возненавидел матушку Валериус, которая преподнесла эту новость с удручающим спокойствием. Он попробовал вытянуть из нее еще что-нибудь, но добрая старушка больше ничего не знала. На расспросы влюбленного до безумия юноши она просто повторяла:

– Это секрет Кристины. – При этом старушка трогательно и торжественно воздевала палец вверх, призывая к молчанию и одновременно пытаясь утешить юношу.

– Ах вот как! – Разозленный Рауль стремительно выскочил на лестницу. – Да, у этой матушки Валериус юные девицы находятся под надежной охраной, – бормотал он на бегу как сумасшедший.

Но где же может быть Кристина? Два дня... Целых два дня выпали из отпущенного им счастливого месяца! И это ее вина!.. Ведь ей было известно, что он скоро должен уехать! Но если он принял решение не уезжать, то зачем сказал об этом так рано? Теперь он обвинял себя в неосторожности, на протяжении сорока восьми часов считал, что он несчастнейший из людей, а затем Кристина объявилась так же неожиданно, как исчезла.

Она появилась с триумфом. Триумфом, сравнимым с незабываемым успехом на гала-концерте.

После того известного случая с «жабой» Карлотта не решалась предстать на сцене: сердце ее трепетало в предчувствии неминуемого срыва, это отнимало у нее все силы. Сцена Оперы, свидетель ее необъяснимого поражения, стала ей ненавистна. Она нашла способ расторгнуть контракт, и тотчас Кристину уговорили занять ее место. Ее ждал невероятный успех в «Жидовке».

Разумеется, виконт присутствовал на спектакле и был единственным, кому тысячекратное эхо нового триумфа Кристины доставляло страдания, потому что Кристина по-прежнему носила то золотое обручальное колечко.

– Сегодня она снова надела это кольцо, но не ты подарил его. Она снова отдала всю свою душу, но не тебе, – такие слова прошептал на ухо юноше чей-то далекий голос. И продолжал: – Если она не захочет рассказать, чем была занята эти два дня, если скроет, где нашла убежище, пойдй к Эрику и спроси у него сам!

Он кинулся бегом за сцену и преградил ей путь. Она увидела его, поскольку искала его взглядом. Она сказала ему:

– Скорее! Скорее! Идемте!

И увлекла его в гримерную, оставив без внимания толпу поклонников восходящей звезды; те перешептывались перед закрывшейся дверью:

– Вот это скандал!..

Рауль упал на колени. Он поклялся ей, что скоро уедет, и умолял не лишать его больше ни единого часа из того недолгого счастья, что было ему обещано. Она разразилась слезами. Они обнялись безутешно, как брат с сестрой, которых недавно постигла утрата и которые встретились, чтобы оплакать ее.

Вдруг она вырвалась из нежных и робких объятий юноши и прислушалась к чему-то, слышному только ей, потом молча, жестом указала Раулю на дверь. Когда он был на пороге, она сказала, но так тихо, что виконт скорее угадал, чем услышал ее слова:

– До завтра, жених мой. И будьте счастливы, Рауль, ведь сегодня я пела только для вас.

Он откланялся. На следующий день он почувствовал, что прежнее очарование их любовной игры исчезло. Они грустно переглядывались, сидя в гримерной, молчали, не зная, что сказать друг другу. Рауль с трудом удерживался, чтобы не крикнуть: «Я ревную! Ревную!» Но она все же услышала это.

Она предложила:

– Пойдемте прогуляемся на свежем воздухе.

Рауль сначала подумал, что она предлагает ему отправиться за город, подальше от этого монументального здания, которое он теперь ненавидел как тюрьму, которая неусыпно охраняется тюремщиком по имени Эрик... Однако она провела его на сцену и усадила на деревянную приступку у фонтана, где они долго сидели в обманчивом покое декораций, установленных для предстоящего спектакля.

На другой день, держась за руки, они бродили по покинутым аллеям сада, с листвой и ветвями, подрезанными умелой рукой декоратора, как если бы реального неба, цветов, земли им не суждено было увидеть. Им, приговоренным дышать лишь воздухом театра. Юноша старался не задавать ей вопросов, потому что сразу понял, что она на них не ответит, а он не хотел попусту огорчать ее. Время от времени в отдалении проходил пожарный, поглядывая издали на их меланхолическую идиллию. Иногда она храбро пыталась обмануть и себя, и своего спутника фальшивой красотой этого искусственного пейзажа – иллюзии, морочащей человеческое воображение... Ей казалось, что природа не способна сотворить эти ярчайшие цвета и эти необыкновенные формы. Она с восхищением оглядывала все, что их окружало, а Рауль нежно сжимал ее пылающую руку.

Она говорила:

– Смотрите, Рауль, эти стены, деревья, кусты, эти написанные на холсте декорации видели самую возвышенную любовь, созданную воображением поэтов, которые стоят на сотню локтей выше обычных людей. Признаемся, что наша любовь, Рауль, тоже живет здесь, ибо она также выдумана, она – увы! – лишь иллюзия!

Рауль не отвечал, и она продолжила:

– Любви слишком грустно на земле, давайте вознесем ее на небеса! Смотрите, как там все просто.

И она увлекла его за собой выше, выше искусственных облаков, свисавших в живописном беспорядке с решетки; доводя его до головокружения, она бесстрашно перебежала по шатким перекрытиям арок, среди множества тросов, соединенных с бесчисленными шкивами, лебедками, барабанами, посреди настоящего воздушного леса снастей и мачт. Увидя, что он колеблется, она бросала ему с очаровательной гримасой:

– Эх вы, а еще моряк!

Потом они сошли на твердую землю, попав в какой-то коридор, который привел их в пространство, заполненное смехом, танцами и детской радостью, прерываемой строгим голосом: «Плавнее, плавнее, мадемуазель! Следите за носком!» Это был танцевальный класс, где занимались девочки от шести до десяти лет – уже в декольтированных корсажах, воздушных пачках, белых панталончиках и розовых чулочках; они работали изо всех сил, напрягая маленькие, болевшие от усталости ступни ног в надежде когда-нибудь получить партию корифейки, маленькую, но уже самостоятельную роль, а со временем, может быть, стать примой и блистать бриллиантами. Кристина угостила их конфетами.

Назавтра она привела его в просторный зал своего дворца, полный театральной мишуры, рыцарских доспехов, оружия и плюмажей; словно проводя смотр, она обошла вереницу непо-

движных, покрытых пылью, но по-прежнему воинственных призраков. Она обратилась к ним с ласковой речью, пообещав, что они еще увидят залитую ослепительным светом сцену, спектакли и профецируют вдоль рампы под раскаты оркестра.

Она обошла таким образом всю свою империю, искусно сотворенную на огромном, в семнадцать этажей, пространстве, населенную полчищами персонажей. Она ступала среди них, как добрая королева, поощряя подданных к работе. Она заходила в мастерские, давала мудрые советы работницам, чьи руки так и сновали над великолепными тканями, которым суждено было одеть героев будущих постановок. Жители этой страны были мастера на все руки – от сапожного ремесла до ювелирного дела. Все они любили Кристину, а она вникала в их заботы и маленькие слабости. Ей были известны глухие уголки, где втайне от дирекции обретались дряхлые супружеские пары. Она стучала в их двери, знакомила их с Раулем – сказочным принцем, который попросил ее руки, и оба, присев на источенные жучком стулья, слушали легенды Оперы, как некогда в детстве слушали старые бретонские сказки. Эти старики уже не помнили ни о чем, кроме того, что касалось Оперы. Они жили здесь бог знает сколько лет. То и дело менявшееся руководство и не ведало об их существовании, дворцовые перевороты не задевали их, там, снаружи, кипела жизнь, вершилась история Франции, и никто не вспоминал о них.

Так один за другим утекали драгоценные дни, а Рауль и Кристина за интересом к внешнему миру неумело пытались скрыть друг от друга и от самих себя то единственное, чем были полны их сердца. Разве что порой с Кристиной, которая обычно лучше владела собой, случался сильнейший нервный срыв. Она то принималась бегать туда-сюда без всякой причины, то вдруг резко останавливалась и сильно сжимала Раулю руку своей внезапно похолодевшей рукой. При этом глаза, казалось, следили за воображаемой таинственной тенью. Она вскрикивала: «Сюда! За мной! Скорее!», смеясь задышающимся смехом, который часто сменялся слезами. Раулю порой хотелось поговорить с ней, несмотря на обещание, расспросить обо всем, хотя он обязался не делать этого. Однако он не успевал даже сформулировать вопрос, как она лихорадочно бросала ему:

– Ничего!.. Клянусь вам, ничего нет!

Однажды, когда они проходили по сцене перед распахнутым люком, Рауль склонился над темной пещерой и сказал:

– Вы показали мне верхние этажи вашего царства, Кристина, но в его подземельях, говорят, случаются странные истории; не хотите ли спуститься туда?

Услышав это, она обхватила его руками, будто опасалась, что он исчезнет в черной дыре, и с дрожью в голосе прошептала:

– Никогда! Я вам запрещаю ходить туда! И потом, это не мое. Все, что под землей, принадлежит ему.

Взгляды их скрестились, и Рауль хрипло спросил:

– Значит, он живет в подземелье?

– Я вам этого не говорила!.. Кто вам такое сказал? Идемте же! Знаете, Рауль, я иногда задаюсь вопросом: не сходите ли вы с ума? Вы все время слышите что-то необычайное! Пойдемте отсюда.

И она буквально силой увела его, хотя он хотел остаться возле люка, его так и тянуло туда.

Вдруг люк со стуком захлопнулся, да так внезапно, что они не заметили, кто бы смог это сделать; они оба застыли на месте, почти оглушенные.

– Может, это был он? – тихо спросил Рауль.

Она пожала плечами, заявив не совсем убежденно:

– Нет, нет! Это «закрывальщики дверей», которые следят за люками. Надо же им что-то делать! Они открывают и закрывают их просто так, без всякой причины. Чтобы заполнить время – ну, как швейцары в подъездах.

– А если это он?

– Да нет же! Нет! Он заперся у себя. Он сейчас работает.

– А? В самом деле? Он работает?

– Да. Не может же он открывать и закрывать люки и в то же время работать. Мы можем быть спокойны.

При этом она вздрогнула.

– Над чем же он работает?

– О, это что-то ужасное! Когда он работает над этим, то ничего не видит: не ест, не пьет, даже не дышит... Целыми днями и ночами. Как живой труп... и у него нет времени возиться с люками.

Она снова вздрогнула и чуть склонилась, будто прислушиваясь к чему-то в той стороне. Рауль предоставил ей действовать. Он боялся, что звук его голоса может заставить ее одуматься, остановить слабый поток ее признаний.

Она оставалась с ним, по-прежнему держа его за руку.

– А вдруг это он?! – выдохнула она.

– Вы его боитесь? – нерешительно спросил Рауль.

– Да нет! Нет!

Юноша почувствовал к ней невольную жалость; Кристина как будто еще не опомнилась от недавнего дурного сна. Он собирался сказать ей: «Не бойся, ведь я же здесь», он протянул руку, но жест его невольно получился угрожающим; Кристина с удивлением взглянула на него, осознав, что сей храбрый и доблестный рыцарь бессилен защитить ее. Она обняла бедного Рауля, как сестра, признательная за то, что брат пытается, грозя сжатым кулачком, защитить ее от опасностей, которыми всегда чревата жизнь.

Рауль понял и покраснел от стыда... Он чувствовал себя таким же слабым, как она. «Она только делает вид, что не боится, но, дрожа от страха, пытается увести меня от люка», – подумал он. Это и вправду было так.

Со следующего дня они унесли свое целомудренное чувство под самую кровлю, подальше от люков. Часы текли, лишь усиливая беспокойство Кристины. Однажды в послеполуденный час она пришла с опозданием; в бледности ее лица, во взгляде покрасневших глаз билась такая безнадежность, что Рауль решился идти до конца, объявив ей напрямик, что отправится к Северному полюсу только в том случае, если она откроет тайну «голоса».

– Замолчите! Во имя Неба, замолчите! Что, если он вас слышал, бедный мой Рауль?!

И взгляд девушки заметался по сторонам.

– Я вырву вас из его власти, Кристина, клянусь вам! Необходимо, чтобы вы перестали даже думать о нем.

– Возможно ли это?

Она опрометчиво позволила себе это сомнение и тут же потащила юношу на самый верх театра, как можно дальше от люков.

– Я спрячу вас в таком укромном месте, где он никогда не додумается искать вас. Вы будете спасены, и тогда я уеду, ведь вы поклялись никогда не выходить за меня замуж.

Кристина бросилась к нему, и руки Рауля подхватили ее. Потом она снова с тревогой оглянулась.

– Выше! – проговорила она. – Еще выше! – И опять потащила его наверх.

Он едва поспевал за ней. Скоро они оказались под самой крышей, в настоящем лабиринте, скользя между аркбутанами, стропилами, опорами, каркасными стенками; они перебежали под скатами от балки к балке, как в лесу – от дерева к дереву, огибая огромные стволы.

Но несмотря на все предосторожности, Кристина, поминутно оглядывавшаяся назад, не заметила тени, которая следовала за ней неотрывно, – как и подобает настоящей тени, она застывала, когда они останавливались, возобновляла путь вместе с ними, производя шума не

больше, чем положено тени. Рауль также ничего не заметил: когда Кристина была рядом, ничто в мире для него больше не существовало.

Глава 13

Ли́ра Аполло́на

Так они выбрались на крышу. Кристина скользнула на нее легко и непринужденно, как ласточка. Ее взгляд охватил пустынное пространство между тремя куполами и треугольным фронтоном – в долине Парижа повсюду кипела работа. Потом глубоко вдохнула в себя вечерний воздух и доверчиво посмотрела на Рауля. Она подозвала его к себе, и они бок о бок пошли на такой высоте по мостовым, выложенным цинком, по улицам из чугуна. Их двойной силуэт отражался в объемных резервуарах с застывшей водой, где в разгар лета резвятся и учатся плавать два десятка мальчишек из танцкласса. Тень по-прежнему следовала за ними, она распласталась на крыше, размахивая черными крыльями на перекрестке железных улочек, кружа вокруг бассейнов, неслышно огибая купола, а несчастные влюбленные и не подозревали о ее присутствии, находясь под высоким покровительством Аполлона, чья отлитая в бронзе рука воздевала волшебную лиру к объятому огнем небу.

Вечер был напоен весенней истомой. Над головой молодых людей плыли облака в легких золотисто-пурпурных одеждах. Кристина заметила:

– Скоро мы улетим – быстрее, чем эти облака, на край света, и вы меня покинете, Рауль. А если в момент отлета я не захочу последовать за вами, тогда, Рауль, вы меня похитите.

Она произнесла это с удивительной силой, как бы стремясь перебороть внутренние сомнения. Юноша невольно вздрогнул:

– Значит, вы боитесь, что ваши планы изменятся?

– Не знаю, – сказала она, странно качнув головой. – Он просто демон!

Ее слегка затрясло, с тихим стоном она упала в его объятия.

– Теперь мне было бы страшно поселиться с ним там – под землей.

– Что же вас принуждает вернуться туда, Кристина?

– Если я не вернусь к нему, могут случиться большие несчастья. Но я больше не могу! Не могу! Я знаю, что надо жалеть тех, кто живет под землей. Но этот человек слишком ужасен! И между тем назначенный срок близок, остался только один день, и, если я не вернусь, он сам придет за мной... со своим голосом. Он уведет меня с собой, к нему, в подземелья Оперы, встанет на колени, склонит свой череп и скажет, что любит меня. И будет плакать... Ах эти слезы... Рауль, эти слезы, что катятся из двух черных отверстий в жутком черепе, приводят меня в ужас! Я не могу больше этого видеть!

Она заломила руки, и Рауль, которому передалось ее отчаяние, крепко прижал ее к сердцу:

– Нет, нет! Вы никогда больше не услышите его признаний! Никогда больше не увидите его струящихся слез. Бежим, скорее бежим, Кристина!

Он потянул ее за собой, но она остановила его.

– Нет, – сказала Кристина, горестно покачав головой. – Теперь невозможно. Теперь это было бы слишком жестоко... Пусть он еще раз услышит мое пение завтра вечером. В последний раз. А потом мы с вами убежим. В полночь вы придете в мою гримерную, ровно в полночь. В этот момент он будет ждать меня в своем доме на озере... Мы будем свободны, и вы увезете меня! Но если я откажусь... вы должны мне поклясться, Рауль, что увезете меня силой, ведь я чувствую, что на этот раз если вернусь к нему, то никогда уже не выйду оттуда... – Помолчав, она добавила: – Вам не понять меня.

Она испустила вздох, и Раулю почудилось, что до него донесся ответный вздох.

– Вы ничего не слышали? – спросила она, стуча зубами от страха.

– Нет, – солгал, чтобы ее успокоить, Рауль. – Я ничего не слышал.

– Как это ужасно, – прижалась к нему Кристина, – все время дрожать от страха. Но здесь для нас нет опасности, здесь мы у себя дома; да, да, это мой дом. День в разгаре, светит солнце, а ночные птицы не любят смотреть на солнце... Я никогда не видела его в свете дня. Должно быть, это ужасно, – пробормотала она, испуганно взглянув на Рауля. – Когда я увидела его в первый раз, мне показалось, что он вот-вот умрет.

– Почему? – спросил Рауль, в самом деле пораженный таким поворотом невероятного признания Кристины. – Отчего вы так решили?

– Потому что я его видела! Он едва не умер от отчаяния, когда я увидела его уродство. На этот раз Рауль и Кристина обернулись одновременно.

– Здесь кто-то вздохнул... – проговорил Рауль. – Может быть, ему больно?.. Вы слышали?

– Не могу ничего вам сказать, – обреченно призналась Кристина. – Даже когда его нет здесь, в ушах у меня все звучат его вздохи. Но если вы что-то услышали...

Поднявшись, они огляделись вокруг. Они были совсем одни на огромной свинцовой крыше. Это их несколько успокоило.

– Как вы с ним встретились? – спросил Рауль.

– Три месяца назад я впервые услышала его голос. Я подумала, этот необыкновенно приятный голос звучит совсем рядом со мной, в соседней гримерной. Я даже вышла и искала певца, но моя гримерная расположена в стороне, изолированно от других – вы же знаете, Рауль, – и за стеной никого быть не может. Но этот голос по-прежнему звучал прямо в моей комнате: пел, разговаривал со мной, отвечал на мои вопросы, это был настоящий мужской голос, с той только особенностью, что он был прекрасен, как голос ангела. Как могла я объяснить такое невероятное явление? Представьте, я никогда не забывала этой легенды об Ангеле Музыки, которого папа обещал прислать мне после своей смерти. Я осмеливаюсь рассказать вам о подобном ребячестве, потому что вы знали моего отца и потому что он любил вас. Ребенком вы, так же как и я, верили в Ангела Музыки, и я уверена, что вы не будете ни смеяться, ни иронизировать надо мной. Друг мой, во мне сохранилась нежная и преданная душа маленькой Лотты; и уж конечно, жизнь в обществе матушки Валериус не могла изменить меня. И вот я, по своей наивности, своими руками вручила душу этому «голосу», думая, что вручаю ее ангелу. Моя приемная мать, которой я поведала об этом странном явлении, тоже сказала мне: «Это, должно быть, ангел, я в этом уверена, да ты можешь сама спросить его об этом». В ответ на мой вопрос «голос» ответил мне, что он на самом деле ангел, которого я жду и которого обещал прислать ко мне умирающий отец. С того момента мы почти сроднились с «голосом». Я питала к нему абсолютное доверие. Он сказал также, что спустился на землю, чтобы я могла изведать высшую радость вечного искусства, и попросил у меня позволения давать мне уроки музыки каждый день. Конечно, я с жаром дала согласие и не пропустила ни одной встречи; мы занимались в гримерной – в этом уголке Оперы никого не бывает. Ах, что это были за уроки! Даже вы, хотя тоже слышали тот голос, не можете себе представить это.

– Разумеется, не представляю, – подтвердил юноша. – А на чем он себе аккомпанировал?

– Я не знаю, что за инструмент звучал за стеной, но это была ни с чем не сравнимая музыка. «Голос» будто знал, какой метод использовал отец, обучая меня пению, и в какой момент наши занятия прервала его смерть. Вот так я вспомнила – вернее, мое горло – все пройденные с отцом уроки, и эти воспоминания, наряду с новыми советами, помогли мне резко продвинуться вперед; для такого прогресса обыкновенно требуются долгие годы. Видите ли, у меня довольно хрупкое сложение, и голос мой поначалу не отличался хорошей постановкой, особенно нижний регистр, верх звучали жестко, а средний регистр был тусклым. С этими недостатками пытался справиться мой отец и, кажется, почти добился своего, а «голос» помог отшлифовать достигнутое. Мало-помалу мой диапазон значительно расширился, чего вряд ли можно было ожидать при моей врожденной слабости, и я научилась правильному дыханию. А кроме того, «голос» открыл мне секрет, как разработать грудной регистр. Наконец, он помог

объять все это священным огнем вдохновения, он разбудил во мне какую-то высшую пылающую жизнь. Ему присущ удивительный дар: заставив меня прислушиваться к себе, он вознес мою душу до своих высот. Он вселился в меня, излучая гармонию.

Через несколько недель я сама едва узнавала свое пение. Это ужасало меня, вселяло страх... Однажды почудилось, что за всем этим стоит колдовство, но матушка Валериус успокоила меня. Она считала маловероятным, чтобы такая простая девушка представляла какой-то интерес для демона.

По указанию «голоса» мои успехи оставались тайной для всех, кроме него, матушки Валериус и меня самой. Странно, но за пределами своей гримерной я пела как всегда, и никто ничего не замечал. Я делала все, что велел мне «голос». Он говорил мне: «Нужно подождать, и вы увидите, мы удивим весь Париж!» И я ждала. Я жила будто в каком-то экстатическом сне, где всем распоряжался «голос». Между тем, Рауль, однажды вечером я увидела вас в зале и даже не пыталась скрыть свою радость, вернувшись в свою гримерную. К несчастью, «голос» был уже там и по моему лицу понял, что случилось нечто необычное. Он расспросил меня, и я откровенно рассказала ему о нашем знакомстве, не видя в том ничего неприличного, не скрывая того, какое место вы занимаете в моем сердце. После этого «голос» замолчал, я звала его, он не отвечал; я умоляла, но все было напрасно. Вне себя от огорчения, я испугалась, что он ушел навсегда. Дай-то бог, мой друг! В тот вечер я вернулась домой, утратив надежду. Я бросилась на шею к матушке Валериус, сказав ей, что «голос» ушел и никогда больше не вернется. Она была обеспокоена не меньше меня и начала расспрашивать. Я рассказала все. И она заметила: «Черт побери! Значит, „голос“ ревнив!» Это, друг мой, заставило меня подумать, что я люблю вас.

Кристина прервала свой монолог. Она положила голову на грудь Раулю, и на несколько мгновений они застыли, сжимая друг друга в объятиях. Чувства, одолевавшие их, были столь сильными, что они не увидели или, скорее, не почувствовали, что в нескольких шагах появилась тень, распластав большие черные крылья. Она подбиралась к ним по краю крыши все ближе, ближе, – казалось, еще немного, и она накроет их...

– На следующий день, – продолжила Кристина с глубоким вздохом, – я вернулась в свою гримерную совсем подавленная. «Голос» был там. Ах, мой друг, он говорил со мной так печально! Он прямо заявил мне, что, если я отдам свое сердце кому-либо здесь, на земле, ему останется лишь вернуться на небо. В этих словах сквозила такая человеческая боль, что с того дня я стала сомневаться в себе и вскоре поняла, что оказалась жертвой некоего странного обмана чувств. Но моя вера в то, что чудесное появление «голоса» связано с моим покойным отцом, вовсе не была поколеблена, я боялась только одного – что больше никогда его не услышу. С другой стороны, я поразмыслила о своем чувстве к вам и поняла всю его бессмысленность и даже опасность. Я даже не знала, помните ли вы меня. Как бы там ни было, ваше положение в свете не позволяло мне даже думать о нашем законном браке. Я поклялась «голосу», что для меня вы всего лишь брат и никем другим никогда не станете, что сердце мое свободно от земной любви... Вот причина, объясняющая, почему, мой друг, я опускала глаза, когда на сцене или в коридоре вы пытались привлечь мое внимание, вот почему я не узнавала вас. Все это время уроки, которые давал «голос», проходили в каком-то божественном, неистовом забвении. Никогда прежде я не ощущала так остро всю красоту звуков, и однажды «голос» сказал мне: «Теперь иди, Кристина Даэ, ты можешь дать людям прикоснуться к небесной музыке!»

Как получилось, что в тот вечер гала-концерта Карлотта не явилась в театр? Каким образом меня вызвали заменить ее? Я этого не знаю, но я пела... Пела с необыкновенным подъемом, с такой легкостью, будто у меня выросли крылья; на мгновение мне показалось, что моя пылающая душа покидает тело!

– О Кристина! – произнес Рауль, и его глаза увлажнились при этом воспоминании. – В тот вечер мое сердце трепетало при каждом звуке вашего голоса. Я видел, как слезы струились по вашим бледным щекам, и я плакал вместе с вами. Но как вы могли петь – петь сквозь плач?

– Силы в конце концов покинули меня, – отвечала Кристина, – я закрыла глаза... Когда я вновь их открыла, рядом со мной были вы. Но «голос» тоже был рядом, Рауль! Я испугалась за вас и снова сделала вид, что мы незнакомы, я разразилась смехом, когда вы напомнили мне о том, как подобрали шарф на морском берегу. Но, увы, невозможно было обмануть «голос»! Он сразу узнал вас. Его охватила ревность. Два дня подряд он устраивал мне дикие сцены. «Вы его любите! – восклицал он. – Если бы это было не так, вы бы его не избегали. „Старинный друг“, которому вы пожимаете руку, как всем прочим... – как бы не так! Вы бы не побоялись в таком случае остаться с ним наедине в вашей гримерной. Вы бы не прогнали его, если бы не любили его!» Тогда я резко сказала: «Довольно! Завтра я должна отправиться в Перррос на могилу отца и попрошу господина Рауля де Шаньи сопровождать меня». – «Это ваше право, – ответил он. – Только знайте, что я тоже буду в Перрросе, потому что я всегда рядом с вами, Кристина, и, если вы достойны меня, если вы мне не солгали, когда пробьет полночь, я сыграю на могиле вашего отца „Воскрешение Лазаря“ на скрипке покойного».

Вот так, друг мой, получилось, что я написала вам письмо, которое привело вас в Перррос. Как могла я обмануться до такой степени? Как, зная о всепоглощающей страсти «голоса», я не заподозрила обмана? Увы! Я не могла располагать собой, я была его вещью... А в распоряжении «голоса» были средства обвести вокруг пальца такого ребенка, как я.

– Но скажите наконец, – воскликнул Рауль в тот момент рассказа Кристины, когда эта детски-невинная девушка готова уже была разразиться слезами, – ведь вскоре вы узнали всю правду! Почему вы сразу не расстались с этим жутким кошмаром?

– Вам легко говорить! Расстаться с кошмаром... Но ведь я ощутила этот кошмар только в тот день, когда узнала всю правду! О, замолчите, замолчите! Я ничего вам не говорила. И теперь, когда нам предстоит спуститься с небес на землю, пожалейте меня, Рауль... Пожалейте... В тот вечер... В тот роковой вечер началось столько несчастий. Карлотта на сцене, казалось, превратилась в отвратительную жабу, издавая такие звуки, как будто прожила всю жизнь в болоте... Именно в тот вечер люстра с грохотом разбилась о паркет и зал вдруг погрузился в темноту. В тот вечер были убитые и раненые и весь театр содрогался от жалобных возгласов. Прежде всего, Рауль, в разгар этих ужасных событий я подумала о вас и о «голосе», потому что тогда вам обоим в равной степени принадлежало мое сердце. Тревога за вас рассеялась, как только я увидела вас в ложе вашего брата и поняла, что вам не грозит опасность. Что же касается «голоса», который предупредил меня, что будет присутствовать на спектакле, я за него боялась. Да, я действительно боялась, как будто он был обычным живым существом, которое может умереть. Я говорила себе: «Господи! А что, если люстра раздавит его?» Я находилась на сцене и была настолько потрясена, что собиралась бежать в зал и искать его среди мертвых и раненых. И тут я сообразила, что, если с ним не случилось ничего страшного, он должен уже быть в моей гримерной, чтобы успокоить меня. Я метнулась туда, но «голоса» там не было. Захлебываясь слезами, я затворила дверь, умоляя его откликнуться, если он жив. «Голос» не отвечал, но внезапно до меня донесся протяжный вибрирующий звук – звук, до боли знакомый. Это был плач Лазаря, когда, повинувшись голосу Иисуса, он начинает приподнимать веки и вдруг видит свет дня. То был плач отцовской скрипки. Я сразу узнала смычок Дазэ, тот самый звук, Рауль, который мы, застыв на месте, слушали на дорогах Перрроса, тот чарующий звук, который мы слышали в ту ночь на кладбище. А потом невидимый инструмент издал торжествующий возглас опьянения Жизнью, и наконец послышался «голос», он запел ключевую, парящую над всем тему: «Приди и поверь мне! Верующие в меня оживут! Спешите! Ибо не умрет тот, кто верит в меня!» Не знаю, как передать впечатление от этой музыки, которая воспевала вечную жизнь в тот момент, когда рядом с нами отдавали Богу душу те несчастные,

что были раздавлены ужасной люстрой. Мне показалось, что «голос» требует, чтобы я встала и пошла за ним. Он стал удаляться, я последовала за ним. «Приди и поверь мне!» Я верила ему, я шла все дальше, и – о, невероятно! – моя гримерная удлинялась... удлинялась... Очевидно, сказался эффект зеркал, потому что я двигалась к зеркальной стене. И тут я поняла, что нахожусь уже за пределами своей комнаты, не в силах осознать, как это произошло.

Рауль резко прервал девушку:

– Как! Вы сами этого не поняли? Кристина, Кристина! Как же можно грезить наяву?

– Я не гредила. Я очутилась за пределами моей гримерной непонятно как. Вы как-то вечером видели мое исчезновение, друг мой, может быть, вы объясните мне это, а я не могу. Скажу только, что я подошла к зеркалу и не увидела его перед собой, я стала искать его, шагнула вперед, но его не было, и гримерная тоже исчезла. Я оказалась в каком-то сыром темном коридоре... Я испугалась и стала кричать...

Вокруг все было черно, только вдали светильник слабым красноватым отблеском освещал угол стены, где коридор делал поворот. Я крикнула. Мой крик повис в темноте, поскольку пение и скрипка умолкли. И тут неожиданно во тьме чья-то рука опустилась на мое запястье. Вернее, нечто костлявое и ледяное уцепилось за мою руку и больше ее не отпускало... Я крикнула. Чья-то рука обхватила меня за талию и приподняла. Какое-то время я отбивалась в неопишемом ужасе, мои пальцы скользили по влажным каменным стенам, совершенно гладким. Потом я перестала шевелиться; я почувствовала, что вот-вот умру от страха. Мы оказались у красного светильника, и в слабом свете я увидела, что нахожусь в руках человека, закутанного в широкий черный плащ, лицо его было полностью скрыто под маской... Я сделала отчаянную попытку вырваться, тело мое напряглось, рот открылся для крика, но возле рта на лице я почувствовала ладонь... От нее исходил запах смерти! И я лишилась чувств.

Сколько времени я была без сознания? Не помню. Когда я открыла глаза, человек в черном и я – мы по-прежнему были в темноте. Потайной фонарь, поставленный на землю, струящийся фонтан. Вода, журча, лилась откуда-то из стены и исчезала под камнями, на которых я лежала; моя голова покоилась на коленях человека в плаще и в маске. Мой молчаливый спутник осторожно, внимательно, деликатно смачивал мне виски, и это мне показалось даже ужаснее, чем грубость, с которой он только что похитил меня. Его руки при всей легкости прикосновений источали запах смерти. Я слабым жестом отстранила их и прошептала: «Кто вы? Где „голос“?» Ответом был лишь вздох. Вдруг до моего лица дошла волна теплого дыхания, и в потемках, рядом с силуэтом человека в черном, я различила нечто белое. Человек в черном приподнял меня и положил на этот белеющий предмет. В моих ушах отдалось радостное ржание, и я прошептала: «Цезарь!» Животное вздрогнуло. Друг мой, я узнала того самого белого коня из «Пророка», которого нередко угощала сладостями. Однажды вечером в театре заговорили, что конь исчез, что его украл Призрак Оперы. Но я верила в «голос» и не верила ни в каких призраках, однако теперь я с трепетом спрашивала себя: уж не являюсь ли я пленницей Призрака? Я от всего сердца призвала на помощь «голос» и понятия не имела, что «голос» и Призрак – это одно и то же. Вы слышали о Призраке Оперы, Рауль?

– Слышал, – ответил юноша. – Но скажите, Кристина, что было с вами дальше, когда вы оказались на белом коне?

– Я не шевелилась и покорно лежала в седле. Мало-помалу гнев и ужас, в который меня повергло это жуткое приключение, сменились странным оцепенением. Некто в черном поддерживал меня, и я уже не делала ничего, чтобы освободиться. Удивительное ощущение покоя разлилось по телу, как будто я находилась под благотворным воздействием какого-то эликсира. Чувства были ясными. Глаза привыкли к темноте, впрочем, то здесь, то там вспыхивали слабые огоньки. Я поняла, что мы находимся в узкой галерее, проходящей по окружности через огромные подземелья Оперы.

Однажды, друг мой, всего лишь однажды, я спускалась сюда, но остановилась на третьем подземном этаже, не осмелясь идти вглубь подземелья. А между тем ниже простирались еще два этажа, где мог разместиться целый город. Но меня заставили обратиться в бегство мелькавшие внизу фигуры, и я поспешно вернулась наверх. Там, возле огромных котлов, стояли демоны в черном и, орудуя лопатами, вилами, ворошили горящие уголья, поддерживая пламя. По мере приближения угрожающе раскрывалась багровая пасть печи...

Так вот, в то время как Цезарь неспешно продвигался вперед в той кошмарной ночи, со мной на спине, я вдруг заметила там далеко совсем крошечных, будто в перевернутом бинокле, демонов в черном перед пылающими угольями калориферов. Эти существа то выныривали из темноты, то снова растворялись в ней... Наконец исчезли совсем. Некто в черном по-прежнему поддерживал меня, а Цезарь шел уверенно, сам отыскивая дорогу. Не могу даже приблизительно сказать вам, сколько времени длилось это шествие в ночи; казалось, что мы то и дело поворачиваем и спускаемся по какой-то бесконечной спирали все ниже и ниже, к самому центру преисподней, или, может быть, это у меня кружилась голова? Все же вряд ли это так. Голова моя оставалась ясной. В какой-то момент Цезарь расширил ноздри, шумно втягивая воздух, и понемногу ускорил шаг. Я почувствовала, что воздух стал влажным, и тут Цезарь остановился. Ночь стала светлее. Теперь нас окружало голубоватое свечение. Я огляделась, пытаюсь понять, где мы очутились. Мы находились на берегу озера, свинцовые воды которого терялись во мгле, но в голубом свете я разглядела маленькую лодку, привязанную к железному кольцу на мостках.

Разумеется, я слышала о существовании подземного озера, поэтому для меня в этом видении не было ничего сверхъестественного. Но вообразите, при каких исключительных обстоятельствах я оказалась на берегу! Души мертвых, приближающиеся к Стиксу, не могли бы ощущать большее беспокойство! Сам Харон не мог бы выглядеть более мрачным и немым, чем человек в черном, который перенес меня в лодку. Прекратил ли эликсир свое действие? Или свежий воздух окончательно привел меня в чувство? Но мое оцепенение развеялось, я сделала несколько движений, и все мои страхи возобновились. Видимо, мой мрачный спутник обратил на это внимание; резким жестом он отогнал Цезаря, который быстро растворился в темноте галереи, и до меня донесся только звонкий стук подков по каменным ступеням, потом человек отвязал лодку от железного кольца, сел за весла и начал быстро и сильно грести. Его глаза, поблескивавшие из-под маски, не отрывались от меня; я ощущала тяжелый взгляд неподвижных зрачков. Вокруг простирались тихие воды озера. Мы скользили в голубоватом свете, затем снова погрузились во тьму и причалили. Лодка ткнулась во что-то твердое. Меня вновь подхватили на руки. Я, собравшись с силами, закричала, но тут же замолкла при виде внезапно вспыхнувшего света. Сияние было просто ослепительным. Я зажмурилась; призвав все свое мужество, открыла глаза и увидела комнату, которая показалась мне просто наводненной цветами: нелепые цветочные корзины, обвитые шелковыми лентами, такие продаются в цветочных лавках на бульварах, слишком разряженные, – точно такие я обыкновенно находила в своей гримерной после каждой премьеры. Так вот, в центре этого типично парижского назойливого великолепия возвышался человек в черном плаще и маске, со скрещенными на груди руками; он произнес: «Успокойтесь, Кристина, вам ничто не грозит».

Это был «голос»!

Моя ярость была не меньшей, чем изумление. Я бросилась к нему, желая сорвать маску и увидеть лицо «голоса». Человек повторил мне: «Для вас нет ни малейшей опасности, Кристина, если только вы не тронете маску». И, мягко обхватив мои запястья, он заставил меня сесть. Потом упал передо мной на колени, не говоря ни слова.

Этот униженный жест придал мне храбрости, тем более что свет, ясно очерчивающий все предметы вокруг, вернул меня к ощущению реальности. Каким бы невероятным ни казалось это приключение, теперь я находилась среди земных обычных вещей, которые можно уви-

деть и потрогать. Обои на стенах, мебель, подсвечники, вазы, а также цветы в раззолоченных корзиночках, о которых я даже могла бы сказать, где и за сколько они были куплены, каким-то фатальным образом возвращали мое воображение в атмосферу обычного салона, столь же банального, как прочие, и пошлость обстановки несколько извиняло то, что он находится в подземелье Оперы. Несомненно, я оказалась в руках какого-то невероятного сумасброда, который, как и многие другие, почему-то тайно поселился в подвалах Оперы с молчаливого попущительства администрации, отыскав приют в самом фундаменте этой современной Вавилонской башни, где интригуют, поют и объясняются в любви на разных языках и наречиях.

И потом, «голос», который невозможно было не узнать, стоял передо мной на коленях, и он был обычным человеком!

Я больше не думала о скверной ситуации, в которую попала, я даже не задавалась вопросом, что со мной будет, замысел какого хладнокровного тирана забросил меня в этот салон и какая роль мне уготована: узницы или рабыни в гареме. Нет, я лишь повторяла: «„Голос“ – всего лишь человек!» И вдруг разразилась слезами.

Человек, все еще стоявший на коленях, понял причину моих слез, он произнес: «Да, Кристина! Я не ангел, не гений и не призрак... Я – Эрик!»

Здесь рассказ Кристины снова был прерван. Молодым людям почудилось, что позади них прокатилось эхом: «Эрик!» Откуда взялось эхо? Они обернулись и только теперь осознали, что уже наступила ночь. Рауль пошевелился, собираясь встать, но Кристина удержала его:

– Останьтесь! Необходимо, чтобы вы узнали все именно здесь.

– Почему здесь, Кристина? Я боюсь, что вам вредна ночная прохлада.

– Нам следует опасаться только люков, мой друг, а здесь мы на краю света... Кроме того, я не имею права видиться с вами вне театра. Сейчас не время пререкаться. Не будем давать повода для подозрений.

– Кристина! Кристина! Что-то мне подсказывает, что было бы ошибкой ждать завтрашнего вечера – нам надо бежать немедленно!

– Я же сказала вам: если он не услышит меня завтра вечером, это причинит ему огромную боль.

– Нельзя расстаться с Эриком навсегда и при этом не причинить ему боль...

– Вы правы, Рауль, он не переживет моего бегства. Но шансы у нас равны, – добавила она приглушенно, – поскольку мы тоже рискуем: он может убить нас.

– Так он вас очень сильно любит?

– Настолько, что готов пойти на все, даже на преступление.

– Но ведь его убежище просто обнаружить. Можно пойти туда. Если Эрик никакой не призрак, а обычный человек, с ним можно поговорить и даже силой добиться ответа.

Кристина покачала головой:

– Нет, нет! От него можно только бежать! Невозможно противопоставить что-либо Эрику.

– Но ведь у вас была возможность бежать, почему же вы к нему вернулись?

– Так было нужно. Вы это поймете, когда узнаете, как я ушла от него...

– Ах, до чего же я его ненавижу! – воскликнул Рауль. – А теперь, Кристина, прежде чем выслушать вашу необыкновенную любовную историю до конца, я хотел бы знать: вы его ненавидите?

– Нет! – коротко ответила Кристина.

– Что ж, зачем тогда столько слов? Вы его действительно любите! Ваш страх и ваш ужас – все это потаенная любовь. В этом обычно не отдают себе отчета, – с горечью бросил Рауль. – Даже мысль об этом бросает в дрожь. Еще бы: любовь к человеку, живущему во дворце под землей!

Юноша усмехнулся.

– Я вижу, вы хотите, чтобы я вернулась туда! – резко сказала ему Кристина. – Берегитесь, Рауль, я говорю вам: я уже не вернусь оттуда!

Тягостное молчание повисло над ними – несчастными влюбленными и притаившейся сзади тенью, которая слушала их...

– Прежде чем ответить вам, Кристина, – медленно начал Рауль, – я хотел бы узнать, какие чувства он вам внушает, поскольку вы не питаете ненависти к нему.

– Ужас! – Она проговорила это с такой силой, что резкий звук заглушил ночные вздохи. – Да, ужас, – продолжала она с нарастающей горячностью. – Он внушает мне ужас, но я не питаю к нему ненависти. За что его ненавижу, Рауль? Он был у моих ног там, в своем доме на озере. Он обвинял и проклинал себя, молил о прощении! Он сам признался у моих ног в огромном трагическом чувстве. Он меня действительно любит! Он похитил меня из любви. Она побудила его похитить меня и унести в подземелье, но он ничем меня не оскорбил – только ползал по полу, стонал и рыдал... Когда я, поднявшись, сказала ему, что буду презирать его, если только он немедленно не отпустит меня, если не вернет свободу, отнятую столь жестоко, Эрик с готовностью предложил вернуть ее, он был готов показать мне свой тайный ход. И в тот момент, когда он поднялся, я вспомнила, что, хотя он не призрак, не ангел, не гений, он тот самый «голос», который пел мне.

И я осталась.

В тот вечер мы больше не обменялись ни словом. Он взял арфу и начал петь, голосом ангела, романс Дездемоны! Воспоминание о моем собственном исполнении бросило меня в краску. Знаете, друг мой, в музыке бывает так, что внешний мир перестает существовать и не остается больше ничего, кроме звуков, которые поражают вас прямо в сердце. Мое невероятное похищение было забыто. Остался лишь «голос», и я следовала за ним, опьяненная полетом гармонии, я стала частью Орфеева стада. «Голос» увлекал меня в страну боли и радости, муки, отчаяния и блаженства, в страну смерти и триумфа Гименея. Я внимала его пению... Он пел какие-то неизвестные мне вещи, какую-то новую музыку, которая вызвала во мне странное чувство неги, истомы и покоя... Она возносила мою душу, успокаивала ее, вознося в чертоги мечты. И я заснула.

Открыв глаза, я увидела, что лежу в кресле посреди просто обставленной комнатки, где стояла обычная кровать из красного дерева, с обтянутыми тисненым шелком стенами, с лампой, стоявшей на мраморной крышке комода в стиле Луи-Филиппа. Откуда эта перемена декораций? Я провела ладонью по лбу, словно пытаюсь прогнать дурной сон. Увы, потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться, что это не сон! Я была пленницей и могла попасть из комнаты только в прекрасно оборудованную ванную с холодной и горячей водой. В комнате я заметила на комод записку, написанную красными чернилами, которая напомнила мне о моем плачевном положении и прогнала всяческие сомнения, если они еще оставались. «Дорогая Кристина, – говорилось в записке, – не беспокойтесь ни о чем. На земле у вас нет более верного и почтительного друга, чем я. В настоящее время вы одна в этом доме, который принадлежит вам. Я отправляюсь в город, чтобы купить вам все необходимое».

Я окончательно пришла к выводу, что попала в руки сумасшедшего! Что со мной будет? И как долго этот негодяй собирается держать меня в своей подземной тюрьме? Я в безумной спешке обежала дом в поисках выхода, но не нашла. Я горько ругала себя за свое глупое суеверие и даже с каким-то странным наслаждением вспоминала наивность, с какой воспринимала, сидя в примерной, голос гения музыки. Когда человек глуп, ему остается готовиться к неизбежной катастрофе, причем заслуженной, мне захотелось исхлестать себя, и я засыпала себя насмешками и оплакивала одновременно. Вот в таком состоянии нашел меня Эрик.

Три раза коротко постучав в стену, он спокойно вошел через дверь, которую я так и не смогла обнаружить, несмотря на то что он ее оставил незапертой. Он был нагружен коробками и пакетами, которые неторопливо выложил на кровать, а я тем временем осыпала его оскорбле-

ниями, пытаясь сорвать с него маску, требуя показать свое лицо, если он считает себя честным человеком. Он ответил мне совершенно невозмутимо: «Вы никогда не увидите лицо Эрика».

Он мягко упрекнул меня за то, что я до сих пор еще не привела себя в порядок, сообщив мне, что уже два часа пополудни. Он дал мне полчаса на туалет – говоря это, он поднял мои часы, – после чего предложил пройти в столовую, где нас ждал превосходный обед. Я была страшно голодна, но захлопнула дверь перед его носом. И приняла ванну, предусмотрительно положив возле себя острые ножницы, которыми решила лишиться себя жизни, если Эрик вздумает безумствовать. Вода прекрасно освежила меня, и перед Эриком я появилась, вооружившись здравым решением: ничем не оскорблять и не раздражать его, чтобы скорее вернуть себе свободу. Он первым заговорил о своих планах насчет меня и разъяснил их мне, как он заявил, чтобы меня успокоить. Ему слишком нравится мое общество, поэтому он не намерен лишиться его в ближайшее время, на что он имел слабость согласиться накануне в растерянности от моей гневной вспышки. Я должна понять, что отныне мне нечего бояться, что он будет навязывать свое общество. Он меня любит, но будет говорить об этом, только когда я позволю, а остаток времени мы проведем музицируя.

«Что вы имеете в виду, говоря „остаток времени“?» – поинтересовалась я. Он твердо ответил: «Пять дней». – «А потом?» – «Вы будете свободны, Кристина, ибо по истечении этих пяти дней вы перестанете бояться меня и, вернувшись к себе, время от времени станете навещать бедного Эрика».

Тон, которым он произнес последнюю фразу, глубоко потряс меня. Мне послышалась в нем непритворная боль и такое глубокое отчаяние, что я прониклась жалостью; за маской не было видно его глаз, да в этом и не было необходимости, потому что из-под таинственного лоскута нижнего края его маски из черного шелка показались, одна за другой, слезы. Он молча указал мне на стул рядом с собой за небольшим круглым столом, занимавшим центр комнаты, где накануне он играл для меня на арфе. Я с большим аппетитом съела несколько раков, крылышко курицы, спрыснутое токайским вином, которое он привез, по его словам, из погребков Кёнигсберга, где когда-то кутил сам Фальстаф. Он же сам ничего не ел и не пил. Я спросила, кто он по национальности и не говорит ли его имя о скандинавском происхождении. Он ответил, что у него нет ни своего имени, ни отчества и что он взял имя Эрик случайно. Потом я спросила, почему он, если уж так любит меня, не нашел иного способа сообщить мне это, зачем было тащить меня с собой и запирасть в подземелье. «Очень трудно заставить полюбить себя в могиле», – заметила я. «Что ж, – странным голосом ответил он, – каждый устраивает свои свидания как может». После чего он встал и протянул мне руку, прося оказать ему честь и осмотреть его жилище, но я с тихим возгласом поспешно отдернула свою. То, чего я коснулась, было влажным и костлявым, – я вспомнила, как пахнут смертью его руки. «О, простите! – пробормотал он и открыл передо мной дверь. – Вот моя комната, здесь есть кое-что любопытное... если, конечно, вы захотите посмотреть ее». Я несколько не колебалась: его поведение, его учтивые слова, весь его вид внушали мне доверие, и потом, я чувствовала, что бояться мне нечего.

Я вошла. Мне показалось, что я попала в склеп. Стены были затянуты черным, только вместо белых крапинок, обычно составляющих погребальный орнамент, там был огромный нотный стан с начерченными нотами «Dies irae»⁷. Посреди комнаты возвышался балдахин, задрапированный полотнами красной парчи, а под балдахином стоял открытый гроб. Я невольно отшатнулась при виде этого зрелища. «Вот здесь я сплю, – сказал Эрик. – В жизни надо привыкнуть ко всему, даже к вечности». Я отвернулась – слишком уж мрачное впечатление производил этот спектакль, – мой взгляд упал на клавиатуру органа, занимавшего большую часть стены. На пюпитре стояла тетрадь со страницами, испещренными красными нотными

⁷ «День гнева» (лат.).

знаками. Я спросила позволения посмотреть их и на первом листе прочитала: «Торжествующий Дон Жуан».

«Да, – сказал он, – я сочиняю время от времени. Вот уже двадцать лет, как я начал это произведение. Когда оно будет закончено, я положу его с собой в гроб и усну вечным сном». – «Тогда надо как можно дольше работать над ним», – заметила я. «Иногда я сочиняю по пятнадцать дней и ночей кряду и все это время живу только музыкой, а потом не притрагиваюсь к нотам годами». – «Вы не сыграете мне что-нибудь из вашего „Дон Жуана“?» – спросила я, втайне желая сделать ему приятное и преодолевая отвращение при мысли, что придется задержаться в этом жилище мертвеца. «Никогда не просите меня об этом, – мрачно ответил он. – Этот „Дон Жуан“ написан не на текст Лоренцо да Понте, которого вдохновляли вино, любовные интрижки и порок; в конце концов его покарал Господь. Если хотите, сыграю вам Моцарта, эта музыка растрогает вас до слез и внушит вам благие мысли. А мой „Дон Жуан“, Кристина, пылает, хоть кара небесная еще не поразила его».

После этого мы вернулись в салон, который только что покинули. Я заметила, что в доме нет ни одного зеркала, и собралась было поразмыслить об этом, но Эрик уже сидел за пианино. «Видите ли, Кристина, – сказал он, – есть музыка, пронизанная таким ужасом, что она пожирает всех, кто к ней приближается. К вашему счастью, вы еще не слышали такой музыки, иначе вы утратили бы свою юную свежесть и вас никто бы не узнал там, наверху, в вашем мире. Споем лучше из оперы, Кристина Даэ».

Он произнес эти слова: «Споем лучше из оперы, Кристина Даэ» – так, будто бросил мне в лицо оскорбление. Но мне было не до обид, какими бы ни были его слова и тон, – мы сразу начали дуэт из «Отелло», и над нашими головами уже витал дух шекспировской трагедии. Он предоставил мне партию Дездемоны, которую я запела с подлинным отчаянием и ужасом, какого никогда до того дня не испытывала. Соседство подобного партнера, вместо того чтобы все разрушить, необычайно меня вдохновило. События, невольной жертвой которых я стала, странным образом донесли до меня замысел поэта, я находила такие оттенки звучания, которые привели бы в восхищение музыкантов. Голос Эрика потрясал, его жаждущая мщения душа трепетала в каждом звуке, усиливая их мощь. Любовь, ревность, гнев изливались в каждой фразе, спетой нами. Черная маска Эрика напоминала мне лицо венецианского мавра. Это был воплощенный Отелло. Я поверила, что вот-вот его гнев обрушится на меня и я паду под его ударами, и, однако же, как робкая Дездемона, я не сделала ни одного движения, чтобы избежать его ярости. Напротив, меня тянуло к нему, мне казалось счастьем умереть в вихре страсти, но перед смертью я хотела узнать его, чтобы последним взглядом охватить его черты, тот возвышенный образ, воплотивший огонь вечного искусства. Я хотела увидеть лицо «голоса» и инстинктивно, жестом, сделанным помимо моей воли, быстро сорвала с него маску...

О ужас! Ужас! Ужас!

Кристина остановилась, казалось, что она трепещущими руками отгоняет страшное видение, а ночное эхо, до этого принесшее имя Эрика, теперь трижды повторило возглас: «О ужас!» Рауль и Кристина, сблизившиеся еще сильнее благодаря пережитым чувствам, подняли глаза к звездам, которые безмятежно сияли в чистом спокойном небе.

– Как странно, Кристина, – сказал Рауль, – отчего ночь, такая нежная и спокойная, будто наполнена стонами. Я сказал бы, что она горюет вместе с нами.

Она ответила:

– Теперь, когда вы узнали эту тайну, в ваших ушах, как и в моих, всегда будут звучать скорбные стоны. – Она сжала руки Рауля, готового защищать ее от невзгод, и, вздрогнув, продолжала: – Да! Да! Проживи я сто лет, я всегда буду слышать тот нечеловеческий вопль, который он издал, – в нем боль слилась с неистовством ада, в моих глазах навсегда застынет ужас, а уста будут приоткрыты для так и не сорвавшегося крика.

О Рауль! Как избавиться от этого кошмара, если в моих ушах вечно будет звучать его крик, а из памяти никогда не изгладится его лицо! Какой ужас! Как избавиться от него и как вам его описать?.. Вы видели головы мертвых, высушенные столетиями, и, может быть, если только это не было жутким наваждением, вы видели и череп той ночью в Перросе? А еще на прошлом бале-маскараде вы видели Красную Смерть! Но все те головы были неподвижны и, можно сказать, мертвы. Но представьте себе, если сможете, маску Смерти, которая вдруг оживает, где четыре темных отверстия: черные глазницы, провалы носа и рта – пытаются выразить невероятный гнев, нечеловеческую ярость демона, и представьте вместо глаз у него черные дыры, потому что, как я узнала позже, горящие уголья его глаз видны только глубокой ночью. Пригвожденная к стене, я, должно быть, была воплощением Страх, а он – воплощением Уродства.

Тогда он подошел ко мне, страшно скрежеща зубами в провале беззубого рта, и обрушил на меня бесконечный поток безумных фраз и неистовых проклятий... Если бы я знала! Если бы только знала! Он наклонился надо мной. «Смотри! – кричал он. – Ты ведь хотела видеть! Смотри же! Наслаждайся! Напой свою душу моим проклятым уродством! Смотри на лицо Эрика! Теперь ты знаешь, как выглядит „голос“. Скажи, неужели тебе было не достаточно слышать меня? Ты захотела узнать, на что я похож. О, как вы любопытны, женщины!»

И он принялся хохотать, повторяя: «Как же вы любопытны, женщины!» – хриплым, громовым, страшным голосом. Еще он говорил что-то вроде: «Теперь ты довольна? Не правда ли, я красавец? Когда меня увидит женщина, она уже моя! Она полюбит меня на всю жизнь. Ведь я тоже Дон Жуан в своем роде». Потом он выпрямился во весь свой рост, подбоченился и, передегивая плечами и покачивая жутким черепом, заменявшим ему голову, загремел: «Смотри на меня! Смотри! Я – торжествующий Дон Жуан!»

Я отвернулась, умоляя о милости, а он грубо повернул мое лицо к себе, ухватив меня за волосы своими мертвыми пальцами.

– Довольно! – прервал ее Рауль. – Я убью его! Я убью его! Во имя Неба, скажи, Кристина, где находится этот дом на озере, эта столовая? Я должен его убить!

– Замолчи, Рауль, если хочешь это узнать.

– Да! Я хочу знать, как и зачем ты туда вернулась. В этом-то вся тайна, Кристина, берегись! Никакой другой нет! Но так или иначе, я найду его и убью.

– Ах, послушай же меня, Рауль! Послушай, если хочешь все знать. Он схватил меня за волосы, и потом... потом произошло нечто еще более ужасное...

– Ладно, говори! – мрачно произнес Рауль. – Говори поскорее!

– Потом он прошипел: «Что? Ты меня боишься? Ты, может быть, думаешь, что это еще одна маска? Думаешь, что это маска? Так сорви ее, как и ту! Давай же, давай! – прорычал он. – Я хочу этого! Давай сюда твои руки! Если они слишком слабы, я помогу тебе, и мы вдвоем сорвем эту проклятую маску!» Я бросилась к его ногам, но он вонзил мои пальцы в свое лицо, жуткое лицо уродца. Моими ногтями он начал рвать свою плоть, страшную плоть мертвеца. «Смотри! – рычал он, и в его горле что-то жутко клокотало. – Смотри и знай, что я весь создан из смерти! С головы до ног! Знай, что тебя любит труп, тебя обожает труп и никогда он тебя не оставит. Никогда! Я расширю этот гроб, попозже, когда наша любовь иссякнет. Смотри, я уже не смеюсь, я плачу... Я плачу о тебе, Кристина, ты сорвала с меня маску и потому никогда не сможешь расстаться со мной! Пока ты не знала, что я так уродлив, ты могла сюда вернуться... и я знаю, что ты бы вернулась, но теперь, когда ты увидела мое уродство... ты приговорила себя навсегда, теперь я тебя не отпущу! Зачем ты захотела увидеть меня, безумная? Даже мой отец не видел меня, даже моя мать, чтобы больше меня не видеть, со слезами подарила мне мою первую маску».

Наконец он меня отпустил и повалился на пол в отвратительных конвульсиях. Потом, как змея, потащился ползком в свою комнату, захлопнул за собой дверь, и я осталась наедине со

своим ужасом и мыслями, но, по крайней мере, я избавилась от необходимости видеть его. Буря сменилась благословенной тишиной, покой могилы сменил разразившуюся бурю, и я стала размышлять о последствиях. Последние слова этого монстра мне открыли все. Я сама себя сделала вечной узницей, и мое любопытство стало причиной всех несчастий. Недаром он предупреждал меня... Он повторял, что мне не грозит никакая опасность, пока я не прикоснусь к маске, а я сделала это! Я проклинала свой неблагодарный поступок, но с содроганием думала, что рассуждения монстра были логичны. Да, я бы вернулась, если бы не видела его лица... Он меня растрогал, заинтересовал, разжалобил своими слезами под маской, и я не могла бы не внять его уговорам. Наконец, я не могла быть неблагодарной, невозможно было забыть, что это был «голос», коснувшийся меня своим гением. Я бы вернулась! А теперь, выбравшись из этих катакомб, я бы ни за что не возвратилась сюда. Это означало бы вернуться в могилу к трупу, который тебя любит!

По его неистовству во время той сцены, по тому, как он приближал ко мне черные отверстия своих глубоко спрятанных глаз, я могла оценить степень необузданности его страсти. Он не дотронулся до меня и пальцем, хотя я не могла оказать никакого сопротивления, – значит, в нем монстр сочетается с ангелом, может быть, в нем и вправду есть что-то от Ангела Музыки и он был бы настоящим ангелом, если бы Бог наделил его красотой, вместо того чтобы облечь в столь мрачную, вселяющую ужас оболочку. После того как за ним закрылась дверь, я, испугавшись, что вновь распахнется тот страшный склеп, где стоял гроб, и я увижу его без маски, снова проскользнула в свою комнату и вооружилась ножницами, чтобы лишить себя жизни, – и вдруг раздались звуки органа...

И вот тогда, мой друг, я начала понимать презрительную, приведшую меня в недоумение интонацию, с которой Эрик произнес: «Споем лучше из оперы!» То, что я услышала, не шло ни в какое сравнение с тем, что я обожала до сих пор. Его «Торжествующий Дон Жуан» – не было никакого сомнения в том, что он прибег к своему шедевру, чтобы забыть этот ужас, – так вот, его «Дон Жуан» сначала предстал мне долгим, страшным и величественным рыданием, в которое бедный Эрик вложил всю боль своего проклятия.

Я вспомнила тетрадь с выведенными красным нотами и с легкостью представила, что эта музыка написана кровью. Она ввела меня во все перипетии мученичества, заставила спуститься в бездонную пропасть – обитель этого уродца, она рассказывала, как Эрик бьется своей отвратительной головой о мрачные стены этого ада, как сбегает от света и укрывается в склепе, чтобы не пугать людей. Почти поверженная, трепещущая, преисполненная жалости, я присутствовала при рождении мощных аккордов, которые обожествляли Скорбь; поднимавшиеся из бездны звуки, сливаясь, взлетали в небо, как орел поднимается к солнцу. Эта триумфальная симфония, казалось, вот-вот охватит огнем весь мир, и я поняла, что сочинение наконец завершено и что уродство, поднятое на крыльях Любви, осмелилось взглянуть в лицо Красоте. Я была опьянена этим звучанием, и дверь, отделявшая меня от Эрика, поддавшись моим усилиям, отворилась. Услышав меня, он поднялся, но обернуться не посмел.

«Эрик, – вскричала я, – покажите ваше лицо, не опасайтесь ничего! Клянусь вам, что вы самый несчастный и самый возвышенный из людей, и Кристина Даэ вздрогнет, взглянув на вас, лишь вспомнив о величии вашего гения!»

Тогда Эрик обернулся, потому что поверил мне, и я сама – увы! – поверила себе... Он, торжествуя над судьбой, воздел к небу руки и упал к моим ногам, твердя слова любви... Музыка смолкла... Слова любви выходили из его мертвого рта. Он поцеловал подол моего платья, не видя, что я закрыла глаза.

Что еще сказать вам, мой друг? Теперь вам ясна эта трагедия. Это длилось пятнадцать дней и пятнадцать ночей, я лгала; моя ложь была так же ужасна, как монстр, побуждавший меня лгать. Такой вот ценой была оплачена моя свобода. Я сожгла его маску. Теперь, даже когда он не пел, он без страха встречал мой взгляд и смотрел на меня, как побитая собака смотрит

на хозяина. Он увивался вокруг меня, как верный раб, и окружил меня самой нежной заботой. Постепенно я внушила ему такое доверие, что он брал меня на прогулку на берег Авернского озера и катал меня в лодке по его свинцовым водам; в последние дни моего заточения он выводил меня проветриться за решетку, которая отгораживает подземелья от улицы Скриба. Там ждал экипаж, который увозил нас в безлюдье Булонского леса.

В ту ночь, когда мы с вами встретились, едва не свершилась трагедия; он болезненно ревнует меня к вам, и мне так и не удалось усыпить его ревность, твердя о вашем скором отъезде. Наконец через пятнадцать дней, в течение которых я поочередно сгорала от жалости, восторга, отчаяния и ужаса, я сказала: «Я вернусь!» – и он мне поверил.

– И вы вернулись, Кристина, – тихо произнес Рауль.

– Это правда, мой друг, я должна сказать вам, что его страшные угрозы во время моего освобождения побудили меня сдерживать слово, а кроме того, душераздирающие рыдания, доносившиеся от порога склепа. Да, эти рыдания, – повторила Кристина, горестно качая головой, – привязали меня к несчастному сильнее, чем я сама предполагала в момент прощания. Бедный Эрик! Бедный Эрик!

– Кристина, – начал Рауль, поднимаясь на ноги, – вы говорите, что любите меня, но не прошло и нескольких часов, после того как вы вышли на свободу, как вы уже снова вернулись к нему. Вспомните бал-маскарад.

– Это было условлено заранее. Позвольте напомнить, что эти несколько часов я провела с вами, Рауль... несмотря на большую опасность для нас обоих.

– Все эти несколько часов я сомневался в том, что вы любите меня.

– И вы в этом сомневаетесь до сих пор? Так знайте же, что каждая встреча с Эриком усиливала мой страх, потому что эти приходы не успокаивали его, как я надеялась, а напротив – он все больше сходил с ума от любви, и я боюсь... Да, я очень боюсь!

– Вы его боитесь, но любите ли вы меня? А если бы Эрик был красив, любили бы вы меня, Кристина?

– Несчастный! Зачем испытывать судьбу? Зачем спрашивать меня о чувствах, сокрытых в глубине души, как прячут грех?

Кристина тоже встала, обняла юношу своими прекрасными дрожащими руками и произнесла:

– Послушайте, Рауль! Если бы я вас не любила, я бы не позволила вам поцеловать себя. В первый и последний раз. Вот мои уста!

Он поцеловал ее в губы, но окружавшая их ночь испустила такой стон, что они бежали, будто от надвигающейся бури, и тут глазам влюбленных, где застыл страх перед Эриком, предстала огромная ночная птица, смотревшая на них сверху горящими глазами сквозь струны лиры Аполлона.

Глава 14

Мастерский удар «любителя люков»

Рауль и Кристина бежали без передышки. Промчавшись через всю крышу с ощущением, что в спину им смотрят горящие глаза, видевшие лишь в ночной тьме, они остановились только на восьмом этаже. В тот вечер спектакля не было и коридоры Оперы были пусты.

Неожиданно перед ними возник некий странный силуэт, преградив путь:

– Сюда нельзя! – С этими словами человек указал на другой коридор, по которому они могли выйти за кулисы.

Рауль хотел остановиться, потребовать объяснений.

– Проходите быстрее! – приказал человек в шапке с заостренным верхом, задрапированный в просторный плащ.

Кристина быстро увлекла Рауля дальше.

– Но кто это? Что еще за фигура? – спросил юноша.

– Это Перс, – ответила Кристина.

– Что он здесь делает?

– Об этом никто не знает! Но его постоянно видят в Опере.

– Из-за вас я веду себя как трус, – заметил взволнованный происшествием Рауль. – Вы заставляете меня убегать от опасности, со мной такое случается впервые.

– Вот еще! – ответила Кристина, мало-помалу успокаиваясь. – Похоже, мы сами вообразили себе эту тень.

– Если мы вправду обнаружили Эрика, мне следовало пригвоздить его к лире Аполлона, как прибывают к стенам летучих мышей бретонские крестьяне, и не о чем было бы говорить.

– Какой смелый! Сначала вам пришлось бы подняться к подножию Аполлона, а это совсем непросто.

– И эти горящие как угли глаза были там...

– Теперь и вы, так же как я, готовы видеть его повсюду. Но, подумав и успокоившись, вы скажете себе: «Я принял за горящие глаза две золотые звездочки, которые разглядывали город сквозь струны лиры».

И Кристина спустилась еще на один этаж. Рауль шел следом.

– Если вы окончательно решились бежать, Кристина, – заговорил он, – я еще раз предупреждаю вас, что лучше всего бежать немедленно. Зачем ждать до завтра? Может быть, он подслушивал нас сегодня?

– Да нет же, нет! Повторяю вам: он работает над своим «Торжествующим Дон Жуаном», и ему не до нас.

– Однако вы не совсем уверены в этом и постоянно оглядываетесь.

– Пойдемте в мою примерную.

– Давайте лучше встретимся за пределами театра.

– Ни за что, до самого побега! Если я не сдержу слова, это принесет нам несчастье. Я обещала встречаться с вами только здесь.

– Как мне повезло, что он вам это разрешил, – заметил Рауль с горькой иронией. – Знаете, вы проявили большое мужество, разыграв эту пьесу с помолвкой.

– Но ведь он об этом знает. Он сам сказал мне: «Я верю вам, Кристина. Господин де Шаньи влюблен в вас и должен уехать. Пусть он тоже узнает до своего отъезда, что значит быть столь же несчастным, как я...»

– Пожалуйста, растолкуйте, что это значит.

– Это я должна спросить вас, мой друг: разве когда любят, чувствуют себя несчастными?

– Да, Кристина, когда любят и нет уверенности в том, что это взаимно.

– Вы имеете в виду Эрика?

– И Эрика, и себя, – грустно и задумчиво покачал головой юноша.

Тем временем они добрались до гримерной Кристины.

– Почему вы полагаете, что здесь вы в большей безопасности? – спросил Рауль. – Если вы слышали его через стены, тогда и он может слышать нас.

– Нет! Эрик дал мне слово не приходить сюда, и я верю его слову. Эта гримерная и та моя комната в доме на озере принадлежат мне, и только мне, для него это священо.

– Как же вы смогли выйти отсюда и очутиться в темном коридоре, Кристина? А что, если попробовать повторить каждое ваше движение?

– Это опасно, мой друг, потому что зеркало опять может повернуться, и если я не успею убежать, то мне придется идти до конца тайного прохода, ведущего к берегам озера, и там уже звать Эрика.

– И он вас услышит?

– Откуда бы я его ни позвала, он меня везде услышит. Он сам мне это сказал, а он совершенно необычный человек. Не следует думать, Рауль, что ему просто нравится жить под землей. Он гений, он делает то, что никому не подвластно, знает то, что никому в мире не известно.

– Берегитесь, Кристина, вы опять воображаете себе призрака.

– Нет, он не призрак; это – человек неба и земли, только и всего!

– Человек неба и земли! Как вы говорите об этом! Вы все еще готовы бежать?

– Да, завтра.

– Хотите, я скажу вам, почему я хотел бы совершить это нынче ночью?

– Скажите, дорогой.

– Потому что завтра вы не посмеете решиться ни на что!

– Тогда, Рауль, вы увезете меня против моей воли. Разве не ясно?

– Итак, завтра в полночь я буду в вашей гримерной, – помрачнев, заявил юноша. – Что бы ни случилось, я сдержу обещание. Вы сказали, что после спектакля он должен ждать вас в столовой дома на озере?

– Именно там он назначил мне свидание.

– А как вы должны там оказаться, если не знаете, как выйти из гримерной через зеркало?

– Я просто пойду прямо к озеру.

– Через подземелье? Через лестницы и коридоры, где ходят рабочие сцены и обслуживающий персонал? Как вы сохраните это в тайне? Все зрители последуют за Кристиной Даэ, и вы приведете к озеру целую толпу.

Тогда Кристина достала из шкатулки огромный ключ и показала Раулю.

– Что это такое? – спросил он.

– Вот ключ от решетки подвала на улице Скриба.

– Теперь мне все ясно, Кристина, это ход прямо к озеру. Дайте мне этот ключ!

– Никогда! – ответила она с неожиданной силой. – Это было бы предательством!

И тут Рауль увидел, как переменялась Кристина. Смертельная бледность разлилась по ее чертам.

– О господи! – воскликнула она. – Эрик! Эрик! Сжальтесь надо мной!

– Замолчите! – приказал юноша. – Вы же сами сказали, что он не может вас слышать.

Однако поведение певицы становилось все более необъяснимым. Сцепив пальцы, она повторяла с испуганным видом:

– О господи! О боже мой!

– В чем дело? – испугался Рауль.

– Кольцо...

– Что за кольцо? Умоляю, Кристина, придите в себя.

– Золотое кольцо, которое он дал мне...

– Так это он вам вручил золотое кольцо?

– Да, и при этом добавил: «Я возвращаю вам свободу, Кристина, но с условием, что это кольцо всегда будет на вашем пальце. Пока оно у вас, вам не грозит никакая опасность и Эрик останется вашим другом. Но если вы с ним расстанетесь, горе вам, Кристина: Эрик сумеет отомстить!» Друг мой! Теперь кольцо пропало! Горе нам!

Они напрасно разыскивали в гримерной кольцо. Его нигде не было. Кристина никак не могла успокоиться.

– По-моему, когда я позволила вам поцеловать меня там, наверху, под лирой Аполлона, – дрожа, вспоминала она, – кольцо соскользнуло с пальца и упало вниз на мостовую. Как же теперь его найти? Какая страшная опасность грозит нам, Рауль! Ах! Надо скорее бежать!

– Бежать немедленно! – подтвердил Рауль.

Но она колебалась. Ему показалось, что сейчас она скажет «да». Однако ее светлые зрачки дрогнули, и девушка сказала:

– Нет! Завтра!

И она поспешно, в полном смятении, покинула его, продолжая на ходу ощупывать пальцы в надежде, что кольцо вот-вот обнаружится.

Что касается Рауля, он вернулся к себе, чрезвычайно озабоченный тем, что услышал от Кристины.

– Если только я не вырву ее из лап этого шарлатана, – сказал он громко, ложась в постель, – она погибнет. Но я ее спасу!

Он потушил лампу и в темноте вдруг поддался желанию заклеить Эрика. Он трижды выкрикнул:

– Шарлатан! Шарлатан! Шарлатан!

Тут он внезапно приподнялся, опершись на локоть, и холодный пот выступил у него на висках. У подножия кровати вдруг высветились два глаза, подобно тлеющим уголькам. Они пристально воззрились на него в крошечной тьме.

Рауль не был трусом, и все-таки его сотрясала дрожь. Он протянул руку, неуверенно пошарил на ночном столике. Найдя коробок, он чиркнул спичкой. Горящие глаза исчезли. Ничуть не успокоенный, он подумал:

«Она мне сказала, что его глаза можно видеть только в темноте, они исчезли, но он сам, возможно, еще здесь».

Он встал, осторожно обошел комнату, обшарив все углы. Он взглянул даже под кровать, как ребенок, и громко произнес:

– Чему же верить?! Нельзя же верить в подобные сказки. Где кончается реальность и где начинается фантастика? Что же она видела? Не померещилось ли все это ей самой? – И он добавил с трепетом в голосе: – А может быть, и мне померещилось? Видел ли я только глаза, горящие в темноте? Может быть, никаких горящих глаз и не было, все это лишь игра воображения? Теперь я и сам не уверен. Во всяком случае, я не поклянусь в этом.

Он снова лег в постель, вглядываясь во тьму.

В темноте вновь заблестели два глаза.

Рауль вздохнул. Усевшись на постели, он храбро всмотрелся в горящие точки. После минутного молчания он собрал все свое мужество и неожиданно для себя самого выкрикнул:

– Это ты, Эрик? Человек, гений или призрак? Это ты?

Подумав, он решил: «Если это он, то он на балконе».

Тогда он вскочил, прямо в ночной рубашке бросился к письменному столу и нащупал в ящике револьвер. Вооружившись, он открыл стеклянную дверь. Ночь была холодная. Рауль бросил взгляд на пустой балкон и тут же вернулся, закрыв за собой дверь. Залез под одеяло, с трудом унимая дрожь, положил револьвер на ночной столик рядом с собой.

И вновь задул свечу.

Глаза по-прежнему светились на том же месте, у изножья кровати. Находились ли они между кроватью и оконным стеклом или за стеклом, на балконе? Вот что хотел знать Рауль. И еще – он хотел узнать, принадлежат ли эти глаза человеческому существу? Он, наконец, хотел знать все.

Хладнокровно, не спеша, стараясь не потревожить нависшую темноту, юноша взял револьвер и прицелился.

Он целил прямо между двух золотых звездочек, смотревших на него со странным, неподвижным блеском. Потом перевел прицел чуть выше: ведь если это глаза и если над ними есть лоб, он не промахнется...

Звук выстрела страшным грохотом нарушил тишину спящего дома... По коридорам застучали торопливые шаги. Рауль, по-прежнему сидя в кровати, вытянул руку, готовый выстрелить еще.

На этот раз звездочки исчезли.

Загорелся свет, появились слуги и перепуганный граф Филипп.

– Что случилось, Рауль? – спросил он обеспокоенно.

– Да нет, ничего, наверное, мне это привиделось во сне. Я стрелял по двум звездочкам, которые мешали мне уснуть, – ответил юноша.

– Ты бредишь? Ты заболел!.. Прошу тебя, Рауль, скажи, что случилось? – И граф отобрал у него револьвер.

– Нет, нет! Это не бред!.. Впрочем, сейчас узнаем.

Он встал, накинул халат, надел шлепанцы, взял из рук лакея светильник и выглянул на балкон.

Граф заметил, что окно пробито пулей на уровне человеческого роста. Рауль нагнулся, осматривая балкон.

– Ага! Кровь... Кровь! – заметил он. – Вот и здесь кровь! Тем лучше! Призрак, из которого течет кровь, – это куда менее опасно, – заметил он с усмешкой.

– Рауль! Рауль!

Граф тряс его, как если бы хотел прервать опасный сон лунатика.

– Не надо, брат, я же не сплю! – запротестовал недовольный Рауль. – Ты же видишь эту кровь. Мне показалось, что это мне снится, но я выстрелил. Значит, это были глаза Эрика, и вот его кровь... – Потом, внезапно забеспокоившись, он добавил: – В конце концов, может быть, я не прав, что стрелял, и Кристина не простит мне... Этого бы не произошло, если бы я из осторожности опустил шторы, когда ложился спать.

– Рауль, ты с ума сошел? Проснись же!

– Опять ты за свое! Вы бы лучше, дорогой брат, помогли мне найти Эрика. Ведь призрака, из которого течет кровь, можно отыскать...

Его прервал камердинер графа:

– Это правда, сударь, на балконе кровь.

Слуга принес лампу, и в ее свете они разглядели кровавый след, который тянулся вдоль края балкона к водостоку и спускался по нему до самой земли.

– Друг мой, – сказал граф Филипп, – ты стрелял в кошку.

– Вот незадача! – рассмеялся Рауль, и смех его болью отозвался в ушах графа. – Вполне возможно. С Эриком возможно все. Эрик? А может, кот? Или призрак? Существо из плоти или тень? С Эриком возможно все!

Рауль начал выдвигать весьма странные предположения, логически связанные с его собственными размышлениями и рассказом Кристины Даэ, но это вконец убедило присутствующих, что юноша не в себе. Сам граф начал опасаться того же самого, а позже судебный следователь, прочитав рапорт комиссара полиции, так и не понял, какое заключение можно из этого сделать.

– Кто такой Эрик? – спросил граф, сжимая руку брата.

– Это мой соперник. И если он не умер, тем хуже для меня!

Он отослал слуг, братья остались одни. Но находившийся среди слуг камердинер графа услышал, как Рауль решительным тоном произнес за закрывшейся дверью:

– Вечером я похищу Кристину Даэ!

Впоследствии эта фраза была передана судебному следователю Фору. Однако никому не известно, какой разговор произошел между братьями в ту ночь.

Слуги рассказывали, что это была не первая ссора между ними. Через стены доносились крики, речь шла об актрисе, которую звали Кристина Даэ.

За завтраком граф Филипп – обычно он завтракал в своем рабочем кабинете – приказал позвать к нему Рауля. Пришел Рауль, мрачный и молчаливый. Разговор был коротким.

Граф: Прочти вот это! (Он протянул брату газету и ткнул пальцем в одну из заметок.)

Виконт (шевелия губами, прочитал следующее): «Сенсация в предместье: только что состоялось обручение мадемуазель Кристины Даэ, оперной певицы, и виконта Рауля де Шаньи. Если верить закулисным разговорам, граф Филипп поклялся, что впервые один из Шаньи не сдержит своего обещания. Поскольку любовь – а в Опере более, чем где бы то ни было, – всемогуща, возникает вопрос: какие средства использует граф Филипп, чтобы помешать своему брату повести к алтарю „Новую Маргариту“? Говорят, братья обожают друг друга, но вряд ли братская любовь одержит верх над просто любовью, пусть даже и мимолетной».

Граф (печально): Ты видишь, Рауль, что ты делаешь из нас посмешище. Эта малышка совсем вскружила тебе голову рассказами о привидениях. (Значит, виконт передал брату рассказ Кристины.)

Виконт: Прощай, брат!

Граф: Значит, это решено? И сегодня ночью ты уезжаешь? Вместе с ней? Надеюсь, ты не сделаешь такой глупости! (Молчание виконта.) Я найду способ остановить тебя!

Виконт: Прощай, брат! (Выходит.)

Граф сам рассказал судебному следователю об этой сцене, ему было суждено в последний раз в жизни увидеть младшего брата в тот же вечер в Опере, за несколько минут до исчезновения Кристины.

Рауль посвятил весь день приготовлениям к побегу.

Лошади, экипаж, кучер, продукты, багаж, деньги на дорогу, маршрут – было решено воспользоваться железной дорогой, чтобы сбить Призрака со следа, – все это занимало мысли виконта до девяти вечера.

В девять часов к веренице экипажей перед Ротондой присоединилась двухместная карета с плотно зашторенными окнами и поднятыми стеклами. В нее были впряжены две резвые лошади, на козлах сидел кучер, лица которого почти не было видно за многочисленными складками длинного шарфа. Перед этой каретой стояли еще три. Позже следствием было установлено, что это были экипажи Карлотты, неожиданно возвратившейся в Париж, Сорелли и графа Филиппа де Шаньи. Из двухместной кареты никто не выходил. Кучер все время оставался на козлах. Трое других кучеров также не покидали своих мест.

Какой-то неизвестный, закутанный в черное пальто, в черной шляпе из мягкого фетра, прошел по тротуару между Ротондой и экипажами. Казалось, он внимательно разглядывает двухместную карету. Он подошел к лошадям, потом к кучеру, затем удалился, не сказав ни слова. Следствие решило, что это был виконт де Шаньи; я же в это не верю, потому что мне известно, что в тот вечер, как обычно, виконт де Шаньи был в цилиндре, который, кстати, был обнаружен позже. Я полагаю, что это был Призрак, который знал обо всем, как нам предстоит впоследствии убедиться.

По случайному совпадению в тот вечер вновь давали «Фауста». В зале собралась самая блестящая публика. Аристократы – обитатели предместья – были почти в полном составе. В

те времена владельцы абонементов крайне редко делились своими ложами с представителями финансовых и торговых кругов или с иностранцами. Теперь все переменялось: ложей какого-нибудь маркиза, который по контракту является ее владельцем, пользуется торговец солониной вместе с многочисленным семейством, поскольку ложа оплачена им. А в ту эпоху подобные примеры встречались крайне редко. Ложи Оперы представляли собой салон, где встречались люди большого света, среди них попадались и те, кто и впрямь любил музыку.

Все эти аристократы знали друг друга, хотя и не обязательно поддерживали близкие отношения. Личность графа де Шаньи была достаточно известна.

Заметка в газете «Эпок» уже, должно быть, произвела определенный эффект, поэтому все глаза были устремлены к ложе, где в одиночестве восседал граф Филипп, внешне безразличный, с беспечной миной. Женская половина блестящего собрания была заинтригована в особенности, а отсутствие виконта служило предметом пересудов и перешептываний под прикрытием вееров. Кристину Даэ встретили довольно холодно: эта публика не собиралась поощрять столь дерзких матримониальных притязаний.

Певица сразу же отметила прохладное отношение части зала, и ей стало не по себе.

Завсегдатаи, которые считали себя в курсе любовных дел виконта, не преминули злобно улыбнуться некоторым фразам в партии Маргариты. Они непроизвольно повернулись к ложе графа де Шаньи, когда Кристина спела: «О, как бы я узнать желала, кто юноша был тот, что встретился со мною?»

Опершись подбородком о сложенные на барьере ложи руки, граф, казалось, не обращал никакого внимания на подобные манифестации. Он не отрывал глаз от сцены, но что видел он? Казалось, что мысли его блуждают где-то далеко.

Кристина на глазах теряла уверенность. Она вся дрожала, надвигалась катастрофа. Каролус Фонта спрашивал себя, здорова ли она, сомневаясь, что она сможет продержаться на сцене до конца акта, до сцены в саду. А в зале вспоминали о несчастье, случившемся с Карлоттой именно в этом самом месте, когда она издала этот исторический «квак», который моментально пустил под откос ее карьеру в Париже.

Именно в этот момент в ложе напротив сцены появилась Карлотта – это был великолепный выход. Бедняжка Кристина подняла глаза, предчувствуя новый повод для волнений, и узнала соперницу. Ей почудилась усмешка на губах Карлотты. Это спасло ее. Она забыла обо всем, кроме того, что должна сегодня вновь добиться триумфа.

И она запела, раскованно, от всей души. Она пыталась превзойти все, что делала до сих пор, и ей это удалось. В последнем акте, когда она начала призывать ангелов, уже воспарив над землей, зал затрепетал от волнения, и многие почувствовали, как у них выросли крылья за спиной.

Когда раздался этот неземной призыв, в центре амфитеатра напротив актрисы встал человек и повторил движение Кристины, как будто тоже пытаясь оторваться от земли. Это был Рауль.

Ангелы света! Ангелы пречистые!
Святой стеной мне станьте на защиту!

И Кристина, простирая руки в золотом сиянии распущенных по обнаженным плечам волос, бросила в зал божественный призыв:

И душу мою прими
В свои небесные селенья!

На краткое мгновение театр неожиданно погрузился в темноту. Все произошло настолько быстро, что не успели зрители вскрикнуть от изумления, как сцена вновь залилась светом...

...Но Кристины Даэ там уже не было! Что с ней случилось? Что это за миракль? Все недоуменно переглядывались, и волнение тотчас охватило весь зал. Неменьшее волнение воцарилось на сцене. Люди выбежали из-за кулис, разглядывая место, где только что стояла певица. Спектакль оборвался в невероятной неразберихе.

Так что же все-таки случилось с Кристиной? Какое колдовство сорвало ее со сцены прямо на глазах тысяч восторженных зрителей, буквально из рук Каролуса Фонта? В самом деле, можно было задаться вопросом: что, если, вняв пламенной мольбе, ангелы действительно унесли ее в небо?..

Рауль, по-прежнему стоявший в амфитеатре, вскрикнул. Граф Филипп выпрямился в своей ложе. Взгляды зрителей перебегали со сцены на Рауля, потом на графа, и некоторые спрашивали себя, не связано ли это невероятное происшествие с заметкой в утренней газете. Но вот Рауль стремительно оставил свое место, граф вышел из ложи, и, пока опускали занавес, зрители устремились за кулисы, возбужденно переговариваясь на ходу. Публика жаждала объяснения, почему сорвался спектакль. Все говорили разом. Каждый пытался по-своему объяснить происшедшее. Одни считали, что Кристина свалилась в люк, другие утверждали, что ее подняли лебедкой наверх и что, скорее всего, она стала жертвой нового трюка, выдуманного новой дирекцией, третьи думали, что это шутка, тем более что в момент исчезновения отключили свет в зале.

Наконец занавес медленно поднялся, и Каролус Фонта, подойдя к самому пульту дирижера, произнес печальным и суровым голосом:

— Дамы и господа, произошло неслыханное событие, которое повергло нас в глубокое беспокойство. Певица Кристина Даэ непостижимым образом исчезла на наших глазах.

Глава 15

Причудливый способ употребления английской булавки

На сцене творилась невообразимая суматоха. Артисты, машинисты, танцовщицы, статисты, хористы, держатели абонементов – все суетились, кричали, толкались. «Что могло с ней случиться?», «Она вознеслась!», «Ее увез виконт де Шаньи!», «Нет, это сделал граф!», «Да нет же, это Карлотта, это ее рук дело!», «Нет, это Призрак!».

Кое-кто слегка посмеивался, особенно после того, как внимательный осмотр люков и полов заставил отказаться от мысли о несчастном случае.

В галдящей толпе выделялись трое; тихо переговариваясь, они разочарованно пожимали плечами. Это были хормейстер Габриэль, администратор Мерсье и секретарь Реми. Они удалились в узкий тамбур, который соединяет сцену с фойе балета, и, укрывшись позади огромных декораций, заговорили.

– Я стучал, но они не отвечают! Может быть, в кабинете их нет? Однако проверить невозможно, потому что ключи у них.

Так говорил секретарь Реми, и, вне всякого сомнения, его слова относились к обоим директорам, которые в последнем антракте отдали указание не беспокоить их ни под каким видом. «Их нет ни для кого».

– И все же, – воскликнул Габриэль, – не каждый день прямо со сцены в разгар спектакля похищают певиц!..

– Вы сказали им об этом? – спросил Мерсье.

– Я вернусь и попробую еще раз, – махнул рукой Реми и убежал.

Тем временем к ним подошел заведующий постановочной частью:

– Я вас ищу, господин Мерсье. Что вы оба здесь делаете? Вас спрашивают, господин администратор!

– Я ничего не хочу предпринимать до прихода комиссара, – заявил Мерсье. – Я уже послал за Мифруа. Когда он будет здесь, тогда и посмотрим.

– А я говорю вам, что надо немедленно спуститься вниз, к «органу».

– Не раньше, чем придет комиссар...

– Я уже спускался в комнату с «органом».

– А, так что же вы видели?

– Ничего и никого! Слышите, никого!

– Но я-то что могу поделать?

– Разумеется. – И заведующий нервно потер руки. – Разумеется! Но если бы там был кто-нибудь из осветителей, он объяснил бы нам, отчего вдруг на сцене стало совершенно темно. А Моклера вообще нигде нет. Вы понимаете?

Моклером звали бригадира осветителей, по велению которого на сцене Оперы день сменялся ночью.

– Моклера нигде нет, – повторил потрясенный Мерсье. – А его помощники?

– Нет ни Моклера, ни помощников. Никого из осветителей! Вы же не думаете, – раскричался вдруг заведующий постановочной частью, – что девушка исчезла сама по себе? Это же явно было подготовлено заранее! А где наши директора? Я запретил спускаться к пульту осветителей и даже выставил пожарного возле «органа». Я сделал что-то не так?

– Так, так! Все правильно... Давайте подождем комиссара.

Заведующий постановочной частью, сердито пожав плечами, удалился, проклиная вполголоса этих «мокрых куриц», которые, поджав хвост, преспокойно забились в угол в тот момент, когда в театре черт знает что творится.

Однако Габриэля и Мерсье нельзя было обвинить в том, что они забились в угол. Они получили указание, которое парализовало все их действия: они не имели права беспокоить директоров ни под каким предлогом. Реми пытался нарушить это указание, но безуспешно.

В этот момент он как раз вернулся. На лице его была написана полнейшая растерянность.

– Вы говорили с ними? – поспешно спросил Мерсье.

– Когда в конце концов Моншармен открыл мне дверь, – отвечал Реми, – глаза его вылезали из орбит. Я подумал, что он кинется на меня с кулаками. Я не мог вставить ни слова, и знаете, что он сказал? Он спросил, есть ли у меня английская булавка. Я покачал головой, тогда он послал меня подальше. Я пытался объяснить, что в театре происходит нечто неслыханное, а он опять завел: «Английскую булавку! Дайте скорее английскую булавку!» Он орал как сумасшедший. Потом прибежал курьер и принес эту чертову булавку. Отдал ему, и Моншармен тут же захлопнул дверь перед моим носом. Вот и все.

– А вы не сказали ему, что Кристина Даэ...

– Хотел бы я вас видеть на моем месте... Он исходил пеной! На уме у него была только булавка. Мне кажется, если бы ее тотчас же не принесли, его хватил бы удар. Разумеется, все это просто ненормально, и наши директора, похоже, начинают сходить с ума. – Недовольство секретаря было очевидным. – Этому пора положить конец! – добавил он. – Я не привык, чтобы со мной обращались подобным образом.

– Это еще одна проделка Призрака Оперы, – неожиданно выдохнул Габриэль.

Реми ухмыльнулся. Мерсье вздохнул, казалось, он собирался сообщить что-то важное и таинственное, но, взглянув на Габриэля, делавшего ему красноречивые знаки, промолчал.

Однако Мерсье, чувствуя, что в данном случае ответственность падает на него, поскольку время идет, а директора все не показываются, не выдержал:

– Ладно, я сбегая за ними сам.

Габриэль, как-то сразу помрачневший, сурово остановил его:

– Подумайте о том, что вы делаете, Мерсье. Если они остались в своем кабинете, значит так надо. У Призрака Оперы в запасе много всяких фокусов.

Но Мерсье только покачал головой:

– Тем хуже! Если бы меня послушали раньше, полиция давно бы все узнала.

И он удалился.

– Узнала что? – тотчас спросил Реми. – Ага, вы молчите, Габриэль! И у вас тоже секреты... Было бы лучше, если бы вы меня в это посвятили, если не хотите, чтобы я счел всех вас сумасшедшими. Да, именно сумасшедшими!

Габриэль округлил глуповатые глаза, сделав вид, что не понял столь неподобающих господину секретарю намеков.

– Какие еще секреты? – пробормотал он. – Не знаю, о чем вы говорите.

На этот раз Реми просто вышел из себя.

– Сегодня вечером вот на этом самом месте, во время антракта, Ришар и Моншармен, беседуя, жестикулировали как умалишенные.

– Я этого не заметил, – растерянно сказал Габриэль.

– Значит, вы единственный! Вы думаете, что я их не видел? Думаете, господин Парабиз, директор банка «Центральный кредит», тоже ничего не заметил? И от господина посла Ла Бордини это не укрылось? Нет, господин хормейстер, даже владельцы лож и те показывали пальцем на наших директоров!

– Что же они делали такого особенного, наши директора? – спросил Габриэль с самым простодушным видом.

– Что они делали? Вы это знаете лучше, чем кто бы то ни было! Вы были здесь! И наблюдали за ними – вы и Мерсье. И только вы двое не смеялись...

– Я вас не понимаю.

Габриэль сделал отстраняющий жест – разведя руки, он затем картинно уронил их, – и этот жест, очевидно, означал, что данный вопрос его больше не интересует.

– Что это за новая причуда? – настойчиво допытывался Реми.

– Они требовали, чтобы никто не смел к ним приближаться.

– Как?! Не хотели, чтобы к ним приближались?

– Да, и они никому не позволяли до себя дотронуться.

– Вы это верно заметили, что они никому не позволяли до себя дотронуться, – подчеркнул Габриэль. – Вот это действительно странно.

– Значит, вы согласны со мной? Наконец-то! И еще: они почему-то все время пятились назад.

– Ага! Вы обратили внимание, что директора пятились назад, а я-то думал, что так ходят только раки.

– Не смейтесь, Габриэль! Не смейтесь!

– Я и не смеюсь, – запротестовал Габриэль, который оставался серьезен, как папа римский.

– Объясните мне, пожалуйста, Габриэль, раз уж вы так близки к дирекции: почему в антракте, после сцены в саду, когда я протянул руку к господину Ришару, Моншармен прошипел: «Отойдите! Отойдите! Не дотрагивайтесь до него»? Разве я прокаженный?

– Невероятно!

– А через несколько секунд, когда господин посол Ла Бордери, в свою очередь, направился к Ришару, разве вы не видели, как Моншармен бросился между ними и закричал: «Господин посол, заклинаю вас, не прикасайтесь к господину директору!»?

– Фантастика! А что делал в это время Ришар?

– Что делал? Вы же сами видели. Он сделал полуоборот и поклонился, хотя перед ним никого не было. Потом попятился назад!

– Попятился?

– А Моншармен, который стоял позади него, тоже резко повернулся и тоже попятился... Так они и шли до самой лестницы затылком вперед! Или они сошли с ума, или я ничего не понимаю!

– Может быть, – неуверенно предположил Габриэль, – они репетировали... какое-то балетное па?

Господин секретарь был оскорблен такой вульгарной шуткой в столь драматический момент. Он нахмурился, губы его сжались.

– Не хитрите, Габриэль. – Он наклонился к самому уху собеседника. – За то, что здесь происходит, вы с Мерсье тоже несете ответственность.

– А именно? – удивился Габриэль.

– Я думаю, Кристина Даэ не единственная, кто исчез сегодня вечером.

– А? В самом деле?

– Никаких «в самом деле»! Вы мне можете объяснить, почему, когда мамаша Жири спустилась в фойе, Мерсье взял ее за руку и в темноте повел за собой?

– Да что вы говорите! – воскликнул Габриэль. – А я и не заметил.

– Вы все прекрасно видели, Габриэль, поскольку следовали за Мерсье и мамашей Жири до его кабинета. С того момента вас вместе с Мерсье видели, а Жири никто больше не видел.

– Вы полагаете, что мы ее съели?

– Нет! Но вы ее заперли на два оборота в своем кабинете; стоит пройти мимо, и услышишь крики... Знаете, что именно? Она вопит из-за двери: «Бандиты! Бандиты!»

Течение этой престранной беседы было прервано появлением запыхавшегося Мерсье.

– Ну вот, – угрюмо доложил он. – Это уже переходит всякие границы. Я крикнул им, что дело очень серьезное и срочное, что это я, Мерсье. Дверь приоткрылась, и появился Моншар-

мен. Он был бледен как бумага. «Чего вы хотите?» – спросил он меня. Я ответил: «Кристину Даэ похитили». И знаете, что он сказал? «Тем лучше для нее!» Он вложил мне в руку вот это и снова закрыл дверь.

Мерсье разжал ладонь, Реми и Габриэль посмотрели на нее.

– Английская булавка! – воскликнул Реми.

– Странно! Очень странно! – совсем тихо проговорил Габриэль, не в силах справиться с дрожью.

В этот момент чей-то голос заставил всех троих оглянуться:

– Простите, господа, не могли бы вы сказать, где Кристина Даэ?

Несмотря на сложные обстоятельства, подобный вопрос, несомненно, был бы встречен смехом, если бы собеседники не прочли на лице юноши такое страдание, что сразу почувствовали к нему жалость. Это был виконт Рауль де Шаньи.

Глава 16

«Кристина! Кристина!»

Первое, о чем подумал Рауль сразу после фантастического исчезновения Кристины Даэ, – о вмешательстве Эрика. Обвиняя его, виконт уже не сомневался в том, что Ангел Музыки обладает неограниченным, почти сверхъестественным могуществом на территории Оперы, где основал свою дьявольскую империю.

В безумии отчаяния и любви Рауль оказался на сцене. «Кристина! Кристина!» – просто-напоса он, ожидая ее отклика со дна той темной пропасти, куда затащил ее монстр, еще трепещущую от божественного восторга, одетую в белый саван – ведь она уже мысленно вручила себя ангелам в раю.

– Кристина! Кристина! – повторял Рауль, и ему казалось, что он слышит в ответ крик девушки через хрупкую перегородку, которая их разделяла. Он как безумный ходил по сцене, терзаемый единственной мыслью: спуститься! Спуститься вниз! В мрачные недра, хотя все входы и выходы подземелья для него закрыты!

Преграда, что обычно так легко отодвигается в сторону, открывая под собой пропасть, куда он неистово стремился, – сегодня этот деревянный настил казался непоколебимым, и двери на лестницы, ведущие в подземелья Оперы, тоже оказались закрыты. С криком «Кристина!» он тщетно бился в двери. Над ним просто издеваются. Считают его несчастным щенком, чей рассудок помрачился.

Предчувствия, одно страшнее другого, как молнии вспыхивали в воспаленном мозгу Рауля.

Очевидно, Эрик, узнав их тайну, понял, что Кристина предала его. Какой же будет его месть? Что осмелится сделать Ангел Музыки, сброшенный с пьедестала? Кристина, оказавшаяся в лапах всемогущего монстра, неужели она потеряна навсегда?!

Рауль вспомнил два странно-зловещих глаза, рассекавшие тьму своим золотым блеском, они напоминали звезды в ночи или же глаза кошки. Ну конечно же! Известно, что глаза некоторых людей-альбиносов, кажущиеся днем кроткими, как у кролика, ночью выглядят как кошачьи.

Да, да, он стрелял вчера, и именно в Эрика! Как же ему не удалось убить его?! И злодей сбежал по водосточной трубе, как это делают кошки или ночные грабители, которые, как рассказывают, по трубе могут взобраться хоть на небо. Нет никакого сомнения, что Эрик собирался предпринять против юноши решительные меры, но был ранен. Видимо, ему удалось спастись и его гнев обрушился на бедную Кристину.

Такие жестокие мысли одолевали Рауля, когда он спешил к гримерной певицы.

«Кристина! Кристина!» Горькие слезы обжигали глаза юноши, когда он открыл дверь и с порога увидел разбросанную по комнате одежду его юной невесты, приготовленную для побега. Почему она не захотела убежать раньше?... Почему легкомысленно играла с надвигающейся бедой?..

Почему, питая к нему столь возвышенную жалость, бросила в последнем порыве этому демону свой божественный призыв?

Рауль, глотая душившие его слезы, клятвы и проклятия, бросился к большому зеркалу, нажимая, давя на бесчувственное стекло, которое однажды повернулось, чтобы пропустить Кристину в подземелье. Но зеркало, очевидно, повиновалось только Эрику... Или жесты здесь бессмысленны и нужны какие-то особые заклинания? Когда он был ребенком, ему рассказывали о предметах, повинующихся магическому слову.

И вдруг Рауль вспомнил... «Решетка, выходящая на улицу Скриба. Подземный ход, который ведет от озера наверх, на улицу Скриба». Да, об этом говорила ему Кристина! Но увы!

В шкатулке, хранившей тяжелый ключ, его не оказалось... И все-таки он помчался на улицу Скриба.

Дрожащими руками он ощупывал снаружи гигантские каменные плиты, ища лазейку, и вдруг увидел решетки... какая из них? Эта или та? Бессильным взглядом он пытался проникнуть внутрь. Там царила глубокая ночь. Он вслушался: какая тишина! Он обошел здание и увидел еще решетки. Это были ворота, ведущие в административный двор.

Рауль побежал к консьержке:

– Простите, мадам, вы не могли бы показать мне решетчатую дверь, да, дверь в виде железной решетки, которая выходит на улицу Скриба и ведет к озеру? Да, в то самое озеро под землей... под зданием Оперы.

– Да, сударь, я знаю, что под Оперой есть озеро, но не знаю, какая дверь ведет туда. Я никогда там не бывала.

– А улица Скриба, мадам? Улица Скриба? Вы никогда не проходили по улице Скриба?

Она расхохоталась. Она просто зашлась от смеха. Выругавшись сквозь зубы, Рауль бросился вниз по лестнице, пробежал через служебные помещения и вновь оказался на освещенной сцене.

Когда он наконец остановился, его сердце было готово пробить грудную клетку. А вдруг Кристину уже нашли? Увидев небольшую группу людей, он обратился к ним с вопросом:

– Простите, господа, вы не видели Кристину Даэ?

Те рассмеялись.

В ту же минуту сцена задрожала под тяжелыми шагами, и в окружении черных фраков появился человек со спокойным и приятным выражением розового пухлого лица, вьющимися волосами и приветливыми голубыми глазами. Администратор Мерсье указал Раулю на бывшего:

– Вот человек, которому нужно задать ваш вопрос. Разрешите представить вам комиссара полиции Мифруа.

– А, господин виконт де Шаньи! Рад вас видеть, сударь, – сказал комиссар. – Соболаговите пройти со мной. А теперь скажите, где директора Оперы? Где они?

Поскольку администратор хранил молчание, секретарь Реми взял на себя труд сообщить комиссару, что господа директора заперлись в своем кабинете и еще ничего не знают о случившемся.

– Возможно ли это? Пойдемте в кабинет!

И господин Мифруа в сопровождении все разраставшейся свиты направился в администрацию. Мерсье воспользовался суматохой, чтобы сунуть Габриэлю в руку ключ от своего кабинета.

– Скверный поворот, – шепнул он. – Пойди выпусти на свежий воздух мамашу Жири.

Они подошли к директорской двери, и Мерсье попросил директоров откликнуться, но тщетно.

– Именем закона, откройте! – прозвучал ясный, слегка обеспокоенный голос Мифруа.

Наконец дверь открылась. Вслед за комиссаром все поспешили войти.

Рауль был последним. Едва он направился за всеми, на его плечо опустилась чья-то рука, и он услышал, как кто-то прошептал ему:

– Секреты Эрика никого не касаются!

Он оглянулся, подавив готовое вырваться восклицание. Рука, только что коснувшаяся его плеча, теперь была прижата к губам странного персонажа с темным лицом, с золотисто-зелеными глазами, напоминавшими яшму, в папаше из каракуля... Перс!

Незнакомец продолжал жестом призывать к молчанию, и в тот момент, когда оторопевший виконт, справившись с замешательством, собрался осведомиться о причине столь странного вмешательства, тот кивнул головой и исчез.

Глава 17

Удивительные признания мамыши Жири, раскрывающие секрет ее личных отношений с Призраком Оперы

Прежде чем последовать за комиссаром полиции Мифруа в кабинет директоров, хочу, с позволения читателя, задержать его внимание на необычайных событиях, которые произошли незадолго до того в кабинете, куда безуспешно пытались проникнуть секретарь Реми и администратор Мерсье и где столь плотно затворились господин Ришар и Моншармен. Я собираюсь поведать читателю то, чего он еще не знает, но что я считаю своим историческим долгом – я хочу сказать: своим долгом историка – сообщить ему.

Я уже имел повод отметить, как изменилось с некоторых пор – причем в худшую сторону! – настроение господ директоров, и дал понять, что единственной причиной такой трансформации могли быть только события, связанные с падением люстры в известных читателю обстоятельствах.

Итак, сообщаем – несмотря на все желание господ директоров утаить от всех этот факт, – что Призрак спокойно получил свои первые двадцать тысяч франков. Разумеется, это сопровождалось стоном и скрежетом зубов. События же развивались следующим образом.

Однажды утром директора обнаружили на своем письменном столе конверт, на котором был написан адрес: «Господину П. О. лично». В конверт была вложена записочка от самого П. О.:

«Пришла пора выполнить обязательства, изложенные в известном вам перечне обязанностей. Вы вложите в конверт двадцать банкнот по тысяче франков, запечатаете его вашей печатью и передадите мадам Жири, которая сделает все необходимое».

Директора не заставили просить себя дважды; не тратя времени на размышления по поводу того, каким дьявольским образом этот конверт был доставлен в их кабинет, который они всегда тщательно запирали на ключ, они решили поймать наконец таинственного вымогателя. Рассказав обо всем – под величайшим секретом – Габриэлю и Мерсье, они вложили в конверт требуемую сумму и, не требуя никаких объяснений, вручили его мадам Жири, к тому времени вновь приступившей к своим обязанностям. Она нисколько не удивилась. Думаю, мне не нужно говорить о том, что за ней следили! Она тут же отправилась в ложу Призрака и оставила драгоценный конверт на подлокотнике кресла. Оба директора вместе с Габриэлем и Мерсье спрятались так, чтобы ни на секунду не терять из виду конверт во время спектакля; но даже после спектакля они оставались в укрытии, поскольку конверт лежал на месте; вот уже и театр опустел, ушла мадам Жири, но оба директора, Габриэль и Мерсье все еще наблюдали из своего укрытия. Им это надоело, и, убедившись, что печати не тронуты, они вскрыли конверт.

На первый взгляд Ришару и Моншармену показалось, что купюры на месте, но, приглядевшись повнимательнее, они поняли, что купюры-то не те. Двадцать настоящих испарились; их заменили на двадцать купюр «Sainte Farce»! Пришедшие было в ярость директора вдруг испугались.

– Это посильнее, чем фокусы Робер-Удена! – воскликнул Габриэль.

– Да, – парировал Ришар, – и обошлось нам это куда дороже!

Моншармен хотел было послать за комиссаром, но Ришар был против. У него уже был готов другой план: «Мы смешны! Нас просто засмеют! Призрак выиграл первый тур, а мы выиграем второй». Он, разумеется, подразумевал платеж следующего месяца.

Их так ловко одурачили, что все последующее время директора пребывали в весьма подавленном состоянии. И честное слово, это было вполне понятно. Если комиссар до сих пор не был вызван, то лишь потому, что директора все еще считали это, без сомнения, лишь отвра-

тительной шуткой бывших директоров, о которой не следовало никому сообщать, не узнав разгадки. Хотя иногда эту версию Моншармена сменяла другая: ведь и Ришар порой любил пошутить. Тем не менее директора, готовые ко всему, ждали продолжения событий и продолжали следить за мадам Жири, которой Ришар приказал ни о чем не сообщать. «Если она сообщница Призрака, – говорил он, – то деньги-то уже давно исчезли. Но я думаю, она просто дура!»

– В этом деле дураков и так хватает, – задумчиво ответил Моншармен.

– Могли ли мы подумать, что случится что-либо подобное? – простонал Ришар. – Но не бойся: уж в следующий раз я возьмусь за дело со всеми предосторожностями.

Тем временем следующий раз наступил. Как раз в этот день произошло похищение Кристины Даэ.

Утром директора получили послание от Призрака, напоминавшее о подошедшем сроке платежа.

«Условия все те же, – любезно поучал П. О., – в прошлый раз все было удачно. Конверт, в который вы положите двадцать тысяч франков, передайте бесподобной мадам Жири».

К записке прилагался обычный конверт. Оставалось только положить в него деньги.

Операция должна была состояться в тот же вечер за полчаса до спектакля. То есть за полчаса до поднятия занавеса и начала достопамятного представления «Фауста» мы войдем в убежище директоров.

Ришар показал конверт Моншармену, потом тщательно пересчитал деньги, положил их в конверт, но не запечатал его.

– А сейчас позовите мамашу Жири, – приказал он.

Послали за старушкой.

Она вошла и присела в изящном реверансе. На ней было все то же платье из черной тафты, которая местами отдавала ржавчиной, а кое-где и сиреневым, и шляпа цвета копоты с перьями. Она была в прекрасном расположении духа и тут же сказала:

– Добрый вечер, господа! Вы ведь опять насчет конверта?

– Да, мадам Жири, – чрезвычайно любезно сказал Ришар. – Насчет конверта... И насчет еще кое-чего.

– К вашим услугам, господин директор, к вашим услугам. Скажите, а что это за «еще кое-что»?

– Сначала, мадам Жири, мне хотелось бы задать вам небольшой вопрос.

– Задавайте, сударь. Мадам Жири здесь, чтобы отвечать на любые вопросы.

– Вы по-прежнему ладите с Призраком?

– Куда уж лучше, господин директор, лучше не бывает.

– А, это радует... Тогда скажите, мадам Жири, – доверительным тоном произнес Ришар. – Мы ведь можем себе это позволить. Вы не дура.

– Но господин директор! – воскликнула смотрительница, и черные перья ее шляпы цвета копоты перестали колыхаться. – Уверю вас, что в этом никто никогда не сомневался.

– Мы и не сомневаемся. Значит, мы поладим. История с Призраком ведь просто шутка, не так ли? Но между нами, она слишком затянулась.

Мадам Жири посмотрела на директоров так, будто они говорили по-китайски. Она подошла к столу Ришара и довольно встревоженно сказала:

– Что вы имеете в виду?... Я вас не понимаю!

– Да нет же, вы нас очень хорошо понимаете. В любом случае вы должны нас понять. И для начала вы скажете нам, как его зовут.

– Кого это?

– Того, чьей сообщницей вы являетесь, мамаша Жири!

– Я – сообщница Призрака? Я?! Сообщница в чем?

– Вы делаете все, чего он хочет.

– Это вовсе меня не затрудняет.

– Но он всегда дает вам чаевые!

– Не жалуюсь!

– Сколько он платит вам за то, что вы передаете ему конверт?

– Десять франков.

– Однако! Не много же!

– Это почему?

– Сейчас я вам объясню, мамаша Жири. А пока что мы хотели бы узнать, какая сверхъестественная причина побудила вас преданно служить именно этому Призраку? Ведь дружбу и преданность мамаша Жири нельзя завоевать за сто су или десять франков.

– Вот это правда! И клянусь, могу сообщить вам эту причину, господин директор! В этом уж точно нет ничего бесчестного!.. Напротив...

– Мы в этом не сомневаемся, мамаша Жири.

– Так вот... Призрак не любит, когда я рассказываю о нем всякие истории.

– Ха! Ха! – Ришар ухмыльнулся.

– Но эта история касается только меня, – продолжала старушка. – Значит, дело было в ложе номер пять. Однажды вечером я там нашла письмо для меня, что-то вроде записки, написанной красными чернилами. Эту записку, господин директор, мне даже не нужно перечитывать, я помню ее наизусть и не забуду, даже если проживу сто лет!

И мадам Жири, выпрямившись, с трогательным красноречием пересказала письмо:

– «1825: мадемуазель Менетрие, корифейка, стала маркизой де Кюсси.

1832: мадемуазель Мария Тальони, танцовщица, превратилась в графиню Жильбер де Вуазен.

1846: танцовщица Сота вышла замуж за брата испанского короля.

1847: Лола Монтез, танцовщица, вступила в морганатический брак с королем Людвигом Баварским и получила титул графини де Лансфельд.

1848: мадемуазель Мария, танцовщица, стала баронессой д'Эрмевиль.

1870: Тереза Эслер, танцовщица, выходит замуж за дону Фернандо, брата португальского короля...»

Ришар и Моншармен слушали старушку со все возрастающим удивлением. Перечисляя все эти выходящие из обычных рамок блистательные браки, старушка оживилась, выпрямилась, набралась храбрости и с вдохновением предсказательницы выкрикнула последнюю фразу этого пророческого письма звенящим от гордости голосом:

– «1885: Мэг Жири – императрица!»

Изнуренная этим последним усилием, смотрительница опустила на стул со словами: «Господа, там стояла подпись: „Призрак Оперы“! До меня и раньше доходили слухи о Призраке, но я не особенно в них верила. Но я поверила окончательно с того самого дня, когда он объявил, что моя малышка Мэг, плоть от плоти моей, станет императрицей».

По правде говоря, не надо было долго разглядывать восторженную физиономию мамаша Жири, чтобы понять, чего можно было добиться от дамы, обремененной столь «блестящим» интеллектом, при помощи двух слов: «Призрак» и «императрица».

Но кто же все-таки дергает за веревочки этой нелепой марионетки? Кто?

– Вы никогда его не видели, он с вами разговаривает, и вы верите всему, что он вам скажет? – спросил Моншармен.

– Да. Во-первых, это благодаря ему моя Мэг стала корифейкой. Я сказала Призраку: «Чтобы она в тысяча восемьсот восемьдесят пятом стала императрицей, нечего терять время – она должна стать корифейкой сейчас же». Он сказал: «Заметано». Он только слово замолвил господину Полиньи, и дело было сделано...

– Так, значит, господин Полиньи его видел!

– Нет, как и я, но он его слышал! Призрак что-то ему шепнул на ухо, ну вы знаете, в тот вечер, когда он, побледнев, вышел из ложи номер пять.

Моншармен вздохнул.

– Вот так история! – простонал он.

– О, – снова заговорила мамаша Жири, – я всегда знала, что у Призрака и господина Полиньи есть свои секреты. Господин Полиньи исполнял все, о чем просил его Призрак... Директор ни в чем ему не отказывал.

– Слышишь, Ришар, Полиньи ни в чем не отказывал Призраку!

– Да, да! Я слышал! – заявил Ришар. – Полиньи – друг Призрака! А мадам Жири – подруга Полиньи... Делайте выводы! – довольно грубо добавил он. – Но меня вовсе не интересует господин Полиньи. Единственный человек, чья судьба меня действительно волнует, – я этого не скрываю! – это мадам Жири!.. Мадам Жири, вы не знаете, что в этом конверте?

– Боже мой! Нет, конечно!

– Ну так смотрите!

Мадам Жири с волнением заглянула в конверт, и ее глаза тут же заблестели.

– Тысячефранковые банкноты! – воскликнула она.

– Да, мадам Жири! Да! Тысячефранковые банкноты! И вы об этом отлично знаете!

– Я, господин директор? Клянусь вам...

– Не клянитесь, мадам Жири! А теперь я вам скажу, зачем еще вас вызвал. Мадам Жири, сейчас вас арестуют.

Два черных пера на шляпе цвета копоты обычно имели форму вопросительных знаков, но тут они быстро стали восклицательными; что же до самой шляпы, крепившейся на шиньоне, она угрожающе накренилась. Удивление, возмущение, протест и испуг – все эти чувства у матушки малышки Мэг соединились в довольно нелепом пируэте – нечто вроде глиссада, – и с видом оскорбленной добродетели она одним прыжком достигла директорского кресла. Ришар невольно отшатнулся.

– Меня арестуют!

Странно, что, произнося эти слова, мамаша Жири не выплюнула в лицо господину Ришару три оставшихся у нее зуба.

Но господин Ришар показал себя просто героем. Он не отступил ни на шаг. Он, будто репетируя сцену в полиции, угрожающе показывал пальцем на смотрительницу ложи № 5:

– Вас арестуют, мадам Жири, как воровку!

– А ну, повтори!

И, размахнувшись, мадам Жири ударила господина директора Ришара по щеке, прежде чем успел вмешаться господин директор Моншармен. Но директорской щеки коснулась не иссушенная рука холерической старухи, а только конверт, виновник скандала. Магический конверт раскрылся, и банкноты закружились в фантастическом танце, словно стайка огромных бабочек.

Директора вскрикнули, так как одна и та же мысль заставила обоих броситься на колени и лихорадочно собирать бесценные бумажки, торопливо их пересчитывая.

– Они все еще настоящие? – спросил Моншармен.

– Они все еще настоящие? – спросил Ришар.

– Настоящие! – закричали они в один голос.

А над ними скрежетали три зуба мадам Жири, извергавшей поток сквернословия. Отчетливо слышалось только:

– Я – воровка! Я?

Она задыхалась. Она кричала:

– Меня нагло оклеветали!

Потом вдруг внезапно подскочила к Ришару.

– Во всяком случае, вам, мусье Ришар, – выдавила она, – вам лучше меня известно, куда девались двадцать тысяч франков!

– Мне? – воскликнул Ришар в изумлении. – Откуда?

Тотчас Моншармен, суровый и обеспокоенный, потребовал, чтобы она высказалась яснее:

– Что это значит? Почему вы утверждаете, что господин Ришар знает лучше вас, куда девались двадцать тысяч?

Ришар, чувствуя, что краснеет под пристальным взглядом Моншармена, взял матушку Жири за руку и жестоко встряхнул. Он вскричал громоподобным голосом:

– Почему я знаю лучше, куда делись эти деньги? Почему?!

– Потому что они прошли через ваш карман! – выдохнула старая дама, глядя на него, как глядят на порождение дьявола.

Теперь настала очередь Ришара. Он был сражен, как ударом молнии, сначала тяжестью неожиданного обвинения, потом подозрительным взглядом Моншармена. Утратив самообладание, столь необходимое ему в тот момент, он едва собрался с силами, чтобы отвергнуть столь гадкое обвинение.

Так самые невинные люди, застигнутые врасплох, то бледнеют, то краснеют, могут пошатнуться, или выпрямиться, или рухнуть в бездну, или протестовать, или вообще молчать, когда надо бы говорить или хотя бы бормотать что-нибудь, оказываются виноватыми – ни с того ни с сего.

Моншармен унял воинственный порыв, с которым ни в чем не повинный Ришар готов был броситься на мадам Жири, и ласково задал ей вопрос:

– Как могли вы заподозрить моего коллегу в том, что он положил себе в карман двадцать тысяч франков?

– Я ничего такого не говорила! – заявила с вызовом матушка Жири. – Просто я собственными руками вложила эти двадцать тысяч в карман господина Ришара. – Потом добавила вполголоса: – Тем хуже, раз уж так вышло, пусть Призрак простит меня.

Ришар собирался снова возмутиться, но Моншармен властно удержал его:

– Извини! Позволь этой женщине объясниться. Я сам расспрошу ее. А вообще-то, странно, что ты взял подобный тон. Мы близки к раскрытию этой загадки, а ты так разгневался. Ты не прав. Меня, например, это просто забавляет.

Мадам Жири с видом жертвы подняла на него глаза, в которых светилась несокрушимая вера в свою невиновность:

– Вы говорите, что в конверте, который я сунула в карман господина Ришара, было двадцать тысяч франков, но повторяю: я ничего об этом не знала, да ведь и господин Ришар сам не знал.

– Вот! Вот! – подхватил тут же Ришар, сразу повеселев, что весьма не понравилось Моншармену. – Я тоже ничего не знал! Вы кладете мне в карман двадцать тысяч, а я об этом не знаю. Интересное дело, а, мадам Жири?

– Да, – кивнула грозная дама, – это правда. Ни вы, ни я – мы ничего не знали об этом. Но вы-то точно должны были в результате обнаружить эти деньги.

Ришар попросту проглотил бы мадам Жири, если бы здесь не было Моншармена, но тот невольно служил ей защитой, и допрос был продолжен:

– Какой именно конверт вы положили в карман господина Ришара? Ведь не тот, что был дан нами: его вы на наших глазах унесли в ложу номер пять и там денег не было?

– Простите, как раз тот, который дал мне господин директор, я и сунула ему в карман, – объяснила матушка Жири. – А другой, совершенно такой же, я положила в ложу Призрака, тот был у меня в рукаве, и его дал мне Призрак!

С этими словами матушка Жири вытащила из рукава запечатанный конверт, во всем, включая надпись, похожий на тот, в котором лежали двадцать тысяч. Директора выхватили его. Рассмотрев, они констатировали, что печать на конверте – их собственная. Вскрыли конверт... Внутри оказалось двадцать билетов «Sainte Farce» – точно таких, которые привели их в недоумение в прошлом месяце.

– Как это просто, – заметил Ришар.

– Совсем просто, – торжественно подтвердил Моншармен.

– Самые эффектные фокусы – всегда самые простые. Достаточно иметь ловкого сообщника...

– Или сообщницу, – подхватил Моншармен и продолжил, не сводя взгляда с мадам Жири, словно желая ее загипнотизировать: – Так это Призрак вручил вам конверт, Призрак заставил вас подменить его, не так ли? Призрак сказал, чтобы вы положили другой, подмененный конверт в карман господина Ришара?

– Да, именно он!

– Тогда не продемонстрируете ли вы нам свои способности, мадам? Вот конверт. Делайте, как если бы мы ничего не знали.

– К вашим услугам, господа.

Матушка Жири взяла конверт с двадцатью тысячами и направилась к двери, собираясь выйти. Но директора перехватили ее:

– Ну уж нет! Не стоит нас разыгрывать еще раз! С нас довольно!

– Простите, господа, – извинилась пожилая женщина. – Простите... Вы сказали, чтобы я сделала все так, будто вы ничего не знаете. Так вот, если бы вы ничего не знали, я бы ушла с вашим конвертом.

– А как бы вы тогда сунули его в мой карман? – спросил Ришар, на которого косо поглядывал Моншармен, продолжая держать в поле зрения мадам Жири, что было весьма затруднительно. Но Моншармен был готов на все, чтобы докопаться до истины.

– Я должна была положить его в ваш карман в тот момент, когда вы меньше всего этого ожидаете, мусье директор. Вы ведь знаете, что по вечерам я часто прогуливаюсь за кулисами и, как мать, имею право отводить дочку в фойе балета, приносить ей носочки, когда идет дивертисмент, и маленькую фляжку, то есть вхожу и выхожу когда вздумается. Там снуют держатели лож и прочие... Да и вы, мусье, тоже бываете там. Так вот, я прохожу сзади вас и незаметно опускаю конверт в задний карман вашего фрака. И никакого колдовства!

– Никакого колдовства! – прорычал Ришар, вращая глазами, как Юпитер-громовержец. – Никакого колдовства! Но вот я ловлю вас на слове, старая ведьма!

Ругательство обидело почтенную даму меньше, чем сомнение в ее честности. Она выпрямилась и, окрысившись, выставила вперед все три зуба:

– Это насчет чего же?

– Насчет того, что в тот вечер я выходил в зрительный зал понаблюдать за ложей номер пять и за фальшивым конвертом, который вы туда отнесли. И ни разу не спукался в фойе балета.

– Так это не в тот вечер я сунула вам конверт, мусье директор! Это было на следующем спектакле! Погодите, то был вечер, когда заместитель министра...

При этих словах Ришар резко остановил мадам Жири.

– И правда, – нахмурился он. – Что-то припоминаю... Теперь вспомнил! Господин заместитель министра пришел за кулисы и вызвал меня. Я спустился в фойе балета, заместитель министра и его заместитель были уже там. Вдруг я поворачиваюсь... И сзади стоите вы! Мне даже показалось, что вы задели меня, и больше никого сзади не было. О, я как сейчас вижу вас!

– Да, так оно и было, господин директор, так оно и было! Тогда-то я и завершила эту проделку... Этот карман очень удобный!

И мадам Жири продублировала свои слова жестом. Она прошла за спину Ришара и так ловко, что сам Моншармен, который смотрел во все глаза, поразился, опустила конверт в карман господина директора.

– Ну конечно! – воскликнул немного побледневший Ришар. – Весьма ловко со стороны Призрака! Перед ним стояла проблема: устранить опасного посредника между тем, кто дает двадцать тысяч франков, и тем, кто их принимает. Потом ему оставалось лишь взять их из моего кармана так, чтобы я не заметил, тем более что я даже не знал, что деньги там... Великолепно, не правда ли?

– Великолепно! Разумеется, великолепно, – проворчал Моншармен. – Только ты забываешь, Ришар, мой друг, что из этих двадцати тысяч, вложенных в этот конверт, половина принадлежала мне, а в мой карман ничего не положили...

Глава 18

Продолжение забавных маневров с английской булавкой

Последняя фраза Моншармена слишком прозрачно намекала на подозрение, под которым отныне находился его коллега. В конце концов после бурных объяснений было решено, что с этой минуты Ришар будет беспрекословно слушаться Моншармена и помогать ему искать мерзавца, разыгравшего их.

Теперь мы подходим к антракту после сцены в саду, когда секретарь Реми, от которого ничто и никогда не ускользает, отметил странное поведение директоров, и нам легко будет понять, почему они вели себя столь нелепым образом, который так не соответствует директорскому достоинству.

Поступки Ришара и Моншармена были обусловлены только что сделанным ими открытием; поэтому, во-первых, в тот вечер Ришар должен был в точности копировать свои передвижения и жесты в день исчезновения первых двадцати тысяч франков; во-вторых, Моншармен не должен был ни на секунду упускать из виду задний карман фрака Ришара, куда мадам Жири должна была вложить новый конверт.

В том самом месте, где он находился во время визита заместителя министра изящных искусств, стоял Ришар, а в нескольких шагах от него и чуть позади – Моншармен.

Мадам Жири прошла, коснулась Ришара, положила конверт с двадцатью тысячами франков в задний карман директора и исчезла...

Вернее, ее к этому принудили. Выполняя отданный заранее приказ Моншармена, Мерсье закрыл достославную даму в кабинете, чтобы она не могла общаться с Призраком. И она это допустила; с видом ошипанной курицы она моргала испуганными глазами, так как в коридоре ей уже чудились гулкие шаги комиссара, и выпускала вздохи, способные обрушить колонны парадной лестницы.

Все это время Ришар сгибался, приседал, делал реверансы, кивал, пятился назад, будто перед ним стоял всемогущий чиновник – заместитель министра изящных искусств.

Однако если подобные вежливые пассы не вызвали бы никакого удивления, будь здесь заместитель министра, то они же повергли свидетелей этой необъяснимой сцены во вполне естественное замешательство теперь, когда перед директором никого не было.

Но Ришар адресовал приветствия пустоте, склонялся перед пустым местом и пятился, не сводя глаз с пустоты.

В нескольких шагах от него Моншармен проделывал не менее странные вещи: отталкивал Реми и умолял посла Ла Бордери и директора банка «Центральный кредит» не прикасаться к господину директору.

Пятясь, приветствуя несуществующих гостей, Ришар дошел до коридора, ведущего в служебные помещения. Сзади за ним непрерывно наблюдал Моншармен, а сам Ришар следил за тем, что делается перед ним. Моншармен при этом преследовал собственную идею – выяснить, не повинен ли в исчезновении денег посол, или директор банка, или секретарь Реми.

Само собой разумеется, это необычное представление, которое дали оба директора Национальной академии музыки, не осталось незамеченным. Их видели.

Ришару и Моншармену еще повезло, что во время этой забавной сцены почти все ученицы балетной школы находились наверху, иначе директора имели бы шумный успех у девочек. Но они думали только о своих двадцати тысячах франков.

Войдя в полутемный коридор администрации, Ришар шепнул своему коллеге:

– Я уверен, что никто не прикасался ко мне; теперь стой здесь и следи за мной, пока я не дойду до двери кабинета. Не будем никого звать и посмотрим, что произойдет дальше.

Но Моншармен возразил:

– Нет, Ришар! Ты иди вперед, а я буду следовать за тобой, не отставая ни на шаг.

– Послушай, – не выдержал Ришар, – по-моему, таким образом деньги стащить невозможно.

– Я тоже так думаю, – ответил Моншармен.

– Тогда то, чем мы с тобой занимаемся, абсурдно!

– Мы поступаем в точности как в прошлый раз. А в прошлый раз я догнал тебя у выхода со сцены, у поворота, и двигался за тобой по пятам.

– Похоже что так, – вздохнул Ришар и, покачав головой, подчинился указаниям Моншармена.

Две минуты спустя оба директора заперлись в своем кабинете, и Моншармен собственноручно положил ключ себе в карман.

– Я хорошо помню, что мы были одни и дверь была заперта до тех пор, пока ты не покинул Оперу, чтобы отправиться домой, – задумчиво проговорил он.

– Да, правильно. И никто к нам не входил.

– Никто.

– Но тогда... – заметил Ришар, пытаясь вспомнить все, – тогда меня наверняка могли обокрасть по пути из Оперы домой...

– Нет, – суше, чем прежде, произнес Моншармен. – Нет. Это невозможно. Ведь я сам довез тебя до дому в своем экипаже. Двадцать тысяч исчезли в твоём доме, у меня не остается и тени сомнений.

Моншармен утвердился в своей догадке.

– Ну это уж слишком! – запротестовал Ришар. – К тому же я уверен в своих слугах. К тому же если бы кто-то из них проделал это, то давно бы сбежал...

Моншармен пожал плечами, как бы говоря, что подробности его не интересуют. Ришар вдруг осознал, что его компаньон разговаривает с ним в недопустимом тоне.

– Это уж чересчур, Моншармен!

– Это уж точно, Ришар!

– Ты осмеливаешься подозревать меня?

– Да, в недостойной шутке!

– С двадцатью тысячами франков не шутят.

– И я так считаю! – заявил Моншармен, демонстративно разворачивая газету и погружаясь в чтение.

– Что ты собираешься делать? – удивился Ришар. – Будешь читать газету?

– Да, Ришар, до тех пор, пока не отвезу тебя домой.

– Как в прошлый раз?

– Как в прошлый раз.

Ришар вырвал газету из рук Моншармена. Тот, раздраженный донельзя, поднял голову. Ришар стоял перед ним, скрестив руки на груди, – от начала времен сие означало не что иное, как вызов.

– Вот о чем я подумал, – начал Ришар. – Я подумал о чем и следовало: если бы в прошлый раз, проведя весь вечер с тобой с глазу на глаз, я возвращался домой в твоём экипаже и если бы в момент прощания заметил, что деньги исчезли из моего кармана, я бы подумал...

– Что еще пришло тебе в голову? – насторожился Моншармен.

– Я бы подумал, что ты не отходил от меня ни на шаг и ты был единственным, кто мог приблизиться ко мне, как в прошлый раз... Словом, я бы подумал, что, если в моем кармане нет двадцати тысяч, они вполне могут находиться в твоём!

Моншармен как ужаленный подскочил на стуле.

– Понял! – закричал он. – Английская булавка!

– При чем здесь английская булавка? Что ты хочешь сказать?

– Мы заколем твой карман английской булавкой. Таким образом, или здесь, или по пути домой и даже дома ты почувствуешь руку, которая полезет тебе в карман, и увидишь, чья это рука – моя или нет. Ах, теперь ты изволишь подозревать меня! Английскую булавку мне!

Именно в этот момент Моншармен приоткрыл дверь в коридор и выкрикнул:

– Английскую булавку! Кто даст мне английскую булавку?

Мы уже знаем, о чем секретарь Реми, у которого не было при себе булавки, разговаривал с Моншарменом, пока курьер бегал за пресловутой булавкой.

А вот что последовало дальше.

Моншармен, заперев дверь, опустил на корточки позади Ришара:

– Надеюсь, деньги на месте.

– Я тоже надеюсь.

– Настоящие? – спросил Моншармен, который твердо решил, что на сей раз не позволит себя провести.

– Проверь сам! Я не хочу даже трогать их.

Моншармен достал конверт и дрожащими руками вытащил оттуда банкноты; на этот раз, чтобы иметь возможность постоянно проверять содержимое конверта, они не запечатали его и даже не заклеили. Он убедился, что деньги на месте – и деньги самые что ни на есть настоящие, – и снова положил их в задний карман Ришара, старательно заколов его булавкой.

После чего он сел позади, упершись взглядом в этот карман, а Ришар так и не тронулся со своего места.

– Чутьочку терпения, Ришар, еще несколько минут... Часы скоро пробьют двенадцать ударов. В прошлый раз мы ушли с последним ударом часов.

– О, терпения у меня хватит.

Время шло, медленно, неповоротливо, таинственно. Ришар выдавил смешок.

– Кончится тем, что я начну верить в этого всемогущего Призрака, – сказал он. – Ты не находишь, например, что здесь в атмосфере повисло что-то тревожное, что выбивает из колеи, пугает?

– Это правда, – озадаченно признался Моншармен.

– Призрак! – снова заговорил Ришар негромким голосом, как будто боялся, что его услышит некто невидимый. – Призрак... Неужели это Призрак тогда при всех трижды ударил кулаком по этому столу, неужели это он оставляет здесь странные конверты, разговаривает в ложе номер пять... Тот, кто убил Жозефа Бюкэ, сорвал люстру... наконец, обокрал нас! Никого здесь нет, кроме нас с тобой, и если деньги исчезли – причем ни ты, ни я не замешаны в этом, – тогда... тогда придется поверить в Призрака...

В этот момент часы на камине начали бить полночь.

Оба директора вздрогнули. Их сковал страх. Причину этого страха они и сами не смогли бы объяснить. Они лишь пытались перебороть его. По их лицам струился пот. Двенадцатый удар долго звучал у них в ушах.

Когда он затих, оба вздохнули и поднялись.

– Думаю, мы можем идти, – сказал Моншармен.

– Да, – покорно подчинился Ришар.

– Но сначала позволь заглянуть в твой карман.

– Ну конечно, Моншармен! Это следует сделать! – Затаив дыхание, он немного подождал, потом нетерпеливо спросил: – Ну и что?

Глава 19

Комиссар полиции, виконт и Перс

Первое, что спросил комиссар полиции, войдя в кабинет директоров Оперы, – нет ли новых сведений о певице.

– Нет ли здесь Кристины Даэ?

Вслед за комиссаром в кабинет, теснясь, проникли любопытствующие.

– Кристины Даэ? Нет, – ответил Ришар, – а почему она должна быть здесь?

Что до Моншармена, он не мог выдать из себя ни слова. Его состояние было куда более тяжелым, чем у Ришара, тот мог хотя бы подозревать Моншармена, в то время как сам Моншармен уже вплотную соприкоснулся с величайшей тайной, изначально приводившей в трепет человечество, – тайной, имя которой «неведомое».

Поскольку комиссар и столпившиеся вокруг директоров люди хранили загадочное молчание, Ришар вновь задал вопрос:

– Господин комиссар, почему вы спрашиваете у нас, не здесь ли Кристина Даэ?

– Потому что ее необходимо найти, уважаемые господа директора Национальной академии музыки, – торжественно произнес комиссар.

– Как! Ее надо искать? Выходит, она исчезла?

– В самом разгаре действия!

– В разгаре действия? Невероятно!

– Не правда ли? И что уж совсем удивительно – это то, что вы узнаете об этом исчезновении от меня.

– Действительно, – проговорил Ришар в замешательстве, потом, обхватив голову руками, он пробормотал: – Что же это за новая оказия? Ей-богу, есть от чего подать в отставку!.. – Не отдавая себе в том отчета, он выдернул несколько волосков из усов, твердя при этом как во сне: – Она исчезла в ходе спектакля.

– Да, во время сцены в тюрьме, когда Маргарита взывает о помощи к Небесам и возносится ввысь, но я сильно сомневаюсь, что Кристину унесли ангелы.

– А я в этом уверен! – раздался чей-то возглас.

Все немедленно обернулись. Побледневший юноша повторил дрожащим от волнения голосом:

– Я в этом уверен.

– В чем именно вы уверены? – задал вопрос Мифруа.

– В том, что Кристину Даэ унес ангел. Господин комиссар, я могу вам назвать его имя...

– Ха-ха! Виконт де Шаньи, вы утверждаете, что Кристина Даэ была унесена ангелом и это был, несомненно, Ангел Оперы?

Рауль оглянулся, очевидно кого-то разыскивая... В тот момент, когда ему казалось, что для спасения возлюбленной необходимо призвать на помощь полицию, он был бы не прочь вновь увидеть того таинственного незнакомца, который только что призывал его к молчанию. Но он его не обнаружил. Необходимо было решиться, и Рауль под взглядами любопытствующей толпы проговорил, обращаясь к Мифруа:

– Да, сударь, это был Ангел Оперы, и, если мы останемся наедине, я скажу вам, где его можно найти.

– Вы правы, виконт. – С этими словами комиссар усадил Рауля подле себя и знаком приказал покинуть кабинет всем, кроме, разумеется, директоров Оперы, которые, впрочем, подчинились бы любому приказу, настолько были обескуражены подобным поворотом событий.

Рауль, решившись, произнес:

– Господин комиссар, это ангел по имени Эрик, он живет в здании Оперы, и это Ангел Музыки.

– Ангел Музыки?! Право же... Весьма забавно! Ангел Музыки! – И, обернувшись к директорам, комиссар полиции Мифруа задал вопрос: – Господа, у вас имеется таковой?

Без тени улыбки директора отрицательно покачали головой.

Мифруа поднялся, внимательно вглядываясь в лицо Рауля:

– Простите, сударь, вы что, собираетесь издеваться над полицией?

– Что вы! – запротестовал Рауль, с горечью подумав: «Еще один не желающий услышать меня!»

– В таком случае что вы там пропели насчет Призрака Оперы?

– Я сказал то, что вы слышали, господа! – отчеканил Рауль.

Комиссар обратился к Ришару и Моншармену:

– Похоже, что вы, господа директора, не знаете о Призраке Оперы?!

Ришар привстал, пощипывая пордевшие усы:

– Нет-нет, господин комиссар, мы его не знаем, но совсем не прочь с ним познакомиться, потому что не далее как нынче вечером он украл у нас двадцать тысяч франков!..

И Ришар устремил на Моншармена устрашающий взгляд, как бы говоря: «Верни мне двадцать тысяч франков, или я расскажу все!» Моншармен понял его и сокрушенно развел руками: «Ах, скажи! Скажи все!»

Что касается Мифруа, тот переводил взгляд с директоров на Рауля и, похоже, задавал себе вопрос: уж не находится ли он среди умалишенных? Взярошив волосы, он произнес:

– Призрак, который ухитрился за один вечер похитить певицу и украсть двадцать тысяч франков, должно быть, весьма деятельный призрак. Не хотите ли, господа, обсудить эти вопросы по отдельности: вначале похищение певицы, а после кражу двадцати тысяч франков. Давайте попытаемся говорить серьезно, господин де Шаньи. Вы считаете, что Кристина Даз была похищена неким Эриком. Следовательно, он вам известен? Вы его видели?

– Да, господин комиссар.

– И где?

– На кладбище.

Комиссар вскинулся, затем вновь пристально вгляделся в лицо Рауля, пробормотав:

– Разумеется!.. Именно там обычно и встречаются призраков. А вы как оказались на кладбище?

– Сударь, я отчетливо сознаю странность моих слов и то впечатление, которое у вас, должно быть, складывается, – серьезно ответил Рауль, – но прошу вас, поверьте, что я в своем уме. Речь идет о спасении той, что мне дороже всех на свете, исключая Филиппа, моего любимого брата. Хочется, чтобы мой краткий рассказ убедил вас, ведь время уходит. Но придется, к сожалению, поведать вам все с самого начала, иначе невозможно поверить в эту предельно странную историю. Господин комиссар, я сообщу все, что знаю о Призраке Оперы. Но, увы, мне известно не многое.

– Да рассказывайте же! Начинайте! – воскликнули Ришар и Моншармен с внезапно вспыхнувшим интересом.

К несчастью, надежде узнать что-либо, что навело бы их на след мистификатора, было не суждено сбыться; вскоре им пришлось смириться с очевидным фактом: Рауль де Шаньи совершенно потерял голову. Вся эта история с Перрос-Гиреком, черепами, поющей скрипкой могла сложиться лишь в помраченном воображении влюбленного юноши.

Кроме того, было очевидно, что комиссар Мифруа все более склонен разделить подобную тревогу; и несомненно, он положил бы конец бессвязному рассказу Рауля о событиях, изложенных нами ранее, если бы не вмешались непредвиденные обстоятельства.

Отворилась дверь, и показался весьма странный человек в просторном черном рединготе и высокой потертой и в то же время глянцево-блестящей шляпе, надвинутой по самые уши. Он подскочил к комиссару и зашептал ему что-то. Похоже, это был один из агентов сыскной полиции со срочным поручением.

В продолжение доклада Мифруа не отводил взгляда от Рауля. Наконец комиссар произнес, обращаясь к нему:

– Пожалуй, хватит говорить о призраке. Если нет возражений, потолкуем о вас лично. Сегодня вечером вы собирались похитить Кристину Даэ?

– Да, господин комиссар.

– На выходе из Оперы?

– Да, господин комиссар.

– И вы все подготовили для этого?

– Да, господин комиссар.

– Вы должны были уехать в экипаже, который доставил вас сюда. Кучер был предупрежден, маршрут заранее намечен. Кроме того, на каждом перегоне для вас были приготовлены лошади.

– Да, это так, господин комиссар.

– И между тем ваш экипаж по-прежнему стоит у Ротонды в ожидании указаний, не так ли?

– Да, господин комиссар.

– Возможно, вы видели, что там находились еще три кареты?

– Не обратил ни малейшего внимания...

– Там был экипаж мадемуазель Сорелли, которому почему-то не нашлось места во дворе администрации, а также стояли кареты Карлотты и вашего брата графа де Шаньи.

– Что ж, возможно...

– Зато нам точно известно, что, хотя экипажи Сорелли, Карлотты и ваш собственный до сих пор стоят у Ротонды, кареты графа де Шаньи нет на месте...

– Разве это о чем-то говорит, господин комиссар?

– Прошу прощения, кажется, граф возражал против вашей предполагаемой женитьбы на мадемуазель Даэ?

– Это касается только нашей семьи!

– Вот вы и ответили... он был против. Именно поэтому вы собирались увезти Кристину Даэ подальше, чтобы избежать демаршей со стороны брата. Ну что ж, господин де Шаньи, позвольте сообщить вам, что ваш брат оказался куда более расторопным и сам похитил Кристину Даэ!

– О-о, это невозможно, – протянул Рауль, прижимая руку к сердцу. – Вы уверены?

– Сразу после того, как артистка исчезла – нам еще надлежит установить, кто в этом замешан, – он бросился в свою карету, и она помчалась через весь Париж с бешеной скоростью.

– Через Париж? – Глаза бедного Рауля округлились от изумления. – Что это значит? Зачем?

– Он выехал из города.

– По какой дороге?

– В сторону Брюсселя.

Хриплый стон вырвался из груди несчастного юноши.

– Клянусь, я нагоню их! – воскликнул Рауль, выскакивая из кабинета.

– И приведите их сюда, – смеясь, бросил ему вслед комиссар. – Вот уж поистине секрет, достойный Ангела Музыки! – Он повернулся к ошеломленным присутствующим и преподнес им тираду – краткий кодекс полицейской честности, в которой нет и привкуса наивности: – Я не имею ни малейшего представления, правда ли, что граф де Шаньи похитил Кристину

Даэ, но мне необходимо это узнать; я не вижу никого, кто в данный момент справился бы с этим лучше, чем виконт. И вот он бежит, он летит. Я рассчитываю на его помощь. Таково ремесло сыска, господа, – его считают трудным, а между тем все делается само собой, стоит лишь отыскать нужных людей и нажать соответствующие пружинки!

Однако самодовольство комиссара Мифруа было бы изрядно поколеблено, знай он, что его посланца остановили на бегу, едва он повернул за угол. В пустынном коридоре – поскольку толпа любопытных уже рассеялась – путь Раулю преградила чья-то огромная фигура.

– Куда вы так стремительно направляетесь, господин де Шаньи?

Рауль нетерпеливо поднял голову и остановился: перед ним стоял знакомый персонаж в папаше из каракуля.

– Это опять вы, – выдохнул он дрожащим голосом. – Тот, который знает секреты Эрика и не желает, чтобы я говорил об этом. Кто же вы наконец?

– Вам это известно. Меня зовут Перс!

Глава 20

Виконт и Перс

И тут Рауль припомнил, как однажды в театре брат показал ему странную, окутанную тайной личность. О человеке по имени Перс было известно лишь, что живет он в старой маленькой квартирке на улице Риволи.

Темнолицый мужчина, с глазами, напоминавшими яшму, в высокой каракулевой шапке, склонился к Раулю:

– Надеюсь, вы не раскрыли секрета Эрика, господин де Шаньи?

– А почему, собственно, я должен был хранить секрет, покрывая этого монстра? – вскинулся Рауль, пытаясь отмахнуться от подобной навязчивости. – Он что, ваш друг?

– Надеюсь, что вы ничего не сказали об Эрике, хотя бы потому, что его секрет – это секрет Кристины Даэ! Говоря об одном, невозможно не сказать о другом!

– Вот оно что! – Нетерпение Рауля возрастало. – Похоже, вы действительно посвящены в детали интересующего меня дела, но сейчас у меня нет времени выслушать вас.

– Повторяю вопрос, господин де Шаньи: куда это вы так спешите?

– Вы не догадываетесь? На помощь Кристине Даэ...

– В таком случае оставайтесь здесь... поскольку Кристина Даэ находится здесь, в Опере!

– С Эриком?

– Да, с Эриком!

– Откуда вам это известно?

– Я был на представлении. Ясно, что никто в целом свете, кроме Эрика, не мог устроить подобное похищение!.. О, узнаю почерк этого монстра! – произнес он с тяжелым вздохом.

– Так вы знакомы с ним?

Перс не ответил, юноша услышал лишь новый вздох.

– Послушайте, я не знаю, каковы ваши намерения... – сказал Рауль, – но не могли бы вы как-то помочь мне, я хочу сказать, Кристине Даэ?

– Безусловно, господин де Шаньи, вот почему я задержал вас.

– Что вы можете?

– Попытаться провести вас к ней... к нему!

– Не далее как сегодня я уже предпринял тщетную попытку... Но если вы мне поможете в этом – я буду готов рискнуть для вас жизнью! Еще одно слово, сударь: комиссар полиции только что сообщил мне, что Кристина Даэ была похищена моим братом графом Филиппом...

– О, господин де Шаньи, я не верю в это.

– Ведь это невозможно, правда?

– Не знаю, возможно ли это, но если говорить о способе похищения, то граф, насколько мне известно, никогда не проявлял себя в жанре феерии.

– Что ж, это весомый аргумент, сударь, я просто обезумел, допустив это. Позвольте полностью положиться на вас. Как не довериться вам, ведь вы единственный, кто поверил мне. Вы единственный не рассмеялись при упоминании имени Эрика!

Сказав это, юноша порывисто сжал пылающими, словно в лихорадке, руками кисти рук Перса. Прикосновение было ледяным.

– Тише! – прервал его Перс, вслушиваясь в отдаленный гул театра, ловя малейший скрип и шум в коридорах. – Не стоит произносить здесь это имя. Говорите просто «он», так меньше шансов привлечь его внимание.

– Значит, вы считаете, что он где-то поблизости?

– Все возможно, сударь... Если его здесь сейчас нет, то он вместе с жертвой находится в своем пристанище на озере.

– Ах! Вам, вам также известно это?

– Если его нет там, он может быть за этой стеной, под нами или над нами. Почему я знаю?

Подсматривает в замочную скважину! Подслушивает, скрывшись за этой колонной!

С этими словами Перс повлек юношу в такие закоулки, где тот никогда не бывал прежде, даже в те времена, когда прогуливался с Кристиной по лабиринту запутанных переходов.

– Лишь бы только появился Дариус! – заметил Перс.

– Дариус? Кто это? – на ходу переспросил Рауль.

– Дариус – мой лакей.

Они тем временем оказались посередине огромной залы – настоящей пустынной площади, едва освещенной свечным огарком. Остановив Рауля, Перс едва слышно прошептал:

– Что же вы сказали комиссару?

– Я сказал ему, что похитителем Кристины Даэ является Ангел Музыки, его также называют Призраком Оперы, а его настоящее имя...

– Тсс! И комиссар в это поверил?

– Нет.

– Он даже не придавал значения тому, что вы сказали?

– Ни малейшего!

– Он, видно, счел, что вы безумец?

– Да.

– Тем лучше! – выдохнул Перс.

И они вновь устремились вперед. Преодолев множество лестниц и переходов, совершенно незнакомых Раулю, они остановились перед дверью; Перс открыл ее маленькой отмычкой, которую извлек из кармана жилета. Разумеется, Перс, как и Рауль, был одет во фрак, но если костюм Рауля дополнял цилиндр, то на голове Перса, как уже упомянуто, была каракулевая папаха. Это являлось очевидным нарушением норм этикета, царившего за кулисами театра, согласно которым наличие цилиндра было обязательным. Однако во Франции иностранцам спускается все: англичанам – кепи, персам – восточный головной убор.

– Сударь, – обратился Перс к юноше, – пожалуй, цилиндр станет вам помехой в таком предприятии, как наше... Не лучше ли оставить его в примерной?

– Какой примерной? – спросил Рауль.

– Примерной Кристины Даэ!

И Перс, пропустив Рауля через отворенную им дверь, показал на вход в комнату девушки.

Рауль и понятия не имел, что к Кристине можно попасть столь непривычным путем. Они очутились в конце того коридора, которым обычно проходил юноша, прежде чем постучать в заветную дверь.

– Да, сударь, вы неплохо знаете Оперу!

– Куда хуже, чем он, – скромно заметил Перс.

Он подтолкнул юношу, заставляя войти в примерную. Там все было в том виде, в каком ее оставил Рауль.

Затворив дверь, Перс устремился к тонкой перегородке, отделявшей примерную от просторного кабинета, служившего гардеробной. Он прислушался, а затем громко кашлянул.

В гардеробной послышалось тотчас какое-то движение, несколько мгновений спустя раздался стук в дверь.

– Входи! – приказал Перс.

Появился мужчина в такой же каракулевой шапке, как у Перса, и в длинном объемном плаще. Поклонившись, он высвободил из-под своего одеяния тщательно перевязанную коробку, установил ее на туалетном столике, отвесил поклон и направился прочь.

– Тебя никто не видел, Дариус?

– Нет, господин.

– Никто не должен заметить, как ты выходишь отсюда.

Слуга выглянул наружу и мгновенно выскользнул из комнаты.

– Сударь, мне пришла в голову одна мысль, – заметил Рауль, – мы рискуем, что нас застанут здесь и задержат. Комиссар не преминет обыскать гримерную.

– Ба! Опасаться следует вовсе не комиссара!

Перс распаковал футляр. В нем оказалась пара длиннотвольных пистолетов с великолепной гравировкой.

– Сразу после исчезновения Кристины Даэ я велел лакею достать мне это оружие. Нет более надежных пистолетов, я неоднократно испытывал их.

Юноша, изумленный доставленным арсеналом, воскликнул:

– Вы хотите драться на дуэли?

– Именно! Мы отправляемся на поединок, друг мой, – ответил Перс, рассматривая капсюль. – И какой поединок! Нас будет двое против одного, но будьте готовы ко всему, – добавил он, протягивая один из пистолетов Раулю. – Не скрою от вас, нам придется иметь дело с самым ужасным врагом, какого только можно вообразить. Но вы ведь любите Кристину Даэ, не так ли?

– Вот именно! Но ведь вы-то не влюблены в нее, объясните в таком случае, почему вы готовы подвергнуть свою жизнь риску ради нее?! Вы, стало быть, ненавидите Эрика?

– Нет, сударь, – печально молвил Перс, – дело не в этом. Если бы я питал к нему ненависть, он давно бы прекратил сеять зло.

– Он причинил зло вам?

– Это я давно простил ему.

– В таком случае, – не унимался Рауль, – ваше отношение к этому человеку совершенно необъяснимо. Вы называете его монстром, говорите о его преступлениях, но в вашем голосе звучит непонятная жалость, так же как и в голосе Кристины, когда она говорила о нем. Это порой приводило меня в отчаяние.

Перс не отвечал. Взяв табурет, он установил его у стены, напротив которой находилось большое зеркало. Затем он встал на табурет и принялся внимательно разглядывать стену, почти уткнувшись носом в обои. Казалось, он что-то искал.

Рауль, сгоравший от нетерпения, окликнул его:

– Так что, сударь? Я жду вас. Идемте же!

– Но куда? – бросил тот в ответ, не поворачивая головы.

– За Призраком. Поторопимся! Не вы ли сказали, что знаете, куда идти?

– Я пытаюсь найти... – И он снова уткнулся носом в стену. – Вот оно; должно быть здесь. – И, подняв руку над головой, человек в шапке из каракуля нажал пальцем в завиток рисунка на обоях. Потом он обернулся и спрыгнул с табурета. – Меньше чем через минуту мы тронемся вслед за ним. – Он перешел к противоположной стене и принялся ощупывать большое зеркало. – Нет, оно что-то не поддается, – пробормотал он.

– А, так нам предстоит пройти сквозь зеркало? – догадался Рауль. – Как Кристине...

– Откуда вы знаете, что Кристина Даэ проходила сквозь зеркало?

– Прямо на моих глазах! Я прятался за шторой туалетной кабинки и видел, как она скрылась – но не за зеркалом, а прямо в нем.

– И что же вы сделали?

– Я решил, сударь, что мне изменило зрение, что это галлюцинация, сон!

– Или новый трюк Призрака, – посмеиваясь, произнес Перс, не отпуская рук от поверхности зеркала. – Ах, господин де Шаньи, если бы мы имели дело с призраками, нам бы осталось благодарить Небеса и не стоило бы вынимать эти пистолеты из футляра!.. Прошу вас, снимите шляпу. А теперь застегните фрак и прикройте пластрон, как я, – манишка не должна быть видна. Поднимите воротник. Необходимо выглядеть как можно незаметнее.

Помолчав немного, он добавил, по-прежнему надавливая на зеркальное стекло:

– Если нажимать на пружину механизма, находясь в комнате, давление противовеса оказывает действие более медленно. Зато, находясь за стеной, можно воздействовать непосредственно на противовес, и тогда зеркало совершает поворот и с поразительной быстротой освобождает проход.

– Какой противовес? – спросил Рауль.

– Тот, что заставляет приподняться стенную панель. А вы полагаете, что она смещается сама по себе благодаря магии? – С этими словами Перс одной рукой притянул к себе Рауля, а другой, не выпуская пистолета, надавил на зеркало. – Вы увидите, если будете очень внимательны, что через мгновение зеркало приподнимется на несколько миллиметров и чуть сдвинется слева направо. Затем, попав на шарнирную ось, оно повернется. Если бы вы знали, какие чудеса можно творить с помощью противовеса! Достаточно движения пальца ребенка, чтобы повернуть целый дом. Когда стенная панель, сколько бы она ни весила, устанавливается с помощью противовеса на ось и уравнивается, она весит не больше, чем юла на своем острие.

– Что же она не поворачивается? – воскликнул Рауль.

– Ну, имейте терпение. Нам еще придется торопить время. Похоже, проржавел механизм, а может, не действует пружина. Или дело совсем не в этом?

– В чем же, сударь?

– Возможно, просто перерезан шнур, удерживающий противовес, и обездвижена вся система.

– Но почему? Он ведь не предполагает, что мы спустимся здесь?

– Он мог заподозрить это, поскольку мне знаком этот механизм.

– Это он вам показал?

– Нет! Я следил за ним, за его внезапными таинственными исчезновениями и понял, в чем тут дело. Сама система потайных дверей весьма проста, здесь используется механика древняя, как святилища Фив с их сотнями скрытых дверей, как тронный зал дворца Эктабаны, как храм с треножником в Дельфах.

– Но зеркало не поворачивается! А Кристина, она ждет, сударь!

– Мы делаем все, что в человеческих силах, – хладнокровно парировал Перс, – а вот он может задержать нас на первых же шагах.

– Выходит, он – хозяин этих стен?

– Стен, и дверей, и ловушек. У нас его именовали любителем ловушек.

– Кристина мне так и говорила, притом столь же таинственным тоном, приписывая ему неоспоримое могущество. Все это кажется настолько невероятным! Почему эти стены повинуются ему, и только ему? Разве они возведены им?

– Да, сударь.

Сбитый с толку, Рауль посмотрел на Перса, ожидая объяснений, но тот знаком велел ему застыть и затем указал на зеркало. Двойное отражение собеседников, казалось, подернулось рябью, дрогнуло, затем восстановилось.

– Вы прекрасно понимаете, что оно не повернется, – заявил Рауль. – Пойдем другой дорогой.

– Сегодня вечером это невозможно, – мрачно возразил ему Перс. – А теперь внимание! Будьте готовы стрелять!

Сам он направил дуло пистолета прямо в зеркало. Рауль повторил его жест. Свободной рукой Перс притянул юношу к себе, и внезапно зеркало повернулось, хлынул слепящий глаза сияющий свет. Оно повернулось так же легко, как вращаются двери, ведущие в публичные залы. Повернулось, неумолимо подгоняя Рауля и Перса, бросая их внезапно из яркого света в непроглядную тьму.

Глава 21

В подземельях Оперы

– Руку выше, готовьтесь стрелять! – торопливо повторил спутник Рауля.

Стена за их спиной встала на место, завершив полный оборот вокруг оси. На несколько секунд они застыли, затаив дыхание. Ни единый звук не нарушал царившей во мраке тишины.

Наконец Перс решился сдвинуться с места, Рауль почувствовал, что он опустился на колени, ощупывая что-то. Неожиданно во тьме слабо засветился фонарик, Рауль инстинктивно отступил, чтобы избежать нападения неведомого врага. Тотчас он сообразил, что фонарь зажег Перс. Маленький красноватый луч скользнул по перегородкам, скрупулезно обшаривая стены сверху донизу. Справа была каменная стена, слева дощатая перегородка, снизу и на потолке дощатые щиты. Рауль заметил себе, что именно этим путем проходила Кристина, следуя за голосом Ангела Музыки. Именно так Эрик проникал сквозь стены – вопреки здравому смыслу, – мороча невинное воображение Кристины.

По предположению Перса, этот ход был сооружен самим Призраком Оперы. Позднее стало известно, что он нашел этот ход, словно созданный для него, и воспользовался им, оставаясь долгое время единственным, кто ведал о его существовании. Это было сооружение времен Парижской коммуны, тюремщики благодаря ему могли скрытно препровождать своих узников прямо в казематы; дело в том, что здание Оперы было захвачено федералистами вскоре после 18 марта, наверху сделали площадку для запуска воздушных шаров – монгольфьеров, с помощью которых по округе распространялись листовки, подстрекавшие толпу; подвалы же использовали как государственную тюрьму.

Перс вновь опустился на колени, положив на землю фонарь. Он произвел какие-то манипуляции, возникло свечение.

Рауль услышал какой-то легкий стук и обнаружил, что в полу коридора бледно засветился квадрат, как если бы распахнулось окно, ведущее из освещенного здания Оперы в подземелье. Рауль не различал во мраке фигуры Перса, но его дыхание чувствовалось где-то рядом.

– Следуйте за мной и делайте то же, что и я.

Рауль направился к светящемуся люку и увидел, как Перс, присев на корточки, оперся руками на края люка и соскользнул вниз, держа пистолет в зубах.

Странно, что виконт проникся к Персу абсолютным доверием. Несмотря на отсутствие сведений о нем, несмотря на то, что действия Перса скорее усиливали атмосферу тайны вокруг этого приключения, в решающий момент Рауль, не колеблясь ни секунды, поверил, что тот на его стороне против Эрика. Казалось, он искренне настроен против этого чудовища, а его интерес к похищению Кристины не внушал подозрений. Наконец, если бы Перс действительно строил козни против Рауля, он ни за что не дал бы ему оружие из собственных рук. И потом, говоря начистоту, необходимо было выручать Кристину любой ценой. Для Рауля не существовало выбора. Если бы, усомнившись в чистоте намерений Перса, юноша заколебался, то счел бы себя последним трусом.

Итак, Рауль в свою очередь опустился на колени и повис на руках, держась за края люка.

– Отпустите руки! – донеслось до него.

Перс подхватил юношу и тут же заставил его лечь навзничь, сам же так быстро закрыл люк над их головами, что Рауль не успел подметить, с помощью какой уловки это было сделано, а Перс уже опустился на землю рядом с виконтом. Тот намеревался задать какой-то вопрос, но Перс рукой зажал ему рот. Раздался голос, узнать который не составляло труда: говорил комиссар полиции, недавно допрашивавший юношу.

Рауль и Перс очутились за переборкой, которая явилась для них отличным укрытием. Здесь же находилась узкая лесенка, ведущая в помещение, откуда доносились звуки шагов и голос комиссара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.